

ЛЬЮ УОЛЛЕС

Теперь, когда его судьба
уже не изменить,
история, которую
он писал, была бы
предназначена
только для неба!

БЕН-ГУР

ВЕРСИЯ
1957

1957

Льюис Уоллес

Бен-Гур

«Центрполиграф»

Уоллес Л.

Бен-Гур / Л. Уоллес — «Центрполиграф»,

Бен-Гур – потомок знатного иудейского рода – был предан другом-римлянином. Пройдя через горнило испытаний, юноша превратился в закаленного мужа, но сердце его осталось любящим и нежным. Бен-Гур уверовал в Христа и собрал легион, чтобы защищать Спасителя от Рима, но не ожидал князь, что сами иудеи будут кричать «Распни Его!».

Содержание

Книга первая	6
Глава I	6
Глава II	9
Глава III	12
Глава IV	14
Глава V	17
Глава VI	23
Глава VII	25
Глава VIII	28
Глава IX	32
Глава X	38
Глава XI	39
Глава XII	43
Глава XIII	45
Глава XIV	52
Книга вторая	54
Глава I	55
Глава II	57
Глава III	63
Глава IV	67
Глава V	72
Глава VI	77
Глава VII	85
Книга третья	88
Глава I	89
Глава II	94
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Лью Уоллес

Бен-Гур

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Книга первая

Глава I В ПУСТЫНЕ

Джебель-ас-Зублех – это гора длиной миль пятьдесят, столь узкая, что ее изображение на карте напоминает гусеницу, ползущую с юга на север. Если стоять на ее красно-белых скалах лицом к восходящему солнцу, то перед смотрящим расстилается Аравийская пустыня, по которой от начала времен носятся восточные ветры, столь ненавидимые виноградарями Иерихона¹. Подножие горы засыпано глубокими песками, принесенными из-за Евфрата, а на западе, защищенные, как стеной, горою Джебель, лежат пастбища стран Моаб и Аммон – земель, которые некогда тоже были частью пустыни.

Арабский язык господствует на всем пространстве южнее и восточнее Иудеи; согласно ему, старик Джебель приходится отцом всем вади, сухим руслам речушек, которые, пересекаемые построенной римлянами дорогой – ныне бледным подобием того, чем она была когда-то, ставшей всего лишь пыльным трактом для сирийских паломников, бредущих в Мекку и обратно, – в дождливый период наполняются бурными потоками воды, несущимися в Иордан и дальше, к своему конечному месту, Мертвому морю. По одному из таких вади, начинавшемуся от самой оконечности Джебеля и, даже вытягиваясь с востока на север, становящемуся руслом реки Джаббок, двигался путешественник, направляясь к пустынному плато. Да остановит же читатель свое внимание на этом человеке!

Судя по виду, ему было около сорока пяти лет. В бороде его, некогда жгуче-черного цвета, широкой волной спускающейся на грудь, просвечивала седина. Лицо цвета хорошо прожаренного кофе скрывала красная кейфия (как ныне называют эту головную накидку дети пустыни), позволяя видеть лишь его небольшую часть. Одет он был в просторный балахон, столь распространенный на Востоке; над головой его был натянут небольшой навес, укрепленный на седле белого одногорбого верблюда. Время от времени путешественник поднимал к небу большие темные глаза.

Чрезвычайно сомнительно, мог ли когда-нибудь человек Запада преодолеть изумление, производимое на него видом верблюда, снаряженного и навьюченного для путешествия по пустыне. Привычка, столь губительная для других свежих впечатлений, в данном случае не срабатывала. Даже в конце долгого путешествия с караваном, после многих лет, проведенных бок о бок с бедуинами, рожденный на Западе человек застывал на месте при виде гордо шествующего животного. Очарование крылось отнюдь не в его фигуре, которую даже любовь не могла бы увидеть прекрасной; не в его движениях, бесшумной поступи или мерном покачивании. Подобно тому как море благоволит кораблю, так и пустыня была расположена к этому созданию. Она облакала его во все возможные покровы тайн; заставляя нас, смотрящих на него, думать только о нем: вот оно, истинное чудо. Животное, которое ныне поднималось из вади, вполне могло вызвать искреннее восхищение. Его масть и рост, ширина ступней, массивное тело, не отягощенное жиром, но бугрившееся мышцами; голова, широкая в лобной части; длинная изящная шея, своим выгибом напоминавшая лебединую, столь тонкая, что на ней вполне можно было бы застегнуть женский наручный браслет; шаги, длинные и упругие; уверенная и бесшумная поступь – все указывало на бесценную сирийскую кровь, восхо-

¹ Иерихон – город 7 – 2-го тысячелетий до н. э. в Палестине (на территории совр. Иордании). В конце 2-го тысячелетия до н. э. разрушен европейскими племенами. По библейскому преданию, стены Иерихона рухнули от звуков труб завоевателей.

дящую ко дням самого Кира². На животном была обычная упряжь, отделанная алой бахромой, спускавшейся на лоб, с бронзовыми цепочками на груди, оканчивающимися позвякивающими серебряными колокольчиками; поводья отсутствовали. Устройство на спине верблюда принадлежало к числу тех, которые могли бы прославить его изобретателя, если бы он не принадлежал к сонму безвестных восточных мудрецов. Оно представляло собой два деревянных ящика, едва ли четырех футов в длину каждый, висевших по обеим сторонам тела животного; все пространство между ними было устлано мягкими тканями и накрыто ковром так, что хозяин верблюда мог сидеть или полулежать. Над этим сооружением был натянут зеленый полог. Широкие ремни, охватывавшие туловище животного и соединенные бесчисленными узловатыми веревками, удерживали сооружение на месте. Таким образом искусные сыны Востока ухитрились с достаточным комфортом путешествовать по сожженным солнцем диким просторам как по делам, так и ради удовольствия.

Взобравшись на последнюю террасу вади, путешественник и дромадер пересекли границу страны Аль-Белка, античного Аммона. Стояло раннее утро. В небе, подернутый дымкой, висел красный диск солнца; под ним раскинулась пустыня, но не царство движущихся песков – оно лежало дальше, – а то пространство, где трава и кустарники постепенно сходили на нет; где поверхность земли была покрыта гранитными валунами, а серые и коричневые камни перемежались чахлыми кустиками акации и пучками верблюжьей колючки. За спиной путника остались словно бы сжавшиеся от страха перед грядущей пустыней небольшой дубок, кустики ежевики и земляничное дерево, символы границы зеленого мира.

Здесь обрывались все дороги. Куда более, чем раньше, стало казаться, что кто-то незримо управляет верблюдом; тело его вытянулось вперед, он ускорил шаги; голова животного была направлена прямо к дальнему горизонту; широкие ноздри мощно втягивали воздух. Паланкин на спине раскачивался, поднимаясь и опускаясь, как лодка на волнах. Под ногами верблюда похрустывали случайные сухие листья. Иногда в воздухе разливался сладковатый запах полыни, проносились жаворонки и чеканы. Из-под ног, посвистывая и кудахча, прыскали в стороны белые куропатки. Редкое появление лисы или гиены заставляло животное ускорять шаг, чтобы оказаться на безопасном расстоянии. Справа возвышались холмы Джебеля, покрытые перламутровой дымкой, ставшей моментально алой, как только ее коснулись лучи солнца. Над самыми высокими пиками парили грифы, описывая широкие круги. Но путник под зеленым пологом не видел всего этого или, по крайней мере, не подавал никакого знака, что видит окружающее. Взор его, мечтательный и отсутствующий, был устремлен в одну точку. Похоже было на то, что человеком, как и верблюдом, незримо кто-то управляет.

Два часа, не уменьшая шага, дромадер двигался вперед, следуя точно на восток. За все это время путешественник не изменил позы, даже не бросил взгляда вправо или влево. Расстояния в пустыне измеряются отнюдь не милями и не лигами, но саатами, или часами, и манзилями, или переходами: в первом отрезке три с половиной лиги, во втором – от пятнадцати до двадцати пяти лиг; но такова уж обычная норма для верблюда. Животное же истинной сирийской породы с легкостью покрывает три лиги. Идя полным галопом, оно обгоняет даже пустынный ветер. В результате такого быстрого передвижения облик окружающей местности стал изменяться. Джебель отступил к западному горизонту, вытянувшись вдоль него подобно бледно-голубой ленте. По сторонам стали появляться холмы, сложенные из глины и уплотненного песка. Грунт прорывали круглые базальтовые глыбы, авангард гор, высланный ими на равнину; все остальное пространство занимал песок, то ровный, как на приморском пляже, то вздымающийся пологими горками, то вытянувшийся длинными волнами. Стал другим и

² Кир II Великий (? 530 г. до н. э.) первый царь государства Ахеменидов. Завоевал Мидию, Ливию, греческие города в Малой Азии, значительную часть Средней Азии. В 539 году покорил Вавилон и Месопотамию. Погиб во время похода в Среднюю Азию.

воздух над пустыней. Высоко поднявшееся солнце выпило из него всю утреннюю влагу и раскалило ветер, овевающий путника; залило молочно-белой краской землю пустыни, заставило светиться все небо над нею.

Еще два часа прошли без остановок или изменений направления движения. Растительность совсем исчезла. Песок, хрустевший под ногами животного при каждом шаге, заполнил все вокруг. Джебель скрылся вдаль, глазу было не за что зацепиться как за ориентир. Тень, до этого покорно следовавшая за путником, развернулась к северу и сжалась, превратившись в пятнышко у самых ног верблюда. Поскольку не было ни малейшего намека на грядущую остановку, поведение путешественника с каждой минутой казалось все более странным.

Следует заметить, что никто из живущих в пустыне не относится к ней легкомысленно. Жизнь и дела заставляют пересекать ее по тропам, рядом с которыми немым предупреждением путникам то и дело можно видеть кости существ, двигавшихся по ним. Тропы эти тянутся от одного источника до другого, от пастбища к пастбищу. Сердца самых опытных жителей пустыни начинают биться чаще, когда они оказываются в одиночестве вдаль от торных путей. Поэтому человек, о котором мы ведем речь, не мог странствовать просто ради удовольствия, хотя по манере поведения не походил и на беглеца. В подобных ситуациях страх и любопытство становятся самыми обычными чувствами; путник же явно их не испытывал. Если человек странствует в одиночестве, он рад любому спутнику; собака становится лучшим другом, лошадь – верным товарищем, и нет ничего стыдного в том, чтобы приласкать их или обратиться к ним со словами любви. Но ничего подобного не перепало верблюду – ни ласкового слова, ни прикосновения.

Ровно в полдень дромадер по своей собственной воле остановился и испустил хриплый рев, которым эти животные обычно выражают свой протест против чересчур тяжелого груза, требуют внимания к себе или отдыха. Поэтому его хозяин вернулся к действительности, очнувшись от своей дремоты. Он откинул полог своего хоуда, бросил взгляд на солнце, долго и тщательно всматривался в пространство по обе стороны от направления движения, словно пытаясь узнать некое условленное место. Видимо, осмотр его удовлетворил, ибо он глубоко вздохнул и кивнул головой, словно говоря самому себе: «Ну, наконец-то, наконец! >> Минутой спустя он скрестил руки на груди, склонил голову и вознес молчаливую молитву. Свершив религиозный долг, он стал готовиться к остановке. Из рта его вырвался звук, без сомнения самый желанный для всех верблюдов страны библейского Иова – Икх! Икх! – сигнал пасть на колени. Животное медленно повиновалось. Поставив ногу на изгиб тонкой шеи, всадник сошел на плотный песок.

Глава II

ВСТРЕЧА МУДРЕЦОВ

Сложение человека, ступившего на песок и представшего нашему взору, оказалось превосходным – он был не очень высок, но весьма силен. Развязав шелковый жгут, удерживавший на его голове кейфие, он отбросил назад волосы, так что стало видно его лицо – с резкими чертами, темное, едва ли не как у негра, хотя широкий лоб, орлиный нос, слегка вздернутые наружные углы глаз, блестящая грива густых, прямых и жестких волос, спускавшихся к плечам, не оставляли никаких сомнений в его происхождении. Так выглядели фараоны, а впоследствии Птолемеи³; так выглядел Мицраим, отец египетской расы. Путник был облачен в камис, белую рубаху из хлопка, с узкими рукавами, открытую на груди и достигающую колен, с вышивкой вокруг шеи и на груди. Поверх камиса была наброшена накидка из коричневой шерсти, сейчас, как, вполне вероятно, и тогда, называвшаяся аба, – верхняя одежда с длинным подолом и короткими рукавами, подбитая изнутри несколькими слоями хлопка и шелка, отороченная золотистого цвета каймой. На ногах красовались сандалии, удерживавшиеся ремешками из мягкой кожи. Камис на талии был стянут кушаком. В глаза бросалось то, что человек был безоружен: хотя он путешествовал в одиночку, а пустыня кишела леопардами, львами, да и людьми, не уступавшими хищникам в кровожадности, у путника не было при себе даже изогнутого посоха, используемого для управления верблюдами; из этого мы можем заключить, что дело его было вполне мирное, а также то, что он был необычно отважен либо находился под чрезвычайно могущественной защитой.

Руки и ноги путника вероятно, затекли после долгого и утомительного пути. Он растер руки, несколько раз топнул ногой и обошел вокруг своего верного слуги, который, прикрыв глаза, сосредоточенно пережевывал найденный пучок колючки. Делая этот круг, путник несколько раз остановился, всматриваясь из-под ладони в пустынные дали; но всякий раз, когда он опускал ладонь, на лице его отражалось разочарование. Внимательный наблюдатель понял бы, что человек этот кого-то здесь поджидает, и задался бы другим, куда более сложным вопросом: что за дело требовало встречи в столь далеком от обжитых мест?

Но, несмотря на разочарование, путник, казалось, все равно был уверен в появлении ожидаемых им людей. Подойдя к паланкину, он вынул из ящика губку и небольшую флягу с водой и промыл глаза, морду и ноздри верблюда; сделав это, путник из того же ящика извлек круг материи в красную и белую полосу, моток веревок и прочную деревянную стойку. Несколько умелых действий – и стойка превратилась в хитроумное устройство из нескольких колен, соединенных между собой подобием шарниров. Вместе они образовали центральную стойку шатра. Когда стойка была воткнута в песок и закреплена растяжками, путник набросил на растяжки материю и в буквальном смысле оказался в доме, пусть меньшем, чем жилище эмиров и шейхов, но вполне приличном во всех остальных отношениях. Затем человек достал из паланкина ковер или квадратный плед и натянул его в качестве боковой стены, закрыв внутренность шатра от солнца. Сделав это, он вышел наружу и еще раз, более внимательно, обвел взором окружающее пространство. Оно, за исключением пробежавшего вдали шакала и парившего высоко в воздухе орла, оставалось совершенно безжизненным.

Человек повернулся к верблуду и негромко произнес на языке, редко звучавшем в пустыне: «Мы с тобой оказались далеко от нашего дома, о скакун, обгоняющий ветер. Мы далеко от дома, но Бог пребывает с нами. Так будем же терпеливы».

³ Птолемеи (Лагиды) – царская династия в эллинистическом Египте в 305–30 гг. до н. э. Основана Птолемеем I (сыном Лага) – полководцем Александра Македонского, диадохом. При последней представительнице династии Клеопатре государство Птолемея было завоевано Римом, его территория составила римскую провинцию Египет.

Затем он достал из переметной сумы несколько пригоршней фасоли, засыпал их в торбу, повесил ее под морду верблюда и, отметив для себя, с каким удовольствием тот принялся за еду, повернулся и еще раз обвел взглядом море песка, залитое почти вертикальными лучами солнца.

– Они придут, – невозмутимо произнес он вслух. – Тот, кто ведет меня, ведет и их. Я должен быть готов.

Из карманов на внутренней поверхности шатра и из плетеной корзины, стоявшей в паланкине, он достал приборы и яства для трапезы: блюда из сплетенных пальмовых волокон, вино в небольших кожаных бурдюках, вяленую и копченую баранину, шами – сирийский сорт граната без косточек, сыр, подобный «ломтям молока» библейского Давида, и дрожжевой хлеб. Все это было разложено на ковре под шатром. Рядом с яствами человек положил три больших лоскута белого шелка, которые используются утонченными жителями Востока, чтобы прикрывать колени обедающих гостей. Теперь стало ясно, скольких гостей он ожидал.

Все было готово к встрече. Человек вышел из шатра и застыл на месте: на востоке на ярком золоте пустыни появилось темное пятно. Какое-то время он стоял как вкопанный; глаза его расширились, по коже пробежал холодок. Пятнышко увеличивалось в размерах, стало приобретать определенные очертания. Некоторое время спустя можно было уже различить верблюда, высокого и белого, несшего на спине хунда – дорожный паланкин Индостана. Тогда египтянин скрестил руки на груди и возвел взор к небу.

– Воистину велик только Бог! – воскликнул он со слезами на глазах и с благоговением в голосе.

Подъехавший человек, казалось, только что очнулся от дремы. Он обвел взглядом лежащего на земле верблюда, шатер и человека, стоявшего в молитвенной позе у входа, тоже скрестил руки, склонил голову и прошептал про себя слова молитвы; после чего, немного помедлив, ступил на шею верблюда и сошел на песок, направляясь к египтянину. Мгновение они смотрели друг на друга; затем обнялись – каждый из них положил правую руку на плечо другого, левой обнимая за спину и прижавшись лицом сначала к левой, а потом к правой стороне груди.

– Да будет мир тебе, о слугитель истинного Бога! – произнес приехавший вторым.

– И тебе того же, о брат мой по истинной вере! Мир тебе и добро пожаловать, – пылко ответил египтянин.

Вновь прибывший был высок и худощав, седобородый, с узким лицом и запавшими глазами, кожей цвета бронзы с оттенком корицы. Он тоже был безоружен. Облечение его было типично индусским; поверх тюбетейки большие складки платка образовывали тюрбан; на плечах красовался почти такой же наряд, что и у египтянина, лишь аба была несколько короче, позволяя видеть широкие просторные шаровары, закрывающие колени. Вся одежда была из белоснежного полотна, за исключением шлепанцев красной кожи без задников, с загнутыми вверх носками. От человека исходило ощущение благородства, величавого достоинства и простоты. Вишвамित्रа, величайший из героев и аскетов «Илиады» Востока, получил в нем свое идеальное воплощение. Ему вполне подошло бы имя Жизнь, пронизанная мудростью Брахмы⁴, – Воплощенная Инкарнация. Лишь в глазах индуса оставалось что-то земное и человеческое; когда он поднял свое лицо от груди египтянина, в них блеснули слезы.

– Воистину велик только Бог! – воскликнул он, размыкая объятия.

– Да будут благословенны служащие Ему! – ответил египтянин, с изумлением услышавший повторение своих собственных слов. – Но подождем немного, – добавил он, – подождем, потому что приближается еще один.

Они устремили свои взоры к северу, откуда, уже вполне различимый, приближался третий верблюд, такой же белоснежный, как и два первых, покачиваясь, словно корабль на волнах.

⁴ Брахма – в брахманизме и индуизме один из трех высших богов, бог-создатель, творец Вселенной и всего сущего.

Они ждали, стоя плечом к плечу, – ждали, пока новый всадник подъехал, спешил и направился к ним.

– Мир тебе, о брат мой! – произнес он, обнимая индуса.

На что индус отвечал:

– Да исполнится воля Бога!

Последний из прибывших был совершенно не похож на своих друзей; более слабого сложения, белокожий, большая грива тонких светлых волос увенчивала его небольшую, но красивую голову; в теплом взгляде его темных глаз явственно читались деликатный ум, храбрость и сердечность. Он также не был вооружен. Распахнутые складки тирской накидки, которую он носил с врожденным изяществом, позволяли увидеть подобие туники с короткими рукавами и большим вырезом для головы, стянутой на талии узким поясом и доходящей до колен; шея, руки и ноги были обнажены. Ноги защищали сандалии. Лет пятьдесят, а возможно и больше, пронесли над головой этого человека, почти не оставив следа, только слегка утяжелив его жесты и сделав сдержанной речь. Физическое сложение и могучий дух остались неподвластны годам. Не нужно было слов, чтобы понять, где находилась родина этого человека; так и виделось, что он вышел из оливковых рощ Афин.

Когда его руки, обнявшие египтянина, разомкнулись, последний произнес срывающимся от волнения голосом:

– Святой дух привел меня первым на место встречи, тем самым повелев мне быть слугой моим собратьям. Шатер раскинут, хлеб уже ждет, чтобы мы его преломили. Позвольте же мне исполнить мой долг.

Взяв каждого из прибывших за руку, египтянин ввел их в шатер, снял с них сандалии и омыл им ноги, слил им воду на руки и вытер чистой материей. Затем, сполоснув свои руки, он произнес:

– Позаботимся же о себе, братья, как этого требует наш долг, и укрепим себя пищей, чтобы мы могли выполнить то, что должны сделать сегодня. Вкушая пищу, мы расскажем друг другу, кто мы такие, откуда пришли и как нас зовут.

Подведя их к приготовленной трапезе, он усадил прибывших так, чтобы каждый из них видел остальных. Все одновременно склонили головы, скрестили руки на груди и в один голос произнесли:

– Отец всего сущего, Боже, то, что мы здесь, – это Твоя воля; прими нашу благодарность и благослови нас, чтобы мы могли продолжать выполнять Твою волю.

С последними словами они возвели взоры к небу, а потом удивленно устремили их друг на друга. Каждый из них говорил на своем языке, никогда не слышанном другими; и все же каждый в точности понял, что было произнесено. Души их затрепетали от неведомого высокого чувства; они непостижимым образом ощутили Божественное Присутствие.

Глава III

ГОВОРIT АФИНЯНИН. ВЕРА

Чтобы не оставалось никакой неясности, необходимо отметить, что только что описанная встреча имела место в 747 году от основания Рима. Стоял месяц декабрь, и зима царилa на всем пространстве к востоку от Средиземного моря. Переход по пустыне в этот сезон вызывал сильнейший аппетит. Компания, собравшаяся под небольшим шатром, не была исключением из этого правила. Они охотно ели; потом, выпив вина, пустились в разговоры.

– Для путника в чужой стране нет ничего приятнее, чем услышать свое имя, произнесенное устами друга, – произнес египтянин, молчаливо признанный главой застолья. – Нам предстоит провести много дней вместе. Наступило время узнать друг друга. Итак, тот, кто пришел последним, если пожелает, станет говорить первым.

Грек заговорил медленно, словно прислушиваясь к своим словам.

– Я должен сказать вам, мои собратья, что едва представляю, с чего мне начать и что такого особенного я могу поведать вам. Я до сих пор до конца не понимаю сам себя. Более всего я уверен в том, что я выполняю волю Господа, и эта служба является для меня нескончаемой радостью. Когда я думаю о предназначении, которое я должен исполнить, во мне рождается невыразимая радость от того, что я знаю волю Бога.

Говоривший замолк, не в состоянии говорить от переполнявших его чувств. Остальные, разделяя их, потупили взоры.

– Далеко к западу от этих мест, – снова начал он, – лежит страна, которую невозможно забыть, хотя бы только потому, что мир слишком многим ей обязан, а также потому, что чувство благодарности относится к тем чувствам, которые наполняют сердца людей чистой радостью. Я не буду говорить об искусстве, ничего о философии, риторике, поэзии, войне: о мои братья, слава ее должна сиять в веках, записанная на скрижалях истории сияющими письменами, которые Он послал нас обрести и провозгласить, сделав известными всему миру. Страна, о которой я говорю, – Греция. Меня же зовут Гаспар, я сын Клеонта из Афин.

Люди моей страны, – продолжал он, – преданы познанию, и от них я унаследовал ту же страсть. Двое наших философов, величайшие из множества других, учат – один тому, что каждый человек обладает Душой, которая Бессмертна; другой же – доктрине Единого Божества, бесконечно праведного. Из множества учений, по поводу которых спорят между собой различные философские школы, я выбрал именно их, как единственно достойные труда постижения; поскольку я убежден – существует связь между Богом и душой, пока еще неведомая. В размышлениях об этом разум доходит до предела, до глухой непроходимой стены; достигшим ее остается только остановиться и возопить о помощи. Так поступил и я; но ни звука не донеслось до меня из-за этой стены. В отчаянии я порвал с городами и школами.

При этих словах мрачная улыбка одобрения осветила исхудавшее лицо индуса.

– В западной части моей страны – в Фессалии, – продолжал свое повествование грек, – есть гора, известная как обиталище богов; именно там расположено жилище Зевса, которого мои сограждане считают верховным богом: гора эта зовется Олимпом. Туда я и направил свой путь. Я нашел пещеру на склоне холма там, где гора эта, тянущаяся с запада, начинает отклоняться к юго-востоку. Там я и жил, предаваясь медитации и ожидая откровения. Веря в Бога, невидимого и вездесущего, я верил также в возможность так возжаждать Его всеми силами души, что Он почувствует сострадание ко мне и даст мне ответ.

– И Он дал – Он дал! – воскликнул индус, вздымая руки из-под шелкового покрывала, покрывавшего его колени.

– Послушайте меня, братья, – произнес грек, с видимым усилием овладевая своими чувствами. – Дверь моего уединенного жилья выходила на Салоникский залив. Однажды я уви-

дел, как с борта вошедшего в залив корабля прыгнул в море человек. Ему удалось доплыть до берега. Я дал ему кров и заботился о нем. Он оказался иудеем, знающим историю и законы своего народа; от него я узнал, что Бог моих молитв воистину существует и много лет был законодателем, правителем и царем этого народа. Что это было, как не то самое Откровение, о котором я мечтал? Вера моя была не бесплодна, Бог дал мне ответ!

– Как Он дает его всем, кто взывает к Нему с такой верой! – произнес индус.

– Но, увы, – добавил египтянин, – сколь мало мудрецов, постигающих Его ответ им!

– Это еще не все, – продолжал грек. – Человек, посланный мне, рассказал нечто большее.

Он поведал, что пророки, которые за время, прошедшее с первого откровения, имели счастье видеть Бога и говорить с Ним, утверждали, что Он снова придет в наш мир. Человек этот поведал мне имена пророков, а из священных книг я познал их язык. Еще он рассказал, что второе пришествие уже наступает – и вот-вот произойдет в Иерусалиме.

Грек прервал свой рассказ, и оживление сошло с его лица.

– Истинно также то, – произнес он после краткого молчания, – истинно также – человек этот сказал мне, что Бог и откровение, о котором он поведал, предназначены только для иудеев. Тот, кто придет, станет Царем Иудейским. «И у Него нет ничего для остального мира?» – спросил я. «Нет, – был ответ, произнесенный гордым тоном. – Нет, поскольку именно мы – Его избранный народ». Ответ этот не сокрушил мою надежду. Почему такой Бог должен ограничивать Свою любовь и благоденствие одной страной и, более того, одним племенем? Я продолжал свои расспросы. Наконец мне удалось сломить гордость этого человека и узнать, что отцы его народа были всего лишь выбраны в качестве служителей, которые должны были хранить Истину с тем, чтобы мир мог в конце концов познать ее и быть спасен. Когда же иудей ушел, оставив меня, я укрепил свою душу новыми молитвами – чтобы мне было позволено увидеть Царя, когда Он явится миру, и поклониться Ему. Однажды ночью я сидел у входа в мою пещеру, пытаюсь полнее познать тайну моего бытия – ведь познать ее значит познать Бога; внезапно в море, расстилавшемся внизу, или, скорее, во мгле, скрывавшей море, я увидел вспыхнувшую звезду. Медленно она поднялась над горизонтом и остановилась над холмом и моей дверью, так что ее свет воссиял мне прямо в глаза. Я пал ниц и уснул, и во сне я слышал голос, произнесший: «О Гаспар! Вера твоя одержала победу! Да будешь ты благословен! Вместе с двумя другими иди до самого края земли, и там ты узришь Того, Кто был обещан, и будешь свидетелем Его и сможешь свидетельствовать о Нем. Утром же восстань, и ступай на встречу с Ним, и храни веру в тот Дух, что будет вести тебя».

И поутру я проснулся в духе столь светлом, что он затмевал свет солнца. Я сбросил свое рубище отшельника и оделся как в былые времена. Из тайника я достал сокровища, которые принес с собой из города. Вдоль берега шло судно. Я дал ему знак, был принят на борт и сошел в Антиохии. Там я купил верблюда и все необходимое для путешествия. Мимо садов и огородов, покрывающих берега Оронта, я добрался до Эфеса, Дамаска, Басры и Филадельфии, а оттуда сюда. Такова, о братья мои, моя история.

Глава IV

РАССКАЗ ИНДУСА. ЛЮБОВЬ

Египтянин и индус переглянулись; первый жестом предложил индусу говорить, тот склонил голову и начал свое повествование.

– Наш брат сказал хорошо. Да будут мои слова столь же мудры.

Он прервал свою речь, помолчал, затем продолжил:

– Возможно, о братья мои, вам доводилось слышать мое имя – Мелхиор. Я говорю с вами на языке, который, будучи едва ли не самым древним в этом мире, лишь совсем недавно получил письменность – я имею в виду санскрит, язык Индии. По рождению я индус. Мои соплеменники первыми вступили на поля познания, первыми взрыхлили и возделали их. Что бы ни случилось после этого, теперь всегда будут существовать четыре Веды⁵, потому что они стали первыми источниками религии и практических знаний. От них пошла Упаведа, дарованная нам Брахмой, повествующая о медицине, искусстве стрельбы из лука, архитектуре, музыке и сорока шести видах практических искусств; Вед-Ангас, открытая вдохновенными святыми и посвященная астрономии, грамматике, стихосложению, произношению, заклинаниям и воплощениям, религиозным обрядам и церемониям; Уп-Ангас, написанная мудрым Вайясой и посвященная космологии, летосчислению и географии, а также «Рамаяна» и «Махабхарата», героические поэмы, созданные для увековечивания наших богов и героев. Таковы, о братья, Великие Шастры, или книги святых таинств. Но теперь они мертвы для меня, потому что все это время они служили только иллюстрацией творческого гения моей расы. Они были обещанием скорого совершенства. Спросите ли вы меня, почему обещания не были воплощены? Увы! сами эти книги закрыли собой все дороги к прогрессу. Под предлогом заботы о творении авторы этих книг навязали роковой принцип – человек не должен стремиться к познанию или деланию, поскольку Небеса дали ему все необходимое. Когда это положение стало священным законом, факел индийского гения был обращен вниз и с тех пор освещает узкие стены и горькие воды.

Я упоминаю об этом, братья, не из гордыни, и вы это поймете, когда я расскажу вам, что шастры учат нас – Верховный Бог носит имя Брахмы; что Пураны, или священные стихи Уп-Ангас, повествуют нам о Добродетели и Добрых Делах, а также о Душе. Итак, если брат мой позволит мне заметить, – говоривший почтительно поклонился греку, – за много веков до того, как об этом стало известно людям его страны, две великие идеи – Бог и Душа – поглотили все силы индусского сознания. Позвольте мне продолжить объяснения и сказать, что Брами, по учению все тех же священных книг, есть воплощение триады – Брахмы, Вишну и Шивы. Из них Брахма считается создателем нашей расы, которую в процессе создания он разделил на четыре касты. Во-первых, он населил нижние миры и вышние небеса; затем он создал для земных существ землю; после чего из его уст произошла каста брахманов, наиболее близко подобных ему самому, высочайших и благороднейших, единственных учителей Вед, которые в то же самое время изливались из его уст в законченном виде, идеальном воплощении практического знания. Затем из своих рук он создал кшатриев, или воинов; из груди его, местопребывания жизни, произошли вайшья, или производители, – пастухи, земледельцы, торговцы; из ног его, как символа низкого падения, родились шудры, или слуги, – рабы, прислуга, рабочие, ремесленники. Обратите внимание, что, согласно закону, рожденному тогда же, человеку одной касты запрещается становиться членом другой; брахман не может опуститься в более

⁵ Веды памятники др.-инд. литературы (конец 2-го начало 1-го тысячелетия до н. э.) на др.-инд. (ведийском) языке. Веды составляют сборники гимнов и жертвенных формул (Ригведа, Самаведа, Яджурведа, Атхарваведа) и теологические трактаты (брахманы и упанишады).

низкие касты; если он нарушает закон своего собственного круга, то становится изгоем, он перестает существовать для других, кроме таких же изгоев, как и он сам.

При этих словах воображение грека, представив все последствия такого падения, пере-
сильно его напряженное внимание, и он воскликнул:

– В таком состоянии, о братья, как же нужен человеку любящий Бог!

– Да, – добавил египтянин, – такой любящий Бог, как наш.

Брови индуса скорбно сошлись; справившись со своими чувствами, он продолжал более спокойным тоном:

– Я был рожден брахманом. Таким образом, моя жизнь была предопределена до самого ничтожного действия, до последнего часа. Мой первый глоток молока; наречение меня именем; вынос меня на улицу и мой первый взгляд на солнце; посвящение меня в первую ступень брахманства – все сопровождалось чтением священных текстов и пышными обрядами. Я не мог ходить, есть, пить или спать без страха того, что могу нарушить какое-нибудь правило. Нести же кару за это, о братья, пришлось бы моей душе! В зависимости от серьезности нарушения душа моя попала бы на одно из небес – нижайшее из них принадлежит Индре⁶, а высочайшее Брахме – или была бы отослана обратно на землю, чтобы вести там жизнь в облике червя, мухи, рыбы или животного. Наградой же за безупречное поведение стало бы Блаженство, или сопричисление к Бrame, что представляет собой не существование, но пребывание в абсолютном покое.

Индус позволил себе минутное раздумье и затем продолжал:

– Эта часть жизни брахмана называется первой ступенью – ученичеством. Когда же я был готов подняться на вторую ступень – я имею в виду, когда созрел для женитьбы и обзаведения хозяйством, – я задавал много вопросов всем, даже брахманам, и стал еретиком. Из глубины колодца я узрел льющийся сверху свет; стремился подняться к нему и увидеть, что проливает свет на всех нас. И наконец – ах, какой же это был тяжкий труд! – я стоял в свете дня и созерцал принцип жизни, важнейший элемент веры, связующее звено между душой и Богом – Любовь!

Морщинистое лицо мудреца смягчилось, он с силой всплеснул руками. Наступило молчание, во время которого двое других смотрели на него, причем грек – сквозь заливавшие его лицо слезы. Через несколько минут индус продолжил свою речь.

– Счастье любви заключается в действии; мера же ее в том, что кто-то готов сделать для других. Я не мог пребывать в покое. Брахма заполнил мир столькими несчастными. Шудры взывали ко мне, как и бесчисленные верующие и жертвы. Остров Ганга Лагор находится там, где священные воды Ганга исчезают в Индийском океане. Туда я и направил мои стопы. В тени храма, построенного там для мудрого Капилы⁷, вознося молитвы вместе с его учениками, которых священная память об этом святом человеке собрала вокруг его жилища, я думал обрести покой. Но дважды в году сюда приходила процессия паломников, жаждущих найти очищения в водах реки. Их страдания укрепили мою любовь. Противясь порыву заговорить, я замкнул свои уста, поскольку единое слово против Бrame, или Троицы, или же шастриев означало бы верную смерть для меня; любое сочувствие к изгоям, участь которых – умереть в горячих песках, – произнесенное благословение, поданная чашка воды, стало бы приговором для меня, а я – одним из них, потерянным для семьи, страны, касты. Но любовь побеждает! Я говорил с учениками в храме; они прогнали меня. Я разговаривал с паломниками; ответом мне был град камней, заставивший меня покинуть остров. Я пытался проповедовать на стогнах городов, мои слушатели в ужасе бежали меня или пытались убить. В конце концов во всей Индии не оказалось места, где я мог бы найти мир и покой – даже среди изгоев, поскольку, и будучи

⁶ Индра – в ведической религии наиболее почитаемое божество, предводитель и царь богов, громовержец и владыка атмосферы (мира Индры).

⁷ Капила – др.-инд. мыслитель? века до н. э., основатель дуалистической философской системы санкхьи. Сутры Капилы не сохранились.

падшими, они все равно веровали в Брам. Оказавшись в таком положении, я стал искать одиночества, чтобы скрыться от всех, кроме Бога. Я поднялся к истокам Ганга, к горным высям Гималаев. Когда я взойшел на перевал Хурдвар, откуда река в еще незамутненной чистоте начинает свой путь на равнину, я помолился за свой народ и счел себя навсегда потерянным для людей. Через груды камней, взбираясь на скалы и ледники, по пикам, казалось достигающим небес, я смог добраться до Лангцо, озера неописуемой красоты, лежащего у подножий Тизегангри, Гурлы и Кайлас-Парбот, трех гигантов в короне вечных снегов, ослепительно сияющих в лучах солнца. Там, в центре земли, откуда берут начало Инд, Ганг и Брахмапутра, текущие в трех разных направлениях, где прародители человечества возвели свои первые хижины и где они разделились, чтобы заполнить своими потомками мир, оставив после себя Балк, мать всех городов, в ознаменование этого великого события; где Природа, возвратившаяся в свое первоначальное состояние и уверенная в своей безопасности, приглашает мудрецов и изгнанников, обещая безопасность для одних и одиночество для других, – именно здесь и пребывал я наедине с Богом в молитве, посте и ожидании смерти.

И снова голос индуса умолк, а его костлявые руки сомкнулись в страстном жесте.

– Однажды ночью я шел берегом озера, вызывая в слушающую меня тишину: «Когда же Бог придет и заявит о себе? Неужели не будет искупления грехов?» Внезапно в воде озера возгорелся трепетный свет; над поверхностью его появилась звезда, она поднялась на небо и воссияла у меня над головой. Яркость ее ошеломила меня. Когда же я упал ничком на землю, то услышал голос неописуемой благодати, говорящий: «Любовь твоя победила! Будь же ты благословен, о сын Индии! Искупление грехов уже у порога. Вместе с еще двумя, пришедшими из дальних краев земли, ты узришь Спасителя и будешь свидетелем того, как Он придет в мир. Поутру восстань ото сна, и ступай на встречу с ними, и со всей силой своей веры поверь в Дух, который будет вести тебя».

И с этого времени свет не оставляет меня; потому я знаю, что он являет собой видимое присутствие Духа. Наутро я направил свои стопы в мир той дорогой, по которой и пришел сюда. В расщелине горы я нашел камень изрядной ценности, который я продал в Хурдваре. Через Лахор, Кабул и Джидду я пришел в Исфахан. Там купил верблюда и таким образом добрался до Багдада, не дожидаясь караванов. Я путешествовал в одиночку, не испытывая страха, потому что Дух был со мной, как и сейчас. Какое же счастье обрели мы, о братья! Нам предстоит узреть Спасителя – говорить с Ним – поклониться Ему! Я сказал!

Глава V

ИСТОРИЯ ЕГИПТЯНИНА. ДОБРЫЕ ДЕЛА

Более эмоциональный грек поспешил выразить индусу свою радость и поздравления; после чего египтянин произнес с характерной для него степенностью:

– Я преклоняюсь перед тобой, брат мой. Ты много претерпел, и тем больше я радуюсь твоему торжеству. Если вы оба будете добры выслушать меня, то я поведаю вам, кто я такой и как я пришел к тому, чтобы стать призванным. Подождите меня, пожалуйста, одну минуту.

Он вышел из шатра и добавил корма своему верблюду; возвратясь, египтянин продолжил свой рассказ.

– Ваши слова, братья, повествовали о Духе, – сосредоточась, начал он, – и Дух дал мне понять их. Каждый из вас, в частности, рассказывал о своих странах, и это очень важно, почему – я объясню; но, чтобы вы могли полностью понять меня, позвольте мне сначала сказать несколько слов о моей стране. Я Балтазар, египтянин.

Последние слова рассказчик произнес негромко, но с таким достоинством, что оба слушателя почтительно склонились перед ним.

– Я мог бы назвать многие отличительные особенности моего народа, – продолжал он, – но я упомяну только одну. История начинается с нас. Мы первыми стали заносить происходящие события на скрижали истории. У нас не было традиций, и поэтому поэзии мы предпочли достоверность. На фасадах дворцов и храмов, на обелисках, на внутренних стенах гробниц мы записали имена наших царей и их деяния; а изящным папирусам мы доверили мудрость наших философов и тайны нашей религии – все секреты, кроме одного, о котором я сейчас вам рассказываю. Древнее, чем Веды Брахмы или Уп-Ангас Вайясы, о Мелхиор, древнее, чем песни Гомера или метафизика Платона, о мой Гаспар, древнее священных книг и мандаринов Китая; древнее свитков Сиддхарты⁸, сына прекрасной Майя; древнее Торы иудея Моисея – старейшими из анналов человеческой истории являются архивы Мену, нашего первого царя.

Умолкнув, он остановил ласковый взор своих больших глаз на греке.

– На заре истории Эллады кто, о Гаспар, был учителем ваших учителей?

Улыбаясь, грек склонил голову.

– Из этих архивов нам известно, – продолжал Балтазар, – что, когда наши праотцы пришли с далекого Востока, из тех краев, где рождаются три великих реки, из центра мира – со Старого Иранского нагорья, о котором ты нам поведал, о Мелхиор, – то они принесли с собой и историю мира до Потопа, и историю самого Потопа, данную ариям сыновьями Ноя, умудренного Богом, Создателем и Началом Начал, и Душой, столь же бессмертной, как и Бог. Когда мы выполним свой долг, к которому мы призваны, то, если вы решите пойти со мной, я покажу вам священную библиотеку нашего жречества; там, среди прочих, хранится и «Книга мертвых», содержащая ритуал, который должна соблюсти душа после смерти, отправляясь на судилище. Эти идеи – Бог и Бессмертная Душа – были выношены Мицраимом в пустыне и принесены им на берега Нила. Тогда они предстали миру во всей своей первоначальной чистоте, в простоте понимания, как этого всегда желает Бог для нашего счастья; таким же было и первое богослужение – песня и молитва, естественная для увеселения сердца и надежды, исполненная любви к Создателю.

При этих словах грек воздел руки к небу, воскликнув:

– О, я чувствую, как свет проливается в мою душу!

– И в мою тоже! – с таким же жаром произнес индус.

⁸ Сиддхарты (санскр.) – букв. просветленный) имя основателя буддизма принца Гаутамы (623–544 гг. до н. э.), происшедшего из царского рода племени шакьев в Северной Индии.

Египтянин поблагодарил их взглядом и продолжал:

– Религия представляет собой всего лишь закон, который связывает человека со своим Создателем: в основе ее лежат только эти элементы – Бог, Душа и их взаимное понимание, из которых, по мере их осуществления, исходят Богослужение, Любовь и Воздаяние. Закон этот, как и все остальные законы божественного происхождения – подобно тому, который связывает Землю и Солнце, – был с самого начала доведен своим Создателем до совершенства. Такой, о братья мои, была религия первой семьи; такой была религия нашего праотца Мицраима, который не мог быть слеп к формулировке творения, ныне же столь отличной от первоначальной, как первая молитва отличается от богослужения. Совершенство есть Бог; простота есть совершенство. Проклятие же всех проклятий в том, что люди не могут верить единственно таким образом.

Он замолчал, словно бы в раздумье подбирая слова.

– Многие народы возлюбили сладкие воды Нила, – снова заговорил он, – эфиопы, выходцы из Индии, иудеи, ассирийцы, персы, македоняне, римляне – и все они, кроме иудеев, то или иное время господствовали в этих местах. Волны народов, прокатывавшиеся над долиной Нила, исказили древнюю веру. Пальмовая долина стала Долиной Богов. Верховный Единственный разделен на восемь богов, каждый из которых олицетворяет собой ту или иную творческую силу природы, возглавляет же их Амон-Ра. Затем были придуманы Исида⁹ и Осирис со своим кругом богов, символизирующих воду, огонь, воздух и другие природные элементы. Такое умножение богов продолжалось, так что теперь мы имеем совершенно другой порядок, олицетворяющий скорее человеческие качества – силу, знания, любовь и тому подобное.

– В чем было явлено старое недомыслие! – порывисто воскликнул грек. – Только то, что не может быть постигнуто, остается каким, каким было первоначально явлено нам.

Египтянин склонил голову в знак согласия.

– Но еще несколько слов, о мои братья, еще несколько слов, прежде чем я поведаю вам о себе. То, к чему мы подходим, будет, возможно, самое святое по сравнению с тем, что есть и было. Анналы говорят нам, что Мицраим нашел Нил под властью эфиопов, которые царили здесь вплоть до африканской пустыни; народа щедро одаренного, фантастически гениального, полностью посвятившего себя поклонению природе. Поэтичные персы обожествляли солнце как совершенный образ Ормузда¹⁰, их Бога; набожные дети Востока вырезали свои божества из дерева и слоновой кости; но эфиопы, не обладая письменностью, не имея книг, не располагая механическими устройствами какого-либо рода, усмирили свою душу поклонением животным, птицам и насекомым, считая кошек посвященными Ра, быков – Исиде, пчел – Фта. Длительная борьба против их примитивной веры закончилась в конце концов ее принятием в качестве религии новой империи. Затем были воздвигнуты громадные монументы, заповившие берега реки, – обелиски, лабиринты, пирамиды и гробницы царей вперемешку с усыпальницами крокодилов. Вот в какую пропасть деградации, о братья мои, пали сыны ариев!

И здесь в первый раз спокойствие египтянина изменило ему: голос его задрожал, хотя лицо его осталось бесстрастным.

– Но не презирайте всех моих соплеменников, – снова заговорил он. – Не все из них забыли Бога. Как вы, может быть, помните, я упомянул, что мы доверили папирусам самые сокровенные тайны нашей религии, кроме одной; об этом я и хочу теперь рассказать вам. некогда нами правил фараон, который был привержен ко всему новому, ко всем происходящим переменам. Создавая новую государственность, он старался вытеснить из памяти людей ста-

⁹ Исида – в древнеегипетской мифологии супруга и сестра Осириса, мать Гора, олицетворение супружеской верности и материнства; богиня плодородия, воды и ветра, волшебства, мореплавания, охранительница умерших.

¹⁰ Ормузд (Ахурамазда) – верховный бог в зороастризме, олицетворение доброго начала мироздания.

рую. В те времена иудеи жили вместе с нами в качестве рабов. Они поклонялись своему Богу; и, когда гонения на них стали невыносимыми, они покинули страну так необычно, что это событие никогда не забудется. Теперь я буду говорить так, как это записано в наших анналах. Моисей, будучи иудеем, пришел ко дворцу фараона и стал просить позволения рабам, которых были тогда миллионы, покинуть страну. Просьба эта была сделана во имя Господа Бога Израиля. Фараон отказал. Послушайте же, что за этим последовало. Во-первых, вся вода, как в озерах и реках, так и в бочках и водохранилищах, превратилась в кровь. И все же монарх снова отказал. Тогда появилось множество лягушек, они покрыли всю землю. Фараон не соглашался. Тогда Моисей развеял в воздухе горсть пепла, и египтян поразила чума. Затем мор напал на все стада, кроме иудейских. Потом все посевы пожрала саранча. В полдень день стал ночью, столь темной, что свет лампад не мог разогнать темноту. И в конце концов однажды ночью все дети-первенцы египтян умерли; не избежал этой участи и первенец фараона. Тогда фараон согласился. Но когда иудеи ушли из нашей страны, он послал им вослед свою армию. Когда воины уже почти догнали уходящих иудеев, воды моря расступились, и изгнанники прошли посуху. Когда же преследователи двинулись вслед за ними, воды сомкнулись, и все утонули – воины, лошади, колесницы и сам царь. Ты говорил об откровении, о мой Гаспар...

Синие глаза грека сверкнули.

– Я слышал этот рассказ от одного иудея, – воскликнул он. – Ты подтвердил это, о Балтазар!

– Да, но моими устами говорит Египет, а не Моисей. Я пересказываю записи на мраморе наших храмов. Жрецы тех времен записали то, чему они были свидетелями. И тут я подхожу к самой главной, нигде не записанной тайне. В моей стране, братья, со дней того самого незадачливого фараона всегда было две религии – одна общественная, для всего народа, в которой было множество богов; в другой же царил один Бог, лелеемый только жречеством. Возрадуйтесь же со мной, о братья! Тяжкая поступь множества народов, гнет царей, все выдумки врагов, новации времен – все это пропало втуне. Как семя под горой ждет своего часа, торжествующая Истина дождалась своей поры – и она с нами ныне!

Изможденное тело индуса содрогалось от восторга; а грек воскликнул:

– Мне кажется, что сама пустыня возносит песнь небесам!

Египтянин сделал глоток из бурдюка с водой и продолжал:

– Я был рожден в Александрии, в семье правителей и жрецов, и получил обычное для моего круга образование. Но очень рано я ощутил неудовлетворение. Один из догматов нашей веры гласил, что после смерти, после распада моего тела, душа начнет свой путь из глубины бездны до человеческой природы, высшего и последнего уровня существования; и все это вне всякой связи с поведением в земной жизни. Когда я услышал о Царстве Света персов, об их рае, лежащем по ту сторону моста Чайнват, куда могут попасть только творившие добро, то мне днем и ночью не давала покоя одна дума – я размышлял о сравнительных идеях Вечного Переселения Душ и Вечной Жизни на Небесах. Почему, если, как говорил мой учитель, Бог есть справедливость, почему же нет никакого различия между добром и злом? Со временем мне стало ясно, что смерть только точка разделения, после которой грешники обречены, а праведники восходят к высшей жизни; не к нирване Будды и не к безрезультатному покою Брахмы, о Мелхиор, но к жизни – жизни активной, радостной, вечной – ЖИЗНИ в Боге! Открытие это привело меня к новому вопросу. Почему надо было столь долго скрывать Истину в тайне ради себялюбивого утешения жречества? Все причины для такого сокрытия исчезли. Философия, по крайней мере, научила нас терпимости. Вместо Рамзеса у себя в Египте мы уже имели Рим. И вот однажды в Брухейуме, самом великолепном и населенном районе Александрии, я предстал перед толпой и стал проповедовать. Среди моих слушателей были как сыны Запада,

так и дети Востока. Школяры, направляющиеся в Библиотеку, жрецы, идущие из Серапиона¹¹, празднующие посетители Музея, меценаты конных скачек, мои соплеменники из Ракотиса и множество других останавливались послушать меня. Я возвещал о Боге, Душе, Добре и Зле, о Небесах, о воздаянии за добродетель. Ты, о Мелхиор, застыл бы на месте; мои же слушатели поначалу послушали меня, а потом подняли на смех. Я сделал еще попытку; они забросали меня эпиграммами, осмеяли моего Бога и очернили мои Небеса издевками. Чтобы не задерживаться на этом, скажу только, что я не преуспел перед ними.

Индус печально вздохнул и произнес:

– Нет у человека большего врага, чем он сам.

Балтазар какое-то время молчал.

– Я много думал о причинах своей неудачи и наконец понял, – произнес он, снова возвращаясь к своему рассказу. – Выше по течению реки, на расстоянии дня пути от города, лежала деревенька, в которой жили пастухи и огородники. Сев в лодку, я отправился туда. Вечером я созвал народ, мужчин и женщин, беднейших из бедных. Я обратился к ним с той же самой проповедью, что и в Брухейуме. Они не смеялись надо мной. На следующий вечер я снова говорил им, и они уверовали, и возликовали, и разнесли повсюду весть обо мне. Когда я встретился с ними в третий раз, то они образовали небольшое сообщество, чтобы проповедовать эти мысли всем. Затем я вернулся в город. Спускаясь вниз по реке, под звездами, которые, казалось, сияли мне, как никогда ранее, я извлек из всего происшедшего следующий урок: начиная что-то новое, никогда не иди с этим к богатым и знатым; ступай к тем, чья чаша счастья пуста, – к бедным и униженным. После чего я разработал план и посвятил ему всю свою жизнь. Прежде всего я обезопасил все свое изрядное состояние и сделал так, чтобы оно всегда было доступно для облегчения жизни страждущих. С того дня я, о братья мои, исходил все пути вверх и вниз по течению Нила, от селения к селению, от одного племени к другому, проповедуя Единого Бога, праведную жизнь и воздаяние на Небесах. Я творил добрые дела – не подсчитывая, сколько именно. И еще я знаю, что часть этого мира созрела для принятия Того, к Кому мы направляемся.

На смуглых щеках говорившего появился румянец; но он подавил эмоции и продолжал:

– Годы, отпущенные мне, о мои братья, были омрачены одной только думой – когда я покину этот мир, что станет с тем делом, которое я начал? Окончится ли оно вместе с моей собственной кончиной? Много раз я мечтал создать организацию, как венец своих трудов. Не стану скрывать от вас и того, что я пытался воплотить это в жизнь, но потерпел неудачу. Братья мои, мир сейчас находится в таком состоянии, что человеку для того, чтобы восстановить в нем древнюю веру Мицраима, необходима поддержка не только людей; он должен не только прийти с именем Божиим на устах, но и предъявить доказательства своим словам; он должен продемонстрировать все, о чем говорит, даже Бога. Столь перегружено человеческое сознание мифами и религиозными системами; столь многих ложных божеств повсюду – на земле, в воздухе, в небесах – сотворила толпа, сделавшая их частью повседневной жизни, что возвращение к первоначальной религии возможно только по кровавой тропе, по полям гонений; поскольку очень многие заблуждающиеся предпочитают умереть, чем быть обращенными. И кто в наше время сможет вознести веру людей до такой степени, кроме как Сам Бог? Чтобы искупить грехи рода человеческого – я не имею в виду его уничтожение, – чтобы искупить его грехи, Он должен сделать одно: ОН САМ ДОЛЖЕН ЯВИТЬСЯ В МИР.

При этих словах сильнейшее волнение охватило всех.

– Но разве мы не пустились в путь, чтобы найти Его? – воскликнул грек.

¹¹ Серапион – храм, посвященный Серапису, божеству эллинистического Египта, которому позднее стали поклоняться и в греко-римском мире. Его культ сочетал черты египетской и греческой религий.

– Вы понимаете, почему не удалась моя попытка создать организацию, – через какое-то время произнес египтянин. – У меня не было такой поддержки свыше. Сознание того, что моя работа будет потеряна, заставляло меня невыносимо страдать. Я верил в молитву; и, чтобы сделать мои призывы чистыми и усердными, братья мои, я ушел с проторенных путей и направился туда, где не ступала нога человека, а царил один только Бог. Я поднялся выше пятого порога Нила, выше слияния рек в Сеннаре, выше Бар-эль-Абиана и углубился в неизвестность горячих песков Африки. Именно там однажды утром я увидел вдали гору, синюю как небо, бросающую свою прохладную тень далеко в западную пустыню и питающую водопадами из растаявшего льда широкое озеро, раскинувшееся у ее основания с восточной стороны. Озеро это дает начало великой реке. Больше года гора служила мне родным домом. Плоды пальм давали пищу моему телу, а молитва – моей душе. Однажды вечером я гулял по маленькой рощице плодовых деревьев, раскинувшейся на берегу озера. «Мир гибнет. Так когда же Ты явишься в этот мир? Почему мне не дано увидеть спасения мира, о Господи?» – так я взывал к Нему. В зеркальной воде озера отражались звезды. Одна из них, как показалось мне, покинула свое место и поднялась на поверхность воды. Дивным огнем она сияла мне в очи. Затем звезда двинулась по направлению ко мне и остановилась над моей головой, едва ли не на расстоянии вытянутой руки. Я пал ниц и спрятал лицо в траве. Неземной голос возгласил: «Твои добрые дела одержали победу. Будь же благословен ты, о сын Мицраима! Спасение мира уже у порога. Вместе с еще двумя праведниками из отдаленных углов земли тебе предстоит узреть Спасителя и свидетельствовать о Нем. Утром восстань и ступай на встречу с ними. А когда вы все вместе ступите в священный град Иерусалим, вопрошайте людей: «Где Тот, кто рожден быть Царем Иудейским? Ибо мы лицезрели Его звезду на Востоке и были посланы вознести Ему молитву». Доверься же во всем Духу, который будет вести тебя».

И свет этот воссиял в моей душе, гоня прочь все сомнения, и он пребывает во мне, мой господин и поводырь. Он вел меня вниз по реке до Мемфиса, где я стал готовиться к переходу по пустыне. Я купил верблюда и без остановки направился далее, к Суэцу, а оттуда через страны Моаба и Аммона – сюда. С нами Бог, о братья мои!

Он умолк, и вслед за этим, словно по велению кого-то постороннего, все трое встали и посмотрели друг на друга.

– Я сказал, что была какая-то цель в той обстоятельности, с которой мы описывали наши народы и их историю, – так продолжил свою речь египтянин. – Тот, Кого мы посланы найти, был назван Царем Иудейским, именно это имя мы обязаны называть в наших поисках Его. Но теперь, когда мы все встретились и слышали речи друг друга, мы знаем, что он является Спасителем, и не только иудеев, но всех народов земли. У патриарха, пережившего Потоп, было три сына, каждый со своим семейством, которые вновь заселили землю. Они расстались в горах древнего Ариана-Вайджеро, заветного региона в самом сердце Азии. Индию и Дальний Восток получили дети первого из них; отпрыски самого юного через север устремились в Европу; потомки же второго заселили пустыни, расстилающиеся вокруг Красного моря, и проникли в Африку; и, хотя большинство из них обитают до сих пор в складных шатрах, некоторые стали возводить здания вдоль Нила.

В едином порыве все трое соединили руки.

– Кому еще выпадала в жизни столь божественная задача? – продолжал Балтазар. – Когда мы найдем Господа, о братья, и все поколения последуют за Ним, преклоним колена перед Ним в знак уважения. А когда мы расстанемся, чтобы следовать каждый своим путем, мир усвоит новый урок – что Небеса можно завоевать, – не мечом, не человеческой мудростью, но Верой, Любовью и Добрыми Делами.

Наступило молчание, прерываемое только вздохами и освященное слезами, потому что радость, переполнявшая их, должна была найти выход наружу. Это была неизреченная радость душ на берегах реки Жизни, перед ликом Бога.

Внезапно руки их разъединились, и, плечом к плечу, все трое вышли из шатра. Над пустыней царила тишина. Солнце быстро опускалось к горизонту. Верблюды дремали.

Спустя несколько минут шатер был свернут. Друзья сели на верблюдов и выстроились в цепочку, ведомую египтянином. Взяв направление точно на запад, они тронулись в прохладу ночи. Верблюды двигались так синхронно, что каждый из них ступал точно в след предыдущего, соблюдая одинаковые интервалы между собой. Всадники больше не произнесли ни слова.

Мало-помалу на небо взошла луна. В ее серебристом свете три высокие белые фигуры, неслышнодвигающиеся по пустыне, казались привидениями, возникшими из теней. Неожиданно в воздухе перед ними, над вершиной близлежащего холма, воссиял яркий свет; все трое разом остановились, не спуская взгляда с его источника. Сердца путников забились чаще, души их затрепетали, и все трое в один голос воскликнули:

– Звезда! Звезда! С нами Бог!

Глава VI

ЯФФСКИЕ ВОРОТА

В стене, окружающей Иерусалим, с западной стороны был сделан проход, называвшийся Вифлеемскими или Яффскими воротами. Они были одной из достопримечательностей города. Задолго до того, как Давид возжелал обосноваться на Сионе, там уже стояла цитадель. Когда же сын Иессей¹² начал возведение храма, то одна стена цитадели стала северо-западным углом новой городской стены, прикрываемой башней, гораздо более мощной, чем старая. Ворота же остались там, где и были, поскольку сходящиеся к этому месту дороги было не так-то просто куда-либо перенести. Пространство перед воротами стало рыночной площадью. Во дни Соломона здесь оживленно сновали и местные торговцы, и почтенные купцы из Египта, Тира и Сидона. Около трех тысяч лет прошло с тех пор, но и сейчас на этом месте ключом бьет жизнь. Если паломнику нужно купить булавку или пистолет, огурец или верблюда, дом или лошадь, взять деньги в долг или приобрести миску чечевичной похлебки, назначить свидание или найти себе драгомана, купить арбуз или человека, голубя или осла – ему только стоит назвать необходимый предмет у Яффских ворот. Многие сцены, разыгрывающиеся тут, достойны кисти художника. А что творилось здесь во времена Ирода! Перенесемся же с тобой, читатель, в то время и на тот рынок.

По иудаистскому календарю встреча мудрецов, описанная в предыдущих главах, состоялась во второй половине двадцать пятого дня третьего месяца года, что соответствует 25 декабря. На дворе стоял второй год тысяча девятьсот третьей Олимпиады, или семьсот сорока седьмой год от основания Рима, или шестьдесят седьмой год Ирода Великого¹³, или тридцать пятый год его правления, до начала же христианской эры оставалось четыре года. День, по иудейскому обычаю, начинался с восходом солнца, и первый час после его восхода считался первым часом дня; так что рынок у Яффских ворот в первый час описываемого дня уже торговал, и торговал весьма оживленно. Мощные ворота открылись с первыми лучами солнца. Торговцы, толкаясь и оттесняя друг друга, протискивались сквозь арку ворот и располагались в узких переулочках и на уличных пятачках у большой башни, прикрывавшей вход в город. Иерусалим расположен в холмистой местности, и воздух еще хранил остатки утренней прохлады. Косые лучи восходящего солнца, предвещая дневной жар, пока нежно ласкали зубчатые стены и бойницы, с которых раздавалось воркование гнездившихся там голубей.

Поскольку читателю предстоит познакомиться со многими обитателями Святого Города, как с коренными жителями, так и с приезжими, то для понимания событий, описанных далее, просто необходимо задержаться у ворот и понаблюдать разыгрывающиеся перед ними сцены. И нет лучшей возможности сделать это, чем бросить взгляд на толпу, которая с тех пор изрядно изменилась и которую уже не обуревают страсти, бушевавшие в описываемые времена.

Зрелище совершенно ошеломляет – своей страстью, звуками, цветами, событиями. Земля вымощена широкими каменными плитами различной формы, от которых отражается каждый крик, стук подков и дребезжание колес, смешиваясь с эхом от массивных каменных стен цитадели и образуя неописуемую какофонию.

Вот ослик печально понурился под тяжестью корзин с чечевицей, фасолью, луком и огурцами, совсем недавно собранными в огородах и террасных садах Галилеи. Хозяин товара, в ожидании покупателей, нараспев выкрикивает названия привезенных им продуктов голосом, который могут понять только посвященные. На его ногах сандалии, сам он завернут в небеленый и неокрашенный кусок холста, заброшенный на одно плечо и завязанный узлом на груди.

¹² Иессей (*библ.*) – отец Давида.

¹³ Ирод-Великий (ок. 73 4 гг. до н. э.) – царь Иудеи с 40 года до н. э., овладел тронном с помощью римских войск.

Рядом покоится на подогнутых ногах серый тощий верблюд, весь избитый, с клочковатой шерстью на шее и теле, нагруженный ящиками и корзинами, притороченными к громадному седлу. Его владелец – египтянин, невысокий, гибкий, своим телосложением во многом обязанный пыли дорог и пескам пустыни. На нем выцветший тарбуш, просторное одеяние без рукавов и без пояса, свободно падающее от шеи до колен. Он босоног. Верблюд, беспокоясь под тяжестью груза, время от времени ревет и демонстрирует зубы, но египтянин безразлично прохаживается перед ним, помахивая жезлом и непрерывно расхваливая свои фрукты, только что собранные в Кедроне, – виноград, финики, инжир, яблоки и гранаты.

На углу, там, где переулочек выходит на неширокую площадь, сидят несколько женщин, привалившись спиной к серым камням крепостной стены. Одежда их обычна для небогатых жителей страны – холщовое платье, облегающее женщину с головы до ног, собранное свободными складками на талии, на голову наброшен покров или плат, спускающийся до плеч. Они торгуют товаром, хранящимся в глиняных кувшинах, какие доныне используются на Востоке для хранения колодезной воды, и в кожаных бурдюках. Среди кувшинов и бурдюков, прямо на плитах мостовой, не обращая внимания на холодный камень и толпу, играет с полдюжины почти нагих детей; их загорелые тела, миндалевидные глаза и шапки густых волос наглядно свидетельствуют о текущей в их жилах крови сынов Израиля. Их матери время от времени бросают на них взгляд из-под наброшенных на головы платков и с прирожденной скромностью стараются расхваливать свой товар: разлитый в бурдюки «мед винограда» и более крепкие напитки в кувшинах. Их голоса едва слышны в общем шуме, они с трудом могут противостоять куда более сильным конкурентам, длиннорылым крепким парням с босыми ногами, в грязных рубашках, носящим на спине в особых коробах бутылки, нараспев выкрикивающим: «Сладкое вино из виноградников Эн-Гиди!» >> Когда покупатель окликает кого-нибудь из этих парней, из-за спины извлекается бутылка, от ее горлышка отводится грязный палец, и в подставленную чашу льется темно-красная кровь ароматных ягод.

Не меньше их кричат и продавцы птиц – голубей, гусей, поющих канареек, соловьев; а также оптовые покупатели птиц, которые скупают их у птицеловов, едва ли задумываясь о всех опасностях этого промысла – ведь птицеловам приходится раскидывать свои сети высоко на скалах и утесах и спускаться в горные расщелины.

Вперемешку с торговцами драгоценностями – проворными мужчинами в цветастой одежде, с белыми тюрбанами чудовищной величины на головах, исполненными достоинства, исходящего от могущества разложенного перед ними товара: сверкающих браслетов, шейных цепочек, небольших слитков золота, – сидят продавцы домашней утвари, одежды, благовоний и притираний, шныряют всевозможные перекупщики любого товара, нужного и ненужного; торговцы животными тащат на поводках и веревках ревушую, мычащую, блеющую живность – ослов, лошадей, телят, коров, баранов, коз, неуклюжих верблюдов, – словом, животных любой породы, кроме объявленных вне закона свиней. Все это перемешано в страшном беспорядке, рассыпано по всему рынку, повторено множество раз.

Оторвавшись от сцен, разыгрывающихся в переулках и на уличных пятачках, от продавцов и их товара, читателю теперь стоит обратить свое внимание на празднующихся посетителей и покупателей. Сделать это лучше всего перед воротами, где зрелище наиболее разнообразное и оживленное; поскольку его обогащают обилием красок и эффектов раскинувшиеся шатры, палатки, навесы, куда большее пространство, множество народа, ничем не стесненная свобода и великолепие солнечного Востока.

Глава VII

ХАРАКТЕРНЫЕ ТИПАЖИ У ЯФФСКИХ ВОРОТ

Так займем же нашу позицию рядом с воротами, чуть в стороне от потока людей – входящих и выходящих из города – и окунемся в кипящую здесь жизнь.

И как вовремя! Вот идут двое мужчин весьма примечательной внешности.

– О боги! До чего же холодно! – говорит один из них, мощный человек, облаченный в доспехи; на его голове бронзовый шлем, на груди ярко сверкает нагрудник кирасы, из-под которого ниже пояса спускается кольчуга. – Какой холод! Ты помнишь, мой Кай, тот склеп у нас в Комитиуме, о котором говорят, что это вход в нижний мир? Клянусь Плутоном, я с удовольствием постоял бы сегодня утром в том склепе, чтобы согреться!

Тот, к кому были обращены эти слова, отбросил назад капюшон военной накидки, обнажая голову и лицо, и с иронической улыбкой ответил:

– Шлемы легионов, которые победил Марк Антоний, были полны снегом Галлии; но ты – ах, мой бедный друг! – ты только что прибыл из Египта и принес в своей крови тамошнее лето.

С этими словами друзья исчезают в воротах. Хотя мы больше не можем их слышать, их доспехи и тяжелые шаги не оставляют сомнения в том, что это римские солдаты.

Затем взгляд выхватывает в толпе еврея, тощего, с покатыми плечами, одетого в грубую коричневую рубаху; на его лоб, лицо, шею падают спутанные нечесанные волосы. Он идет один. Встречные при виде его презрительно улыбаются, а то и плюются; поскольку он назарей, один из членов презираемой всеми секты, которые отвергают закон Моисея, дают отвратительные обеты и не стригутся, пока эти обеты не выполнят.

Пока мы провожаем взглядом его удаляющуюся фигуру, в толпе вдруг начинается какая-то суматоха, люди раздаются вправо и влево, что-то громко выкрикивая. Затем появляется и виновник этой суматохи – мужчина-иудей, судя по наружности и одежде. Накидка из снежно-белой льняной ткани, удерживаемая на голове шнуром желтого шелка, ниспадает ему на плечи, рубаха его украшена богатой вышивкой; красный кушак с позолоченной бахромой несколько раз обвивается вокруг его пояса. Он шествует невозмутимо, едва улыбаясь тем, кто, толкаясь, поспешно уступает ему дорогу. Неужели прокаженный? Нет, это самаритянин. Если спросить о нем какого-нибудь стиснутого толпой человека, тот ответит, что это полукровка-ассириец, даже прикосновение к одежде которого оскверняет; от которого истинный сын Израиля, даже умирая, не примет никакой помощи. На самом же деле древняя вражда не имеет никакого отношения к текущей в жилах крови. Когда Давид утвердил свой трон на Сионе, то его поддержало в этом только племя иудеев; десять же других племен перебрались в Сихем, в город куда более древний и в то время гораздо более богатый своей священной историей. Когда же «колена Израелевы» в конце концов объединились, это не положило конца начавшемуся тогда спору. Самаритяне остались верны своей скинии на холме Герицим, и, отстаивая ее превосходящую все святость, только смеялись над разгневанными теологами Иерусалима. Время не охладило страсти. При Ироде в споре о вере приняли участие все народы, кроме самаритян; они единственные раз и навсегда прервали какое бы то ни было общение с иудеями.

Когда самаритянин скрывается под аркой ворот, оттуда появляются трое человек, столь непохожие на всех, кого мы до сих пор видели, что наш взгляд сам собой останавливается на них. Это люди необычайно крепкого сложения и огромной силы; у них голубые глаза и столь чистая кожа, что вены просвечивают сквозь нее голубоватыми прожилками; светлые волосы коротко острижены. Головы их, небольшие и круглые, гордо покоятся на мощных шеях, напоминающих ствол дерева. Шерстяные туники, открытые на груди, без рукавов и свободно подпоясанные, облегают их тела, позволяя видеть обнаженные руки и ноги столь могучего сложения, что в голову нам тут же приходит мысль об арене; а когда вдобавок ко всему мы обращаем

внимание на их беззаботную, уверенную и даже дерзкую манеру поведения, то перестаем удивляться тому, что окружающие уступают им дорогу и, останавливаясь, смотрят им вслед. Эти люди – гладиаторы, цирковые бойцы, сражающиеся голыми руками или с мечом на арене, профессионалы, неизвестные в Иудее до появления здесь римлян; парни, которых в часы, свободные от тренировок, можно увидеть гуляющими в Царских садах или сидящими рядом со стражниками у входов во дворец; возможно, впрочем, что они здесь наездом из Цесареи, Себастии или Иерихона; где Ирод, в большей степени грек, нежели иудей, со всей римской страстью к играм и кровавым зрелищам, построил цирки и организовал школы гладиаторов, набранных, согласно обычаю, из галльских провинций или славянских племен по течению Данубия¹⁴.

– Клянусь Вакхом! – говорит один из них, поднимая сжатую в кулак руку к плечу. – Да у них кости не толще яичной скорлупы.

Жестокий взгляд, последовавший за вполне определенным жестом, вызывает у нас отвращение и заставляет обратить внимание на что-нибудь более приятное.

Прямо напротив нас – ларек торговца фруктами. Его владелец примечателен лысой головой, вытянутым лицом и носом, напоминающим клюв ястреба. Он сидит на коврике, разостланном прямо на земле, прислонясь спиной к стене; над его головой пристроен небольшой клочок материи, почти не дающий тени; вокруг него, на расстоянии вытянутой руки, на невысоких подставках расставлены плетеные корзины, полные миндаля, винограда, инжира и гранатов. Вот сейчас к нему подошел один из тех людей, от которых трудно оторвать взгляд, хотя и по другой причине, чем в случае с гладиаторами: этот покупатель – красивый грек. Вокруг его головы, придерживая вьющиеся волосы, красуется миртовый венок, с полусозревшими цветками и полусозревшими ягодами. Алая туника, сшитая из тончайшей шерстяной ткани, схвачена на талии поясом из буйволового кожи с пряжкой в виде какого-то фантастического зверя, сделанной из чистого золота; подол туники украшен вышивкой из этого же царского металла; шейный платок, тоже из тончайшей шерсти, охватывает шею и заброшен на спину; руки и ноги грека напоминают слоновую кость своим цветом и гладкостью, что невозможно без усердного ухода за их кожей в бане с помощью масла, щеток и пинцетов.

Продавец, не вставая с места, подается вперед и выбрасывает свои руки вверх перед собой, ладонями вниз.

– Что есть у тебя нынешним утром, о сын Пафоса? – произносит юный грек, смотря, однако, больше на корзины, чем на киприота. – Что ты можешь предложить мне на завтрак?

– Фрукты из Педиуса – самые настоящие – те, с которых певцы из Антиохии начинают утро, чтобы восстановить сладость своего голоса, – гнусавым голосом ворчливо отвечает торговец.

– Инжир, но не из лучших, как раз для певцов из Антиохии, – говорит грек. – Ты поклоняешься Афродите, как и я, и это доказывает миртовый венок, которым я увенчан; поэтому я могу сказать тебе, что в их голосах чувствуется холод каспийских ветров. Ты видишь этот венок? Это дар могущественной Саломеи...

– Сестры царя! – восклицает грек, снова почтительно кланяясь.

– Да, и она обладает царственным вкусом и божественной мудростью. Почему бы и нет? Ведь в ней куда больше греческого, чем в царе. Но – мой завтрак? Вот твои деньги – медные монеты Кипра. Дай же мне винограда и...

– Почему бы тебе не взять еще и фиников?

– Нет уж, я не араб.

– Тогда инжира?

– Боюсь стать евреем. Нет, только винограда. Его сок живителен для греческой крови.

¹⁴ Данубий – античное название современного Дуная.

Придворный певец в гуще крикливой рыночной толпы представляет собой довольно редкое зрелище, которое непросто выбросить из памяти; но идущий за ним человек тоже приводит нас в изумление. Он медленно шествует в толпе, опустив взор вниз; время от времени останавливается, складывает руки на груди, вытягивается и возводит очи горе, словно намереваясь вознести молитву Небесам. Такое невозможно увидеть нигде, кроме Иерусалима. На лбу этого человека держится квадратная кожаная коробочка, прикрепленная к ремешку накидки; другая такая же коробочка привязана ремешком к его левой руке; края его рубахи отделаны бахромой и украшены особыми знаками – филактериями. По исходящему от человека ощущению чрезвычайной набожности мы безошибочно узнаем фарисея¹⁵, одного из членов организации (секты в религии и партии в политике), чей фанатизм и нетерпимость вскоре принесут миру множество бед.

За городскими воротами толпа гуще всего на дороге, ведущей в Яффу. Насмотревшись на фарисея, мы обращаем свое внимание на две группы людей, которые резко выделяются из окружающей пестрой толпы. В центре одной такой группы находится человек благородной наружности – дородного сложения, с яркими черными глазами, длинной выющейся бородой, блестящей от умщений, облаченный в хорошо сшитую, дорогую одежду по времени года. В руке он держит жезл, а на груди его покоится большой золотой знак, висящий на шнурке на его шее. Человека сопровождают несколько слуг, вооруженных короткими мечами, заткнутыми за пояс; обращаются они к этому человеку чрезвычайно почтительно. Еще одна группа – это двое арабов: худые, жилистые, сильно загорелые, с ввалившимися щеками, на головах у них красные тарбуши, одеты они в аба, поверх которых наброшены шерстяные хайксы – нечто вроде одеял, оставляющих свободными правое плечо и руку. Здесь идет жаркая и громкая торговля, потому что арабы привели коней на продажу и изо всех сил расхваливают их сейчас высокими крикливыми голосами. Придворный не снисходит до торговли, предоставляя это своим слугам; порой он важно произносит пару слов; увидев киприота, останавливается и сам покупает несколько смокв. Когда он со своей свитой скрывается за порталом ворот, мы, обратясь к торговцу фруктами, можем узнать, после очередного восточного приветствия, что это иудей, один из отцов города, который много путешествовал и понимает разницу между обычным сирийским виноградом и лозой Кипра, гораздо более напоенной росой моря.

Вот так, вплоть до полудня, а иногда и позже, течет через Яффские ворота густой поток покупателей: представителей всех «колен Израилевых», членов всех возможных сект, которые расчленили и растащили по кусочкам древнюю веру своего народа; всех религиозных и социальных групп, всех тех проходимцев и авантюристов, кто, как дети искусств и служители наслаждений, бунтовали во дни расточительств Ирода; всех народов, населяющих побережье Средиземного моря.

Другими словами, Иерусалим, богатый священной историей, упомянутый во многих священных пророчествах, Иерусалим Соломона, в котором серебро было подобно камню, а кедры – сикоморам долин, стал теперь подобием Рима, центром отнюдь не святых дел, местопребыванием языческой власти. Некогда царь Иудеи, набросив на себя жреческое одеяние и осмелившись войти в Свята Святых первого храма, чтобы воскурить там ладан, вышел оттуда прокляженным; но в описываемое нами время Помпей посетил храм Ирода и вошел в то же Свята Святых, не найдя там ничего, кроме пустоты без какого бы то ни было знака Божественного присутствия.

¹⁵ Фарисеи (от др.-евр. «отделившиеся») – представители общественно-религиозного течения в Иудее во II в. до н. э. II в. н. э.; выражали интересы преимущественно средних слоев населения. Стремилась истолковать Пятикнижие в соответствии с новыми социально-экономическими условиями. В Евангелиях названы лицемерами.

Глава VIII

ИОСИФ И МАРИЯ НАПРАВЛЯЮТСЯ В ВИФЛЕЕМ

А теперь, читатель, давай вернемся на тот участок двора, который был описан как часть рынка у Яффских ворот. Шел уже третий час дня, и многие из покупателей разошлись по домам, но толчея несколько не ослабела. Среди вновь появившихся здесь посетителей группа у южной стены храма, состоящая из мужчины, женщины и ослика, заслуживает особенно пристального внимания.

Мужчина держит в одной руке поводья, а другой опирается на палку, вполне пригодную как для погоняния ослика, так и в качестве посоха. Одежда его не отличается от одеяния любого из проходящих мимо евреев, за исключением того, что кажется поновее. Голова его покрыта накидкой, а в рубаше, облегающей тело с головы до пят, он, скорее всего, привык посещать синагогу по субботам. Черты его лица позволяют дать ему лет пятьдесят, что подтверждается и сединой, обильно пробивающейся в его черной бороде. Он оглядывается по сторонам с любопытствующим и в то же время отсутствующим выражением на лице, которое выдает в нем чужака и провинциала.

Ослик неторопливо жует пук свежей травы, которая в изобилии продается здесь на рынке. Его явно не смущают ни царящие вокруг шум и толчея, ни женщина, сидящая на седельной подушке у него на спине. Верхняя рубашка из серой шерстяной ткани полностью скрывает фигуру женщины, голова ее покрыта белоснежным платом, спускающимся на шею и плечи. Время от времени, не в силах преодолеть любопытство, женщина чуть сдвигает плат, чтобы посмотреть, что происходит вокруг, однако не настолько, чтобы нам удалось разглядеть ее.

Неожиданно человек с осликом слышит обращенный к нему вопрос:

– Ты не Иосиф из Назарета?

Спросивший это останавливается рядом с провинциалом.

– Так меня и зовут, – отвечает Иосиф, недоуменно поворачиваясь. – Но кто будешь... о, мир тебе! друг мой, рабби Самуил!

– И тебе того же.

Рабби, помедлив, бросает взгляд на женщину и добавляет:

– Мир тебе, всему твоему дому и твоим помощникам.

С последними словами он прижимает руку к груди и кланяется женщине, которая, чтобы взглянуть на него, на этот раз сдвигает плат чуть больше, позволяя увидеть ее почти еще совсем девичье личико. После этого следует церемониал знакомства: рабби и женщина берут друг друга за правую руку, словно бы поднося их к губам, но в последнюю секунду, однако, пальцы их размыкаются, и каждый целует свою собственную руку, прижимая после этого пальцы ко лбу.

– Одежда твоя почти не запылилась, – довольно фамильярно замечает рабби, – так что, насколько я понимаю, ночь вы провели в городе твоих отцов.

– Нет, – отвечает Иосиф. – Мы добрались до Вифинии только поздно вечером, переночевали в тамошнем караван-сарае и с первыми лучами солнца снова пустились в путь.

– Дорога вам предстоит неблизкая – надеюсь, не в Яффу?

– Только до Вифлеема.

Лицо рабби, до этого открытое и дружеское, сразу же изменилось, став мрачным и строгим.

– Да, да, я понимаю, – произнес он. – Ты ведь родился в Вифлееме и идешь теперь туда со своей дочерью, чтобы, по приказу Цезаря, были занесенным в списки налогоплательщиков. Сыновья Иакова живут теперь как во времена египетского рабства – только у них нет ни Моисея, ни Иошуа. Как же низко они пали!

Не пошевелившись и не изменив выражения лица, Иосиф ответил:

– Женщина эта не дочь мне.

Но рабби никак не мог оторваться от политики; он продолжал, не обратив на слова Иосифа никакого внимания:

– А для чего же еще зелоту¹⁶ тащиться в Галилею?

– Я всего лишь плотник, а Назарет – деревня, – осторожно ответил на это Иосиф. – Улица, на которой стоит моя мастерская, не ведет ни к какому из городов. Строгание досок и тесание столбов не оставляют мне времени для споров о вере.

– Но ты же иудей, – серьезно произнес рабби. – Ты иудей, и род твой восходит к Давиду. Не может быть, чтобы ты был готов платить другие подати, кроме шекеля на храм, по древнему закону Иеговы.

Иосиф продолжал хранить спокойствие.

– Я отнюдь не жалуюсь, – продолжал его друг, – на размер этой подати – один денарий сущий пустяк. Но! Позорно само обложение этим налогом. Да и, кроме того, уплата этого налога есть не что иное, как покорность тирании. Скажи мне – вправду ли Иуда утверждает, что он и есть мессия? Ведь ты жил среди его приверженцев.

– Мне доводилось слышать, как его последователи называли его мессией, – отвечал Иосиф.

При этих его словах белый плат сдвинулся чуть больше, нежели ранее, и на мгновение выглянуло все лицо девушки. Взор рабби был как раз направлен в ту сторону, и ему удалось увидеть черты лица редкостной красоты, на котором был написан искренний интерес; затем лицо это порозовело, и плат вернулся на свое место.

Политикан тут же забыл все свои рассуждения.

– Твоя дочь весьма привлекательна, – заметил он, понизив голос.

– Она не дочь мне, – повторил свои слова Иосиф.

На лице рабби отразилось такое изумление, что назаретянин поспешил добавить:

– Она дочь Иоакима и Анны из Вифлеема, о которых тебе, по крайней мере, доводилось слышать, поскольку это весьма почтен...

– Да, – рабби почтительно склонил голову, – я их знаю. Род их восходит к Давиду. Я хорошо с ними знаком.

– Ну так вот, они умерли, – продолжал назаретянин. – Умерли в Назарете. Иоаким не был богат, но все же он оставил в наследство дом и сад, которые должны быть разделены между их дочерьми Маркам и Марией. Это одна из них; и, чтобы спасти свою часть наследства, она должна быть замужем за ближайшим родственником. Теперь она моя жена.

– Так ты доводишься...

– Ей дядей.

– Понимаю. И коль скоро вы оба родились в Вифлееме, римляне потребовали, чтобы ты пришел вместе с ней для переписи. – Рабби всплеснул руками и в негодовании возвел очи горе: – Но Бог Израиля еще жив. Настанет день Его отмщения!

С этими словами он повернулся и быстро зашагал прочь. Стоявший рядом прохожий, заметив изумление Иосифа, негромко произнес:

– Рабби Самуил – зелот. Сам Иуда не столь жесток.

Иосиф, не желая вступать в разговор с незнакомцем, ничего не ответил и принялся поправлять охапку травы, которую растрепал ослик; затем он снова оперся на палку и замер в ожидании.

¹⁶ Зелоты (от *греч.* «ревнители») – социально-политическое и религиозное течение в Иудее, возникшее во второй половине I в. до н. э. Выступали против римского владычества и местной иудейской знати. Зелоты и выделившиеся из них сикарии возглавили восставших в Иудейской войне 66-73 годов.

Примерно через час вся троица вышла из ворот, и, повернув налево, двинулась по дороге, ведущей в Вифлеем. Спуск в долину был нелегок, движению мешали росшие тут и там дикие оливковые деревья. Назаретянин шел рядом с женщиной, внимательно и осторожно ведя в поводу ослика. Слева от них возвышались южный и восточный склоны Сионского холма с городской стеной поверху, крутой обрыв справа обозначал собой западную границу долины.

Медленно они миновали Нижний пруд, где под лучами поднимавшегося все выше солнца быстро сжималась тень царского холма, затем двинулись вдоль акведука, выходявшего из Прудов Соломона, пока не приблизились к месту расположения деревенского дома, ныне известного как холм Совета Нечестивых; отсюда они начали подниматься на равнину Рефаима. Солнце заливало ослепительным светом каменистое плато, и Мария, дочь Иоакима, сдвинула плат на плечи, обнажив голову. Иосиф рассказывал ей историю филистимлян, захваченных в этих местах врасплох в своем лагере Давидом. Он однообразно бормотал, храня торжественное выражение на лице, безжизненным тоном старого зануды. Временами она его даже не слышала.

Всюду, где по земле ходят люди, а по морю – корабли, всем знакома фигура и лицо еврея. Физический тип этого народа никогда не менялся, хотя всегда были индивидуальные вариации. «Он был румян, с прекрасными чертами лица и красив на вид». Таким был сын Иессея, поставленный перед Самуилом. Пристрастия людей с тех самых пор определяются этим описанием. Поэтическая вольность распространяет присвоенное предшественниками на их замечательных наследников. Все наши идеальные Давиды имеют прекрасные лица, волосы и бороду цвета каштана, отливающую золотом на солнце. И точно так же, при отсутствии достоверных исторических свидетельств, традиция не менее любовно относится к дочерям этого народа, и в особенности к той, за которой мы последуем сейчас.

Ей было не менее пятнадцати лет. Формы ее тела, голос и поведение – все свидетельствовало о переходе от девичества к состоянию взрослой женщины. Лицо ее имело чудесную овальную форму; сложения она была скорее хрупкого, чем прекрасного. Безупречный нос, пухлые, но четких очертаний губы придавали линиям ее рта теплоту, нежность и доверчивость; опущенные веки с длинными ресницами бросали тени на большие голубые глаза; и, в чудесной гармонии со всем этим, волна золотых волос, уложенная так, как считалось дозволенным для иудейских невест, спускалась до седельной подушки на спине ослика. Затылок и горло ее обладали такой нежностью, которая порой вводит в замешательство даже художников – быть может, всему виной солнечные лучи, играющие на волосах и тонкой коже? К этому очарованию внешности и личности примешивалось и другое, не столь просто определяемое: атмосфера чистоты, которую может придать только чистейшая душа, и отрешенность, погруженность в мысли о предметах, непостижимых для понимания. Часто, с трепещущими губами, она поднимала глаза к небесам, уже потерявшим свой глубокий синий цвет; то и дело складывала руки на груди, словно в восторге благоговения и молитвы; порой склоняла голову слегка набок, как будто вслушиваясь в что-то говорящий ей голос. И когда Иосиф, прервав свое медлительное бормотание, поворачивался, чтобы взглянуть на нее, то, заметив выражение ее лица, словно освещенного изнутри, забывал свой рассказ и, удивляясь, опускал голову.

Так они пересекли большое плато и приблизились наконец к возвышенности Мар-Элиас, откуда, на другой стороне долины, их взору предстал Вифлеем, древний Дом Хлеба. Его белые стены возвышались на гребне холмов, сияя над жухлой зеленью садов. Здесь они немного задержались, пока Иосиф показывал Марии места священной истории; затем спустились в долину к источнику, бывшему в свое время свидетелем одного из величайших деяний воинов Давида. Долина была полна людьми и животными. Иосиф почувствовал страх: вдруг, если город переполнен приезжими, ему не удастся найти приют для кроткой Марии? Не теряя ни минуты, он поспешил подняться по поросшему садами склону, мимо каменного пилон, обозначающего гробницу Рахили, не раскланиваясь ни с кем из встречавшихся ему по дороге

людей, пока не остановился у караван-сарая, расположенного поблизости от ворот небольшого селения, у перекрестка дорог.

Глава IX

ПЕЩЕРА В ОКРЕСТНОСТЯХ ВИФЛЕЕМА

Чтобы до конца понять, что произошло в деревенском караван-сараяе с назаретянином, читателю следует помнить, что на Востоке приюты для путешественников отличались от дорожных постоянных дворов западного мира. По обычаю, пришедшему из Персии, они назывались караван-сараями и в своей простейшей форме представляли собой обнесенное забором место без какого-либо здания или навеса, зачастую даже без входных ворот. Место выбиралось из соображений наличия тени, защиты и воды. Таким же был и приют в Радан-Араме, давший кров Иакову, когда тот отправился искать жену. Подобные караван-сараяи и по сей день можно увидеть у перекрестков пустынных дорог Востока. Порою караван-сараяи, особенно на дорогах, соединяющих крупные города, такие, например, как Иерусалим и Александрия, представляли собой роскошные заведения, памятники богоугодных дел царей, построивших их. Но чаще они были не более чем домом или владением шейха, из которого он управлял своим племенем. Давать приют путникам было только одной из их задач; они играли роль рынков, фабрик, крепостей; становились местом собраний и местопребыванием для торговцев и ремесленников в той же мере, что и приютом для застигнутых ночью или непогодой путников. В их стенах круглый год подряд совершались такие же, а то и большие торговые сделки, как и днем в городах.

Никаких услуг в подобных заведениях не оказывали. Не было ни управляющего, ни горничных, ни конторских служащих, ни повара; не было и самой кухни. Единственным видимым проявлением заботы государства или владельца о путниках был дремлющий у входа привратник. Приезжие устраивались там, где хотели, никого не спрашивая и не получая разрешения. Следствием такого порядка было то, что каждый путник должен был приносить с собой провиант и кухонные принадлежности или же покупать их у торговцев, расположившихся в караван-сараяе. Это правило распространялось и на постель, и на корм для животных. Вода, покой, кров и защита – все, на что мог рассчитывать путник, остановившийся в караван-сараяе, и за что он должен был быть благодарным судьбе. Мир и покой часто нарушался скандалистами в синагогах, но никогда – в караван-сараях. Эти дома со всеми надворными постройками были святы: большей святостью не обладал даже источник.

Караван-сарай неподалеку от Вифлеема, у которого остановились Иосиф и его жена, являл собой вполне благопристойный пример такого заведения, не будучи ни чересчур примитивным и ни слишком роскошным: четырехугольное строение из дикого камня, одноэтажное, с плоской крышей, без наружных окон, с одним-единственным отверстием входной двери в выходившей на восток стороне, служившим в то же самое время и воротами. Дорога подходила так близко к двери, что меловая пыль покрывала полотнище двери. Изгородь из плоских тесаных камней, начинавшаяся от северо-восточного угла здания, тянулась на много метров по склону холма, затем поворачивала на запад к крутому известняковому откосу, образуя собой то, что было самой важной принадлежностью каждого уважающего себя караван-сарая, – надежный загон для животных.

В таком селении, как Вифлеем, с одним шейхом, не могло быть и более одного караван-сарая; и назаретянин, хотя и родился в этом месте, после долгих лет жизни и скитаний в других местах совершенно не собирался располагаться где-либо в самом городе. Более того, составление списков, для чего он и прибыл сюда, могло занять несколько недель или даже месяцев – медлительность посланцев Рима в провинциях успела стать притчей во языцех; значит, о том, чтобы претендовать на гостеприимство знакомых или даже родственников, да еще вместе с женой, не могло быть и речи. Поэтому, когда Иосиф приближался к зданию караван-сарая, поднимаясь по склону холма и таща за собой ослика, он боялся, что ему не удастся найти пристанища в караван-сараяе. Дорога кишела взрослыми и детьми, которые с шумом гнали свой

скот, лошадей и верблюдов по долине, кто на водопой, а кто и к расположенным по соседству пещерам. Когда же они подошли к караван-сараю, страх этот ничуть не уменьшился при виде толпы, осаждающей вход в него.

– Нам не пробиться сквозь толпу, – произнес Иосиф в своей медлительной манере. – Давай постоим здесь и постараемся узнать, что происходит.

Жена его, ничего на это не ответив, тихонько сдвинула плат в сторону. Выражение усталости на ее лице сменилось интересом к происходящему. Перед ними была толпа и, следовательно, много предметов для любопытства. Впрочем, на самом деле толпа эта ничем не отличалась от толпы у любого другого караван-сарая на больших караванных дорогах Востока. Здесь были пешие мужчины, шнырявшие туда-сюда и визгливо переговаривавшиеся между собой на всех наречиях Сирии; всадники на лошадях перекрикивались с погонщиками верблюдов; пастухи сражались с упрямыми коровами и перепуганными овцами; торговцы предлагали хлеб и вино; орды детей носились за стаями собак. Все и вся находилось в постоянном движении. Посторонний наблюдатель, скорее всего, через пару минут устал бы от этого зрелища; так и женщина, тихонько вздохнув, поудобнее устроилась на седельной подушке и, словно в надежде обрести мир и покой, стала смотреть на юг, на высокий склон Райской горы, освещенный красноватыми лучами заходящего солнца.

Пока она смотрела туда, из толпы выбрался мужчина и, остановившись рядом с осликом, повернулся, сердито нахмутив брови. Назаретянин заговорил с ним:

– Поскольку я и сам тот, кем ты мне кажешься, добрый человек, сын Иудеи, – могу я узнать у тебя причину такого столпотворения?

Незнакомец резко обернулся на его голос, но, увидев смиренную наружность Иосифа, услышав его низкий голос и медленную речь, приветствовал того поднятием руки и ответил:

– Мир тебе, рабби! Я тоже сын Иудеи и отвечу тебе. Я обитаю в Бет-Дагоне, который, как ты знаешь, считается землей колена Дана.

– И находится на дороге, ведущей из Яффы в Медину, – добавил Иосиф.

– А, так тебе приходилось бывать в Бет-Дагоне, – воскликнул мужчина, и выражение его лица еще больше смягчилось. – Да, мы, иудеи, странники хоть куда! Уже много лет я не видел вод родного Евфрата, которому дал имя отец наш Иаков. Лишь когда нам было повсюду объявлено, что все евреи должны быть переписаны по месту своего рождения... Вот почему я здесь, рабби.

Лицо Иосифа напоминало бесстрастную маску, когда он произнес в ответ:

– И я пришел сюда для того же – вместе со своей женой.

Незнакомец бросил взгляд на Марию и ничего не сказал. Она в этот миг смотрела на голую вершину Гедора. Лучи солнца позолотили ее обращенное ввысь лицо, оттенив фиалковую глубину глаз; слегка приоткрытые губы ее трепетали от желания, которое не могло быть обращено к смертному. На несколько мгновений красота ее лишилась всего земного: она стала тем существом, которое по нашим представлениям может сидеть только рядом с небесными вратами, преображенное светом Небес. Взору бетдагонита предстал оригинал той, кто столетия спустя явился гениальному взору Рафаэля и обессмертил его.

– Так о чем это я говорил? А, вспомнил. Я хотел сказать, что, услышав про повеление прийти сюда, поначалу рассердился. Но потом подумал про наш старый холм и про город, вспомнил долину, спускающуюся к струям Кедрона, виноградники и сады, пшеничные поля, неизменные с дней Вооза и Руфи, знакомые горы – Гедор, Гибеан и Мар-Элиас – те самые, которые во времена моего детства защищали меня от мира; и я простил тиранам и пришел сюда – я сам, и Рахиль, моя жена, и Дебора с Мелхолой, наши розы Шарона.

Мужчина снова замолчал, бросил взгляд на Марию, которая в этот момент смотрела на него и слушала. Затем он произнес:

– Рабби, почему бы твоей жене не пойти к моей? Она сидит вон там с нашими детьми у поворота дороги. Могу сказать тебе, – с этими словами он повернулся к Иосифу и уверенно продолжал, – говорю тебе, караван-сарай переполнен. Бесполезно просить пристанища там.

Иосиф принимал решения столь же медленно, как и обдумывал их; поколебавшись, он наконец произнес:

– Ты очень любезен. Найдется для нас тут место или нет, мы обязательно познакомимся с твоей семьей. Но позволь мне самому поговорить с привратником. Я скоро вернусь.

И, передав поводья ослика незнакомцу, он стал пробираться через толпу.

Привратник сидел перед воротами на большой кедровой колоде. За его спиной к стене был прислонен дротик. На земле рядом с колодой лежала большая собака.

– Да ниспошлет Иегова¹⁷ мир тебе, – приветствовал привратника Иосиф, пробившись сквозь толпу.

– Что было дано тебе, да будет дано снова, во много раз больше, тебе и всем твоим близким, – произнес в ответ привратник, не сдвинувшись, однако, с места.

– Я был рожден в Вифлееме, – самым осторожным тоном произнес Иосиф. – Не найдется ли здесь местечка...

– Здесь – нет.

– Ты, возможно, слыхал обо мне – Иосифе из Назарета. Здесь стоял дом моих отцов. Род мой восходит к Давиду.

В этих словах была единственная надежда назаретянина. Если они не произведут впечатления на привратника, дальнейшие мольбы будут тщетны, не помогут и посулы нескольких шекелей. Одно дело быть сыном Иудеи – это довольно значимая вещь в глазах других колен Израилевых; но совершенно другое – принадлежать к прямой ветви Давидова рода: не было большей гордости для иудея. Больше тысячи лет прошло с тех пор, как мальчишка-пастух стал преемником Саула и основателем царской династии. Войны, бедствия, новые цари и бесчисленные передрыги с течением времени низвели его наследников до уровня обычных людей, добывающих хлеб насущный в поте лица своего; но все же над ними царило преимущество благоговейно хранимой истории, в которой происхождение считалось альфой и омегой; они не могли стать неизвестными; поэтому, покуда они пребывали на земле Израиля, им повсюду сопутствовали почет и уважение.

Коль скоро такое было в Иерусалиме и везде, потомок святой линии рода Давидова мог, без сомнения, с полным основанием рассчитывать на такое же отношение и у дверей караван-сарая в Вифлееме. Другими словами, когда Иосиф произнес фразу: «Здесь дом отцов моих», он всего лишь самым простым образом буквально выразил свою мысль; поскольку это был тот самый дом, который вела Руфь в качестве жены Вооза; тот самый дом, в котором родились Иессей и десять его сыновей, из которых Давид был самым юным; тот самый дом, в который вошел Самуил в поисках царя и обрел его; тот самый дом, в котором Иеремия молитвой спасал немногих из оставшихся в живых людей его народа, спасавшихся бегством от вавилонян.

Мольба не осталась без ответа. Привратник поднялся с кедрового чурака и, положив ладонь себе на бороду, почтительно произнес:

– Рабби, не могу сказать тебе точно, когда двери этого дома гостеприимно открылись для путников, во всяком случае, более тысячи лет тому назад; и с тех пор не было еще случая, чтобы добрый человек не получил здесь крова; разве что когда здесь совершенно не было мест. Если же когда такое и случалось, то уж, во всяком случае, не с потомком Давидовым. Поэтому я еще раз приветствую тебя, и, если ты не сочтешь за труд пройти со мной, то своими глазами

¹⁷ Иегова (Яхве, Саваоф) – бог в иудаизме.

увидишь, что во всем доме нет свободного местечка – нет ни в спальнях, ни в пристройках, ни во дворе; нет даже на крыше. Могу ли я узнать, давно ли ты здесь?

– Мы только что подъехали.

Привратник улыбнулся.

– «Незнакомец, который пребывает вместе с тобой, все равно что родня тебе, так возлюби его как самого себя». Разве не таков закон, рабби?

Иосиф промолчал.

– А если таков закон, то как я могу сказать тем, кто уже давно ждет здесь: «Ступайте прочь, другой пришел на ваше место»?

Иосиф по-прежнему хранил молчание.

– Если же я так скажу им, то кому придется отдать место? Погляди – сколько людей ждут мест, многие из них с самого полудня.

– Но кто все эти люди? – спросил Иосиф, поворачиваясь к толпе. – И почему все они собрались здесь в такое время?

– Та же причина, без сомнения, привела сюда и тебя, рабби, – повеление цезаря. – Привратник бросил испытующий взгляд на назаретянина и продолжал: – Как привела она и тех, кому удалось найти место в доме. А еще вчера прибыл караван, следующий из Дамаска в Аравию и Нижний Египет. Это все их хозяйство – люди и верблюды.

Иосиф продолжал гнуть свое.

– Но ведь во дворе много места, – заметил он.

– Да, но он завален грузом – кипами шелка, мешками специй и вообще всякими товарами.

На мгновение лицо Иосифа утратило свою невозмутимость; пристальный взгляд тусклых глаз поник. С долей ожесточения он сказал:

– Я беспокоюсь не о себе. Со мной моя жена, а ночь будет холодной – на этих высотах холодней, чем в Назарете. Она не может оставаться под открытым небом. А в городе не удастся найти комнаты?

– Эти люди, – привратник жестом указал на толпу у дверей, – обошли весь город и говорят, что нигде не смогли найти пристанища.

И снова Иосиф потупил взгляд, сказав вполголоса, словно самому себе:

– Она столь юна! Если мы заночуем на холме, мороз убьет ее.

И он снова обратился к привратнику:

– Тебе, может быть, доводилось знать ее родителей, Иоакима и Анну, некогда они жили в Вифлееме и, как и я, происходят из рода Давидова.

– Да, я знал их в юности. Это были хорошие люди.

На этот раз потупил взор привратник, что-то обдумывая. Через минуту он неожиданно вскинул голову.

– Я не могу найти для вас мест, – сказал он, – и не могу дать вам от ворот поворот. Рабби, я сделаю то, что могу сделать. Сколько человек с вами?

Иосиф удивленно вскинул голову, затем ответил:

– Моя жена и друг нашей семьи со своим семейством, из Бен-Дагона, небольшого городка за Яффой, всего нас шесть человек.

– Отлично. Вам не придется спать на горе. Веди сюда своих, да поскорее, после захода солнца быстро темнеет, а солнце уже низко.

– Да благословит тебя Бог за приют усталым путникам!

После этих слов назаретянин поспешил вернуться к Марии и бетдагониту. Чуть спустя последний собрал все свое семейство. Его жена смотрелась настоящей матерью семейства, дочери походили на мать, какой она была в юности; и, когда вся компания приблизилась к двери, привратник сразу понял, что эти скромные люди будут рады любому приюту.

– Вот та, о ком я говорил, – сказал назаретянин, – а это – наши друзья.

Молодая женщина подняла свой плат.

– Голубые глаза и волосы цвета золота, – прошептал привратник, глядя только на нее. –

Именно так выглядел и наш царь, когда пел песнь перед Самуилом.

С этими словами он взял поводок ослика из руки Иосифа и приветствовал Марию:

– Мир тебе, о дочь Давидова!

Затем обратился ко всем остальным:

– Мир всем вам!

И затем к Иосифу:

– Рабби, пойдем за мной!

Вся компания двинулась по широкому проходу, вымощенному камнем, и оказалась во внутреннем дворе караван-сарая. Для чужака зрелище представило бы интерес; но уроженцы этих мест обратили внимание только на то, что во дворе не было ни лоскута свободного места. По тропинке, оставшейся свободной от тюков товаров, и потом по такому же проходу, что и от входа, они прошли в загон, примыкавший к дому, и миновали верблюдов, лошадей и ослов, жевавших жвачку и дремавших, сбившись в кучи; за ними присматривали сторожа, люди разных рас. Кто-то дремал, другие провожали пришельцев взглядами. Переполненный двор караван-сарая уходил вниз, и путники медленно спускались по нему, поскольку везущие женщин животные имели свое представление о темпе движения. Наконец они ступили на тропинку, ведущую к серому известняковому обрыву, возвышавшемуся к западу от караван-сарая.

– Мы идем к пещере, – лаконично заметил Иосиф.

Их проводник замедлил шаг и дождался, когда Мария поравнялась с ним.

– Пещера, к которой мы направляемся, – обратился он к ней, – стала прибежищем для твоего предка Давида. В ней он некогда дал приют своему народу, созвав его с полей в низине и от источника в долине; позже, когда он уже был царем, то посетил свой старый дом, чтобы отдохнуть здесь и поправить здоровье, приведя с собой большой караван. Ясли остались тут с тех самых пор. Лучше провести ночь на том самом полу, где ночевал и он, чем во дворе или на обочине дороги. А вот и дом у входа в пещеру!

Слова привратника не следовало воспринимать как извинения за предоставляемый кров. Собственно, в извинениях не было необходимости. Место это было самое лучшее из имеющихся. Путники были людьми непритязательными, готовыми удовольствоваться самыми скромными условиями. Более того, для уроженцев Иудеи не было ничего необычного в жилище, устроенном в пещере, – с этим они повседневно сталкивались в быту и слышали каждую субботу в синагогах. Сколько событий священной истории иудеев произошло в пещерах! Кроме того, наши путешественники были иудеями из Вифлеема, для которых это было еще более привычно; здешняя местность изобиловала большими и малыми пещерами, многие из которых были обжиты с незапамятных времен. Ничуть не волновало их и то, что пещера, в которой им предстояло провести ночь, когда-то служила стойлом. Они были потомками народа скотоводов, деливших со своими стадами кров и странствия. Это было в обычае со дней Авраама; шатер бедуина равно служил кровом и его лошадям, и его детям. Так что они с готовностью следовали за своим проводником и, увидев дом, испытали только любопытство. Все, что имело отношение к истории Давида, было интересно и им.

Строение, низкое и узкое, совершенно лишенное окон, лишь немного выступало из скалы, примыкавшей к его задней стене. На ничем не украшенном фасаде выделялась лишь дверь, поворачивавшаяся на огромных петлях, обмазанная толстым слоем охряного цвета глины. Когда проводник отбросил деревянный шкворень запора, мужчины помогли женщинам спуститься с сидений на землю. Откинув полотнище двери в сторону, проводник широким жестом пригласил всех внутрь:

– Заходите!

Войдя, путники в недоумении оглянулись. Им сразу же стало понятно, что строение лишь прикрывало собой вход в естественную пещеру или грот, футов сорока в глубину, девяти или десяти в высоту и двенадцати-пятнадцати – в ширину. Сквозь открытую дверь свет падал на голый пол, освещая снопы пшеницы, охапки сена, глиняную посуду и домашнюю утварь в центре помещения. Вдоль стен пещеры тянулись ясли для овец, сложенные из камня. Ни стойл, ни каких-либо других перегородок в пещере не было. Пыльный пол был устлан соломой, заполнявшей все трещины и неровности, со свода спускалась обильно покрытая пылью паутина, напоминая грязные холстины. В остальном здесь было сравнительно чисто и столь же комфортно, как и в спальнях закутков караван-сарая. По всей видимости, по образу и подобию этой пещеры и был впоследствии оборудован караван-сарай.

– Располагайтесь! – предложил провожатый. – Сено на полу припасено как раз для путников, берите сколько вам надо.

Затем он обратился к Марии:

– Тебе будет здесь удобно?

– Это место священно для меня, – ответила она.

– Тогда я вас оставляю. Мир вам всем!

Когда за проводником закрылась дверь, путники принялись устраиваться на ночь.

Глава X

СВЕТ В НЕБЕ

Вечером, в урочный час, движение и шум среди людей, находившихся у входа и внутри караван-сарая, стихли; именно в этот час каждый житель Израиля, если не был на ногах, вставал, придавая торжественное выражение своему лицу, обращал взор в сторону Иерусалима, скрещивал руки на груди и возносил молитву. Это был священный девятый час, когда начиналась служба в храме Мориа, и, как считалось, на ней незримо присутствовал сам Бог. Когда молящиеся опустили руки, шум и гам наступил снова; всякий спешил съесть свой кусок хлеба или устроить убогое ложе. Еще несколько минут спустя огни были погашены, наступила тишина, а потом все уснуло.

Около полуночи с плоской крыши раздался крик: «На небе какой-то свет! Проснитесь, братья, проснитесь и смотрите!»

Полусонные путники, спавшие на крыше, поднялись, и сон тут же оставил их. Шум, поднявшийся при виде представшего им зрелища, разнесся по всему двору, проник в спальные клетушки караван-сарая; вскоре уже все его обитатели смотрели в небо.

И вот что они там увидели. Луч света, исходящий с высоты из точки, рядом с которой не было ни единой звезды, косо падал вниз, упав на землю, он высветил на ней пространство в несколько фарлонгов в ширину; по краям свет мало-помалу переходил в темноту ночи, но в центре сиял радостным великолепием. Явление это, похоже, висело над близлежащей горной цепью к северо-востоку от города, окружая вершины гор бледным сиянием. Караван-сарай тоже был захвачен конусом света, так что ночевавшие на крыше ясно различали лица друг друга, полные изумления.

Свет сиял несколько минут, и за это время изумление людей сменилось страхом и благоговейным ужасом; робкие трепетали, отважные говорили шепотом.

– Кто-нибудь видел что-либо подобное? – спросил кто-то.

– Похоже, что это как раз над теми горами. Не могу сказать, что это такое, я никогда ничего такого не видел, – ответил его сосед.

– Может быть, с неба сорвалась и упала звезда? – запинаясь, предположил еще один.

– Когда падает звезда, она гаснет.

– Я знаю, – вполголоса произнес кто-то. – Это пастухи заметили льва и разожгли костры, чтобы отогнать его от стад.

Сосед говорившего с облегчением вздохнул и сказал:

– Точно, так оно и есть! В той долине сегодня паслось много скота.

Сидевший чуть поодаль человек развеял заблуждение:

– Нет, нет! Да если бы собрать хворост из всех долин Иудеи в одну кучу и зажечь, пламя не даст такого сильного света, да еще с такой высоты.

После этих слов на крыше наступило благоговейное молчание, поскольку загадочное явление продолжалось. Через несколько минут его нарушил новый голос.

– Братья! – воскликнул иудей почтенной внешности. – То, что мы с вами видим, это та лестница, которую праотец наш Иаков видел во сне. Благословен Господь Бог отцов наших!

Глава XI

РОЖДЕНИЕ ХРИСТА

Примерно в полутора-двух милях к юго-востоку от Вифлеема есть долина, отделенная от города неровной горной цепью. Долина эта, будучи хорошо защищенной от северных ветров, покрыта густой порослью сикомор, карликового дуба и пинии; прилегающие к ней лощины и овраги изобилуют зарослями олив и тутовника; в такое время года все это просто неоценимо для выпаса овец, коз и крупного рогатого скота, из кого и состоят бродящие в этих местах стада.

В самом удаленном от города углу долины, почти вплотную примыкая к крутой скале, располагался большой *máráh*, или овчарня, построенная в незапамятные времена. За долгие годы строение лишилось крыши и было почти разрушено. Примыкающий к зданию огороженный загон, однако, почти не пострадал от времени, что было очень удачно для пастухов, которые куда охотнее держали своих питомцев в загоне, чем в собственно овчарне. Каменная стена, обведившая участок, хотя и доходила до головы человека, была все же недостаточно высока, чтобы защитить от прыжка пантеры или льва. С внутренней стороны стены в качестве дополнительной защиты против постоянной опасности тянулись заросли жостера – кустарника столь колючего, что даже воробей не мог бы преодолеть верх этой живой изгороди, усеянной пучками больших шипов, острых как пики.

В день, когда произошло описанное в предыдущей главе событие, несколько пастухов в поисках новых выпасов для своих стад повели их в эту долину; так что с самого утра все рощицы были полны перекличкой пастухов, стуком топоров, блеяньем овец и коз, звоном колокольчиков, ревом быков и собачьим лаем. Когда солнце стало спускаться к горизонту, пастухи погнали своих подопечных к *máráh*. К ночи все успокоилось, пастухи разложили костер у входа в овчарню, сварили незамысловатую похлебку и, поужинав, расположились у огня на отдых, оставив одного на страже.

Их было шестеро, не считая дозорного, и они расположились вокруг огня, кто сидя, кто полулежа. По обыкновению пастухи не носили головных уборов, волосы их лежали на головах густым колтуном, бороды спускались на горло и грудь черными волнами; накидки из козьих и овечьих кож шерстью наружу укутывали пастухов с головы до ног, оставляя обнаженными только руки; широкие пояса стягивали на талиях эту незамысловатую одежду; сандалии на ногах были сделаны из самой грубой кожи; на правом плече у каждого висела сума с едой и камнями для пращей. Рядом на земле лежали загнутые в верхней части посохи, символ занятия и оружие в случае необходимости.

Таковы были пастухи Иудеи! Внешне грубые и дикие, как поджарые собаки, сидевшие рядом с ними у огня; на самом же деле простодушные и нежные сердцем; такими их сделала отчасти примитивная жизнь, а в основном – постоянная забота о существах симпатичных и беззащитных.

Они отдыхали и беседовали; разговор шел о стадах – тема для всего мира скучнейшая, но для этих людей в ней был весь мир. Они долго обсуждали какие-то незначительные моменты; кто-то в мельчайших деталях, ничего не упуская, описывал пропажу барана, ибо с самого рождения такова была их обязанность: изо дня в день заботиться о «братьях меньших», спасти их во время разлива рек, переносить через овраги, давать им имена и учить их; животные становились им товарищами, предметом мыслей и интереса, спутниками их странствий. Защищая их, каждый из пастухов, не задумываясь, готов был бросить вызов льву или разбойнику – и умереть.

Грандиозные события, которые уничтожали целые народы и меняли лицо мира, были пустяками для этих людей, снисходительно слушавших о них. Порой до пастухов доходили слухи о том, что делает Ирод в том или ином городе – строит дворцы или стадионы, потвор-

ствуется своим извращенным желанием. Случалось, что, гоня стада на новые выпасы, пастух останавливался, слышав звуки военных труб, и смотрел, как мимо него марширует когорта, а то и целый легион. Когда же плюмажи на шлемах скрывались вдали, а смятение, внесенное в душу пастуха неожиданным вторжением извне, успокаивалось, он задумывался над значением орлов и позолоченных жезлов, а также над обаянием другой жизни, столь отличной от его собственной.

И все же эти люди, при всем их невежестве и простоте, обладали своим знанием и мудростью. По субботам они привыкли совершать обряд очищения и бывать в синагогах, занимая самую дальнюю скамью от Ковчега Завета. Когда служитель обходил всех с Торой в руках, никто жарче них не прикладывался к свитку; когда читали священные тексты, никто из слушателей не внимал древним словам с большей верой, чем они; а по выходе из синагоги никто не давал более щедрой милостыни. В строках Священного Писания они обрели то знание и тот закон, которые были им необходимы в их простой жизни, – что Господом их был Единый Бог, что они должны любить Его всеми силами своей души. И они любили Его, и в этом проявлялась их мудрость, превосходившая мудрость царей.

За разговорами, еще до того, как истек срок первой стражи, пастухи стали один за другим задремывать.

Ночь, как и почти каждая зимняя ночь в этой гористой стране, была ясной, свежей, с усыпанным звездами небом. Ветра не было. Казалось, никогда еще воздух не был так чист, тишина ночи казалась чем-то большим, чем молчание; это было святое безмолвие, знак того, что небеса приблизились, чтобы прошептать благуя весть внимающей земле.

У входа в овчарню, завернувшись поплотнее в свою накидку, прохаживался караульный; временами он останавливался, слышав возню в гуще дремлющих овец или далекое таяканье шакала на склоне горы. Приближалась полночь, время тянулось медленно; но наконец полночь наступила. Срок его дежурства истек; теперь можно было погрузиться в глубокий сон без сновидений, которым труд благословляет своих усталых детей. Он уже направился было к костру, но приостановился; все пространство вокруг него залил свет, мягкий и белый, похожий на лунный. Затаив дыхание, он ждал. Свет становился ярче; стали различимы предметы, невидимые ранее. На поле словно опускался покров. Холод страха пронзил пастуха. Он взглянул вверх; свет лился словно из окна в небе, в которое он смотрел; свет этот сиял царственным блеском, и пастух в страхе закричал:

– Проснитесь, проснитесь же!

Первыми вскочили на ноги собаки и, завывая, умчались прочь.

Перепуганные овцы сбились в плотную кучу.

Проснувшиеся пастухи поднимались на ноги, держа оружие в руках.

– Что такое? – в один голос спросили они.

– Смотрите! – крикнул им караульщик. – Небеса в огне!

Внезапно свет стал невыносимо ярким, пастухи закрыли глаза и пали на колени; их души в страхе затрепетали, они, теряя сознание, простерлись ниц и умерли бы, если бы не голос, воззавший к ним:

– Не бойтесь!

Они внимали этому голосу.

– Не бойтесь: смотрите, я принес вам благуя весть, радость эту разделят все люди.

Голос, произносивший эти слова, ласковый и успокаивающий, не мог принадлежать смертному; низкий и ясный, он проникал в самое существо слушающих его, наполняя их уверенностью. Встав на колени и молитвенно сложив руки перед собой, пастухи увидели в круге величайшей славы очертания человека, одетого в белые одежды; над его плечами возвышались верхушки сияющих сложенных крыльев; звезда во лбу у него горела ярким огнем, напоминая

Веспер¹⁸ на закате; руки его были протянуты вперед благословляющим жестом; лицо его было спокойным и божественно прекрасным.

Пастухам часто приходилось слышать об ангелах, порой они даже говорили о них, как умели; так что теперь, не усомнившись, произнесли глубоко в своих сердцах: «Нам явлена слава Божья, и это тот, кто в древние времена явился пророку на берегу реки Улая».

Обращаясь к ним, ангел продолжал:

– Днесь Спаситель рожден во граде Давидовом, еси Господь Христос!

Снова наступило краткое молчание, во время которого слова вестника запечатлевались в душах слушавших его.

– Вам дан этим знак, – произнес затем вестник. – Да найдете вы дитя, запеленатого и лежащего в яслях.

Больше ангел ничего не сообщил; благая весть уже была принесена людям. Но все же он какое-то время еще оставался перед пастухами. Затем свет, центром которого он казался, порозовел и стал мерцать; стоявшие увидели высоко у себя над головами взмахи белых крыльев и парение сияющих тел, и множество голосов грянуло в унисон с высоты:

– Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человецех благоволение!

Слова эти были произнесены не единожды, но много раз.

Затем вестник поднял очи горе, словно испрашивая одобрения кого-то свыше; крылья его медленно и величественно расправились, оказавшись сверху белыми как снег, а снизу перламутровыми; когда они распростерлись на много локтей в стороны от его фигуры, он легко взмыл в воздух и без всяких усилий поднялся вверх, скрывшись из виду и унеся с собой свет. Спустя некоторое время с небес донесся чуть приглушенный расстоянием рефрен: «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человецех благоволение!»

Когда пастухи окончательно пришли в себя, они долго ошарашенно глядели друг на друга. Затем один из них произнес:

– Это был Гавриил, Божий посланец людям.

Никто не ответил.

– Родился Господь Христос, разве не это он сказал?

Еще один из пастухов обрел дар речи и ответил:

– Так он и сказал.

– И разве не сказал он, что это произошло в городе Давида, в нашем Вифлееме? И что мы должны найти Его, найти дитя в пеленках?

– И лежащего в яслях.

Первый из говоривших задумчиво всмотрелся в огонь костра и наконец произнес, внезапно приняв решение:

– Есть только одно место в Вифлееме, в котором сохранились ясли, и место это – пещера рядом со старым караван-сараям. Братья, пойдем же и узрим то, что было предсказано. Священники и мудрецы давно уже ждали явления Христа. Ныне Он рожден, и Господь дал нам знак, по которому мы узнаем Его. Пойдем же и поклонимся Ему.

– Но наши стада!

– О них позаботится Господь. Поспешим же.

И они вышли из овчарни.

Обогнув гору и пройдя город, они подошли к воротам караван-сарая, где их и остановил привратник.

– Что вам здесь? – спросил он.

– Сегодня ночью мы видели и слышали нечто удивительное, – ответили они.

¹⁸ Веспер – античное название планеты Венера.

– Что ж, мы тоже видели нечто удивительное, хотя и ничего не слышали. А что слышали вы?

– Позволь нам пройти к пещере во дворе, чтобы убедиться; и потом мы тебе все расскажем. А то пойдем с нами – и увидишь все сам.

– Глупая выдумка.

– Нет – на свет появился Христос.

– Христос! Откуда вам это известно?

– Пойдем с нами, и ты первым увидишь его.

Привратник пренебрежительно усмехнулся:

– Сам Христос! И как же вы Его узнаете?

– Он родился нынешней ночью и сейчас лежит в яслях – так нам было сказано; а в Вифлееме есть только одно место, где сохранились ясли.

– Пещера?

– Да. Пошли с нами.

Вместе они прошли по двору караван-сарая. Дверь в пещеру была открыта. Внутри горела лампада, и они, не стучась, вошли внутрь.

– Мир вам, – обратился привратник к Иосифу и бетдагониту. – Здешние пастухи хотят взглянуть на новорожденного, который, как им известно, сейчас запеленат и лежит в яслях.

Невозмутимое лицо назаретянина дрогнуло; повернувшись вполоборота, он сказал только:

– Младенец здесь.

Подведя всех к яслям, он показал на лежащего в них ребенка. Кто-то принес лампаду, и пастухи стояли, молча глядя на младенца. Тот лежал не шевелясь, как и подобает только что рожденному малышу.

– А где его мать? – спросил привратник.

Одна из женщин взяла ребенка на руки, подошла с ним к Марии, лежавшей неподалеку, и вложила младенца ей в руки. Все собравшиеся подошли поближе.

– Это Христос! – произнес наконец один из пастухов.

– Христос! – повторили все в один голос, опускаясь на колени.

Один из пастухов несколько раз произнес:

– Это Господь, и слава Его объемлет землю и небеса.

И эти простые люди, больше не сомневаясь, поцеловали край одежды юной матери и с просветленными лицами вышли из пещеры. Во дворе караван-сарая они поведали всем собравшимся вокруг них людям о случившемся; и на всем обратном пути через город к овчарне они распевали слова, произнесенные ангелами: «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человецех благоволение!»

Слова их, подтвержденные явлением света, виденным многими, разнеслись далеко по всей округе, и много дней спустя толпы любопытных заходили в пещеру – некоторые искренне веря в случившееся, а большинство – чтобы посмеяться.

Глава XII

МУДРЕЦЫ ПРИХОДЯТ В ИЕРУСАЛИМ

На одиннадцатый день после того, как младенец появился на свет в пещере, трое мудрецов вошли в Иерусалим по дороге, ведущей в Сихем. Миновав Кедрон, они встретили по дороге множество прохожих, каждый из которых не преминул остановиться и с любопытством посмотреть им вслед.

Находясь на пересечении основных международных торговых путей и будучи узкой гористой полосой, зажатой между пустыней на востоке и морем на западе, Иудея была именно тем, на что она могла претендовать; по другую же сторону горного хребта природа создала торговую дорогу между востоком и югом; и это было ее богатством. Другими словами, богатство Иерусалима было основано на пошлинах, которые он собирал с проходящих товаров и людей. Нигде в мире, за исключением Рима, не было другого такого постоянного сборища такого количества людей любых наций; ни в каком другом городе мира не появлялось путников, столь отличных от людей, живших в пределах его стен. И все же эти трое привлекали внимание всех, кого они встречали на своем пути до ворот.

Ребенок одной из женщин, сидевших на обочине дороги напротив Царских гробниц, увидел входивших; он всплеснул ручонками и закричал:

– Смотрите, смотрите! Какие чудесные колокольчики! Какие большие верблюды!

Колокольчики были сделаны из серебра; верблюды, как мы помним, отличались необычным ростом и белизной и двигались весьма величественно; снаряжение их говорило о долгих странствиях в пустыне и о достатке их владельцев, сидевших под своими тентами в точности так, как они прибыли на встречу в Джебель. И все же не колокольчики, не снаряжение верблюдов и не манера держаться всадников привлекала к ним внимание, но те вопросы, которые задавал встречным ехавший первым всадник.

Дорога к Иерусалиму с севера идет по равнине, спускающейся к югу, так что Дамаские ворота лежат в низине. Сама дорога узкая, глубоко врезавшаяся в почву благодаря своей древности и оживленности движения, местами неровная из-за ухабов, образующихся во время дождей. Вдоль другой стороны дороги в былые времена тянулись поля и чудесные рощицы масличных деревьев, особенно приятные глазу путешественников, долго скитавшихся в бесплодных пустынях. На этой дороге и остановились три всадника на верблюдах рядом с небольшой группой женщин, сидевших перед гробницами.

– Добрые люди, – обратился к ним Балтазар, возложив руку на грудь и поклонившись, – не к Иерусалиму ли привела нас эта дорога?

– Да, – ответила женщина, державшая на руках ребенка. – И если бы не эти деревья на пригорке, вы могли бы увидеть башни на Рыночной площади.

Балтазар бросил взгляд на спутников и снова обратился к женщинам:

– Где нам найти Того, Кто рожден Царем Иудейским?

Женщины переглянулись и ничего не ответили.

– Вы не слышали про Него?

– Нет.

– Что ж, тогда поведайте всем, что мы видели Его звезду на востоке и пришли сюда, чтобы поклониться Ему.

С этими словами друзья двинулись дальше. Тот же самый вопрос они задавали всем встречным и с тем же результатом. Большая компания, направлявшаяся к пещере Иеремии, была так удивлена этим вопросом и внешностью путников, что даже повернула назад и последовала за ними в город.

Три путника были так озабочены предстоящей им миссией, что даже не обратили внимания на открывшийся перед ними вид. А вид этот был поистине величествен: за первой встреченной им по пути деревенькой Безета, за Мицпахом и Оливетом, слева от них, возвышалась мощная стена со своими сорока высокими и мощными башнями, надстроенная частично для усиления, а частично по прихоти своих царственных строителей; стена эта уходила направо, образуя острые углы, прорезанная укрепленными воротами, за ней виднелись три белые возвышенности – Фаселис, Марками и Гиппикус, далее, за ними, – Сион, самый высокий из холмов, с возвышающимися на нем мраморными дворцами, никогда еще не выглядевший столь прекрасным. Сверкали уступы храма Мориа, считающегося одним из чудес света. Высокие горы кольцом охватывали священный град; казалось, что он стоит внутри некоего громадного котла.

Через некоторое время трое друзей приблизились к огромной мощной башне, нависающей над воротами, которые в те времена находились на месте современных Дамасских ворот и отмечали собой место схождения трех дорог, ведущих из Сихема, Иерихона и Гаваона. У ворот несла охрану римская стража. Люди, следующие за верблюдами, к тому времени образовали уже целую толпу, вполне достаточную, чтобы привлечь внимание праздных зевак у ворот. Поэтому, когда Балтазар остановился, чтобы переговорить со стражником у ворот, все трое оказались в центре плотной толпы людей, жаждущих услышать их разговор.

– Мир тебе, – четким голосом произнес египтянин.

Часовой ничего не ответил.

– Мы пришли издалека в поисках Того, Кто рожден Царем Иудейским. Ты можешь сказать, где нам Его найти?

Часовой поднял забрало шлема и громко крикнул. Из будки справа от дороги появился офицер.

– Дайте дорогу, – велел он собравшимся, сбившимся еще теснее.

Поскольку толпа, по его мнению, не спешила выполнить приказ, он принялся расталкивать собравшихся древком своего копья, пробивая дорогу.

– Чего вам? – спросил он у Балтазара на местном наречии.

Балтазар повторил свой вопрос:

– Где Тот, Кто рожден Царем Иудейским?

– Ирод? – недоуменно переспросил офицер.

– Нет, правление Ирода исходит от цезаря.

– Другого царя у иудеев нет.

– Но мы узрели звезду Того, Кого мы ищем, и пришли сюда поклониться Ему.

Римлянин был сбит с толку.

– Ступайте отсюда, – проговорил наконец он. – Ступайте. Я вам не иудей. Задайте этот вопрос законникам в Храме, или первосвятителю Анне, а лучше всего – самому Ироду. Если есть другой царь Иудейский, он его обязательно найдет.

С этими словами он велел толпе расступиться, и путники, миновав ворота, вступили в город. Но прежде чем войти в лабиринт узких улиц, Балтазар чуть придержал своего верблюда и произнес, обращаясь к своим друзьям:

– Мы дали о себе знать, и довольно громко. К вечеру весь город будет знать о нас и о нашей миссии. Отправимся теперь в караван-сарай.

Глава XIII

ОЧЕВИДЦЫ ПЕРЕД ИРОДОМ

Тем же вечером, на закате, несколько женщин стирали белье на верхних ступенях лестницы, спускающейся к Силоамскому пруду. Девочка подносила им из пруда воду и пела, наполняя емкости из обожженной глины. Песенка была веселой и, без сомнения, скрашивала их труды. Время от времени женщины садились на корточки и, отдыхая, смотрели на склоны окружающих гор и на вершину, известную сейчас как гора Соблазна, едва различимую на фоне заходящего солнца.

Когда они заканчивали полоскать в емкости очередную порцию белья, к ним подошли еще две женщины с кувшинами на плечах.

– Мир вам, – приветствовала стиравших одна из них.

Работавшие приостановились, вытирая мокрые руки, и поклонились в ответ.

– Уже почти вечер – время отдыхать.

– Нашей работе конца нету, – прозвучало в ответ.

– Но всегда есть время отдохнуть и...

– Послушать, что происходит, – вставила другая.

– Что у вас новенького?

– Значит, вы ничего не слышали?

– Нет.

– Говорят, Христос родился, – сказала сплетница, готовясь рассказывать.

Было любопытно видеть, каким неподдельным интересом осветились лица работавших; вновь прибывшие сняли с плеч кувшины, которые тут же превратились в импровизированные сиденья.

– Христос! – воскликнула слушательница.

– Так говорят.

– Кто?

– Да все, об этом уже говорит весь город.

– И кто-нибудь этому верит?

– Нынешним утром три человека пришли через Кедрон по дороге из Сихема, – продолжала рассказчица, желая устранить все сомнения в ее словах. – Каждый из них ехал на девственно белом верблюде, который был ростом больше, чем до сих пор видели в Иерусалиме.

Глаза и рты слушательниц широко распахнулись.

– Люди эти были знатны и богаты, – продолжала рассказчица. – Каждый из них сидел под пологом из шелка; пряжки их седел из чистого золота, как и бахрома на упряжи; а колокольчики на верблюдах – из серебра, и звенели так нежно! Никто не знает этих людей; выглядят же они так, словно пришли с края света. Говорил только один из них, и всем встречным на дороге, даже женщинам и детям, задавал один и тот же вопрос: «Где Тот, Кто рожден Царем Иудейским?» Никто не мог ему ответить – ни один человек не понимает, что они имеют в виду; поэтому они вошли в город, сказав только: «Мы видели на востоке Его звезду и пришли сюда, чтобы поклониться Ему». То же самое они спросили и у римского часового у ворот, и тот, не умнее простых людей на дороге, отправил их к Ироду.

– И где они теперь?

– Остановились в караван-сараях. Сотни людей уже видели их там, и еще сотни собираются взглянуть на них.

– Но кто же они такие?

– Никто не знает. Поговаривают, что они из Персии – мудрецы, которые понимают язык звезд, а может быть, пророки, как Елиав и Иеремия.

- И кого же они считают Царем Иудейским?
 - Того Христа, Который только что родился. Одна из женщин рассмеялась и снова принялась за работу со словами:
 - Что ж, когда я увижу Его, тогда и поверю.
 - Вторая последовала ее примеру, сказав:
 - А я... когда я увижу, как Он воскрешает мертвых, то поверю в Него.
 - Третья же негромко произнесла:
 - Появление Его было предсказано еще давно. Мне будет достаточно увидеть, как Он исцеляет прокаженного.
- Женщины проговорили до самой темноты. Когда похолодало, все четверо разошлись по домам.

Поздно вечером, в час начала первой стражи, во дворце на горе Сион собралось человек пятьдесят из числа тех, кто никогда не собирались вместе, кроме как по прямому повелению Ирода и только в тех случаях, когда ему требовалось узнать какую-нибудь из сокровенных тайн иудейской истории или ее закона. Короче говоря, это было собрание законников, высших священнослужителей и глав религиозных общин, наиболее уважаемых в городе за их ученость. Здесь были ведущие теологи, толкователи различных вероучений, самые авторитетные саддукеи, самые пламенные трибуны фарисеев, спокойные, тихие философы-стоики из социалистов-есеев¹⁹.

Собрались они в одном из внутренних дворишков дворца, довольно большом, построенном в романском стиле. Пол там был вымощен мраморными плитами, стены, без единого окна, расписаны в желто-оранжевых тонах; диван, занимавший середину помещения, был устлан подушками из ярко-желтой материи и изогнут в виде латинской буквы U, открытой ко входу; в выгибе дивана стоял громадный бронзовый треножник, инкрустированный золотом и серебром. Над треножником с потолка свисал светильник с семью лапами, в каждой из которых помещалась горящая лампа. Диван и светильник были чисто иудейскими.

Люди, сидевшие сейчас на диване, были облачены в одежды восточного стиля единогообразного покроя, нечто вроде униформы, отличавшиеся только цветом. Это были исключительно мужчины, большей частью уже в годах; лица их украшали бороды; крючковатые носы казались еще более крупными от соседства с большими черными глазами под нависающими густыми бровями; весь их облик был серьезным, величественным, даже патриархальным. Короче, это было заседание Синедриона.

Человек, сидевший перед треножником, на месте, которое могло бы быть названо председательским, походил на своих коллег справа и слева, но именно к нему, по всей видимости, председателю этого собрания, сразу же приковывался взгляд постороннего наблюдателя. Когда-то этот человек явно был высокого роста, но теперь до отвращения ссохся и сгорбился: белая мантия, в которую он облачился, не давала ни малейшего намека на то, что под нею скрываются мышцы или что-то иное, кроме угловатого скелета. Сложенные руки, наполовину скрытые рукавами из полосатой шелковой ткани, белой и темно-красной, покоились на коленях. Когда человек говорил, указательный палец его правой руки, дрожа, приподнимался; было похоже, что на другие жесты он уже не способен. Несколько волосков, цветом блее ярко начищенного серебра, еще оставались на его обтянутом кожей, почти лысом и совершенно круглом черепе, ярко блестящем в свете ламп; мутные глаза глубоко запали в глазницах; нос едва ли не доставал губы; нижняя часть лица скрывалась в волнистой бороде, наводящей на воспоми-

¹⁹ Ессеи – религиозная группировка внутри иудаизма, существовавшая со 2-го тысячелетия до н. э. вплоть до 70-х годов н. э. Вели аскетический образ жизни и scrupulously соблюдали закон, но во время молитвы обращались лицом к Солнцу, а не ко Храму, называя себя «людьми света». По мнению некоторых исследователей, община, которой принадлежали Кумранские свитки, состояла из есеев.

нания о почтенном Аароне. Таков был Энлиль Вавилонянин! Черета пророков, давно пресекавшаяся в Израиле, сменилась чередой схоластов, из которых он был самым ученым – знатоком всего, но лишенным Божественного вдохновения. В свои сто шесть лет он по-прежнему оставался президентом Верховной Коллегии.

На столе перед ним лежал развернутый свиток пергамента, покрытый затейливой вязью иврита; за его спиной, почтительно склонившись, ждал распоряжений дородного вида служитель.

Собравшиеся явно обсуждали какой-то сложный вопрос, но к тому моменту, когда они предстали нашему взгляду, общее мнение было найдено, и достопочтенный Энлиль, не двигаясь, подозвал служителя:

– Пст!

Тот, приблизившись, склонился еще ниже.

– Ступай и скажи царю, что мы готовы дать ему ответ.

Не мешкая, служитель удалился.

Спустя некоторое время в помещение вошли два офицера придворной стражи и замерли по обе стороны от двери; вслед за ними во дворик медленно вступила в высшей степени примечательная персона – старик в пурпурной мантии с алым подбоем, схваченной на талии лентой из золота столь тонкой работы, что эластичностью не уступала коже; пряжки сандалий сверкали драгоценными камнями; узкий обруч короны филигранной работы играл поверх тарбуша из мягчайшего бархата малинового цвета, спускавшегося на плечи и оставляющего открытым горло. Вместо печати к поясу был пристегнут кинжал. Старик прихрамывал и тяжело опирался на трость. На всем своем пути до дивана он не останавливался и не поднимал взгляда от пола. Лишь приблизившись, он, словно впервые заметив присутствующих, обвел собравшихся надменным взглядом, словно выискивая среди них врагов. Таким был Ирод Великий – телом страждущий от множества болезней, совестью ожесточенный злодеяниями, сознанием царственно талантливый, душой равный римским цезарям; достигший уже семидесяти шести лет, но хранивший свою власть, как никогда ранее, с подозрительной ревностью, с деспотичной мощью и непреклонной жестокостью.

По рядам собравшихся прошло движение – более старшие подались вперед в поклоне, более почтительные привстали и преклонили колена, возложив руки на грудь.

Обведя взглядом ряды собравшихся, Ирод сделал несколько шагов и приблизился к треножнику, остановившись напротив достопочтенного Энлиля. В ответ на его холодный взгляд тот лишь склонил голову и слегка приподнял руки.

– Ответ! – с высокомерной краткостью произнес царь, обращаясь к Энлилю, и водрузил перед собой трость, опершись на нее обеими руками. – Ответ!

Глаза патриарха мягко сверкнули. Вскинув голову и глядя прямо в лицо вопрошавшему, он произнес:

– Да дарует мир тебе, о царь, Бог Авраама, Исаака и Иакова!

Произнеся эти слова молитвенным тоном, он изменил образ речи и более деловым тоном, но торжественно изрек:

– Тебе было угодно спросить нас, где должен появиться на свет Христос.

Царь склонил голову, не отрывая взгляда от лица мудреца.

– Таков был вопрос.

– Ныне, о царь, я объявляю тебе от своего собственного лица, равно как и от лица моих собратьев, ибо нет среди нас ни одного не согласного с этим: в городе Вифлееме, что в Иудее.

Энлиль бросил взгляд на лежавший на треножнике пергамент; указывая на него своим дрожащим пальцем, он продолжал:

– В Вифлееме, что в Иудее, ибо было написано пророком: «И ты, Вифлеем, что в стране Иудейской, будешь не последним среди князей Иудеи, поскольку из твоих пределов придет Тот, Кто будет править моим народом Израилевым».

По лицу Ирода пробежала тень тревоги. Несколько мгновений он раздумывал, не спуская взгляда с пергамента. Присутствующие затаили дыхание, никто не произносил ни слова – ни они, ни царь. Наконец Ирод резко повернулся и вышел из залы.

– Братья, – произнес Энлиль, – мы можем разойтись.

Собравшиеся поднялись со своих мест и, разбившись на группы, потянулись к выходу.

– Симеон, – позвал Энлиль.

Мужчина лет пятидесяти, еще вполне крепкий, отозвался и подошел к мудрецу.

– Возьми этот священный пергамент, сын мой, и осторожно сверни его.

Приказ был незамедлительно исполнен.

– Теперь помоги мне подняться и проводи меня до паланкина.

Мужчина склонился к старику, протягивая руки; старик оперся на них, с трудом поднялся и неверными шагами направился к выходу.

Так покинули залу совета президент Верховной Коллегии и Симеон, его сын, которому предстояло унаследовать мудрость, познания и пост своего отца.

Поздним вечером того же дня трое мудрецов лежали в клетушке караван-сарая без сна. Каменные изголовья, служившие им подушками, позволяли держать головы так высоко, что они могли видеть сквозь арку открытое небо. Всматриваясь в мерцающие звезды, они размышляли о следующем знамении. Как оно произойдет? Что это будет? Наконец-то они добрались до Иерусалима; они спросили у входных ворот города о Том, Кого искали; им было суждено стать свидетелями Его рождения; оставалось только найти Его; и в исполнение этого они вкладывали всю свою веру в Духа. Люди, внимающие голосу Бога, или ждущие знака Небес, не могут спать.

И вот, когда они находились в таком состоянии, под арку, ведущую в их клетушку, вступил человек и заслонил свет звезд.

– Вставайте! – произнес он. – Я принес вам известие.

Трое друзей сели на своих ложах.

– От кого? – спросил египтянин.

– От царя Ирода.

У каждого из услышавших эту новость по спине пробежал холодок.

– Разве ты не служитель караван-сарая? – снова задал вопрос Балтазар.

– Да, служитель.

– Чего хочет от нас царь?

– Его посланец ждет снаружи; спрашивайте у него.

– Попроси его подождать, мы сейчас выйдем.

– Ты был прав, о брат мой! – сказал грек, когда служитель удалился. – Вопросы, которые ты задавал людям на дороге и стражнику у ворот, быстро дошли до слуха царя. Мне не терпится все узнать; давайте поспешим.

Они поднялись, надели сандалии, подпоясались и вышли наружу.

– Приветствую вас, да будет мир вам, я прошу у вас прощения, но мой повелитель, царь, послал меня, чтобы пригласить вас во дворец, где он желает переговорить с вами наедине.

В таких словах посланник изложил возложенную на него задачу.

У входа в караван-сарай висела лампа, и при ее свете мудрецы взглянули друг на друга; понимая, что Дух посетил их. Затем египтянин подошел к служителю, стоявшему неподалеку, и произнес, понизив голос так, чтобы его не слышали остальные:

– Ты знаешь, где во дворе лежат наши вещи и где стоят верблюды. Пока нас не будет, пригляди за ними до нашего возвращения, если это будет необходимо.

– Ступайте себе спокойно и доверьтесь мне, – ответил слуга.

– Воля царя – закон для нас, – сказал Балтазар, обращаясь к посланнику. – Мы готовы следовать за тобой.

Улицы Святого Города были в те времена столь же узкими, как и ныне, но не такими неровными и грязными, потому что великий строитель, не довольствуясь только красотой города, позаботился и о его чистоте и удобстве для жителей. Странники молча шагали за провожатыми. Хотя неверный свет звезд слабо проникал между высокими стенами домов по обе стороны улиц, они все же смогли понять, что из низменной части города поднимаются на холм. Наконец они оказались у фронтона здания, перегораживавшего им дорогу. При свете факелов, плававших в двух громадных подставках, можно было различить очертания строения и контуры стражников, недвижно замерших у входа. Без какого-либо вопроса их пропустили внутрь. Затем переходами и сводчатыми залами, внутренними дворами и колоннадами, не всегда освещенными, длинными пролетами лестниц, вдоль бесчисленных галерей и покоев, их провели в высокую башню. Ведший их провожатый внезапно остановился и, указывая рукой на открытую дверь, сказал:

– Войдите. Царь вас ждет.

Воздух царских покоев был насыщен ароматом сандала, убранство поражало своей роскошью. Пол посередине залы был устлан ворсистым ковром, на котором возвышался трон. Вошедшие успели обвести взглядом помещение, и в памяти их остались резные оттоманки и позолоченные кресла, опавшая ваза, музыкальные инструменты; золотые канделябры, отражавшие свет горевших в них свечей; стены, расписанные сладострастными сюжетами в стиле греческих школ живописи, при одном взгляде на которые фарисеи в святом негодовании закрыли бы глаза. Но тут же внимание их сосредоточилось на сидевшем на троне Ироде, облаченном в то же одеяние, в котором он посетил собрание богословов и толкователей законов.

У края ковра, к которому они приблизились без приглашения, мудрецы простерлись перед Иродом. Царь позвонил в колокольчик. В залу вошел слуга и поставил перед троном три кресла.

– Садитесь, – произнес монарх, указав на кресла рукой. – Стража у Северных ворот, – продолжал он, когда мудрецы расселись, – сегодня доложила мне о прибытии трех странников, по-видимому из дальних земель. Вы ли эти люди?

Египтянин переглянулся с греком и индусом и, приветствуя царя почтительным восточным салютом, отвечал:

– Будь мы не теми, кто мы есть, разве могущественный Ирод, которого превозносит весь мир, послал бы за нами? Мы же ничуть не сомневаемся в том, что мы странники.

Ирод нетерпеливо махнул рукой.

– Кто вы такие? Откуда вы пришли? – спросил он и со значением добавил: – Пусть каждый говорит сам за себя.

Каждый из странников по очереди вкратце рассказал царю о себе, назвав город и страну своего рождения и обрисовав маршрут, которым он добирался до Иерусалима. Чем-то разочарованный, Ирод принялся расспрашивать их более подробно.

– Какой вопрос вы задали офицеру, командовавшему стражниками у ворот?

– Мы спросили его: «Где Тот, Кто рожден Царем Иудейским?»

– Теперь я понимаю, почему мои воины так удивились. Да я и сам удивлен не менее их. Что, есть какой-нибудь другой царь Иудейский?

Египтянин бесстрашно ответил ему:

– Тот, Который только что родился.

Гримаса боли перекосила темное лицо правителя, словно эти слова вызвали какие-то мучительные воспоминания в его сознании.

– Не от меня, не от меня? – воскликнул он.

Возможно, в это мгновение перед его мысленным взором чередой прошли образы его убитых детей; но, подавив свои чувства, он снова настойчиво спросил:

– И где этот новый царь?

– Именно это, о царь, мы и хотели бы спросить.

– Вы удивили меня – эта загадка не под силу и самому Соломону, – продолжал монарх. – Как вы сами видите, я в той поре моей жизни, когда любопытство становится неуправляемым, как и в детстве, если шутить с ним жестоко. Говорите же все до конца, и я одарю вас по-царски. Расскажите мне все, что вы знаете об этом новорожденном; и я вместе с вами отправлюсь на Его поиски; когда же вы найдете Его, я сделаю все, что вы пожелаете; я приведу Его в Иерусалим и научу Его искусству правления; я воспользуюсь благосклонностью ко мне цезаря для Его поддержки и славы. Клянусь вам, я не исполню ревности к Нему. Но прежде всего скажите мне, как вы, разделенные морями и пустынями, услышали про Него.

– Скажу тебе всю правду, о царь.

– Говори же, – повелел Ирод.

Балтазар встал, выпрямился и торжественно произнес:

– Такова была Воля Божья.

Ирод был явно напуган.

– Он повелел нам прийти сюда, сказав, что мы должны найти Спасителя мира; что мы должны узреть Его, и поклониться Ему, и стать свидетелями Его прихода; в качестве же знака каждому из нас было дано узреть звезду. Дух Его пребывает с нами. О царь, Дух Его и сейчас с нами!

Неодолимые чувства овладели всеми тремя странниками. Грек с трудом подавил готовый вырваться из горла крик. Взгляд Ирода быстро переходил с одного из них на другого; царь выглядел еще более подозрительным и разочарованным, чем раньше.

– Вы смеетесь надо мной, – сказал он. – Если же нет, говорите все до конца. Что последует за пришествием нового царя?

– Спасение людей.

– От чего?

– От их злобы.

– Каким образом?

– Божественными посланцами – Верой, Любовью и Добродетелью.

– В таком случае, – Ирод на секунду замолк, и по его лицу ни один человек не смог бы сказать, какие чувства им сейчас владеют, – вы и есть вестники о Христе. Это все?

Балтазар низко склонился перед монархом.

– Мы твои верные слуги, о царь.

Ирод снова позвонил в колокольчик, вызывая слугу.

– Принеси дары, – распорядился повелитель.

Слуга вышел, но вскоре вернулся и, преклонив колени перед гостями царя, передал каждому из них накидку из ткани в малиновую и голубую полосы и золотой пояс. Благодаря за оказанную честь, все трое по восточному обычаю простерлись перед царем.

– Еще одно слово, – сказал Ирод, когда церемония была окончена. – Офицеру у ворот вы говорили про звезду, которую видели на востоке, но ничего не сказали сейчас об этом мне.

– Да, – ответил Балтазар, – это Его звезда, звезда новорожденного.

– Когда она появилась?

– Когда нам было повеление прийти сюда.

Ирод поднялся, давая знать, что аудиенция окончена. Сделав несколько шагов к ним, он произнес со всей любезностью, на которую был способен:

– Если, как я верю, вы, о прославленные ученостью мужи, и в самом деле посланы вестниками о Христе, ныне рожденном, знайте же, что нынешним вечером я спросил знатоков

иудейских дел, и они в один голос ответили: Он должен быть рожден в Вифлееме Иудейском. Я говорю вам – ступайте туда, ступайте и неустанно ищите Младенца; и, когда вы найдете Его, дайте мне знать, чтобы я мог прийти и поклониться Ему. На вашем пути туда не будет ни препятствий, ни трудностей. Мир вам!

И, запахнувшись в мантию, он вышел из залы.

Появившийся провожатый провел их темными улицами ко входу в караван-сарай. Прежде чем войти в ворота, грек порывисто воскликнул:

– Направимся же в Вифлеем, о братья, как посоветовал нам царь.

– Да, – кивнул головой индус. – Дух во мне горит огнем.

– Да будет так, – с таким же воодушевлением произнес Балтазар. – Верблюды ждут нас.

Они одарили служителя караван-сарая, сели в седла, узнали дорогу до Яффских ворот и двинулись в путь. При их приближении громадные створки медленно раскрылись, и они вышли из пределов Святого Города, направившись по дороге, по которой так недавно двигались Иосиф и Мария. Когда они вышли на равнину Рефаим, впереди вспыхнул свет, поначалу расплывчатый и слабый. Сердца их забились быстрее. Свет быстро наливался яркостью; вскоре они уже были вынуждены прикрыть глаза: когда же они осмелились вновь открыть их, то звезда, столь же прекрасная, как и любая другая звезда на небе, висела низко над горизонтом и медленно двигалась перед ними. И они сложили перед собой руки и воскликнули, переполняемые одинаковыми чувствами.

– Бог с нами! Бог с нами! – повторяли они в восторге чувств всю дорогу, вплоть до тех пор, как звезда, поднявшись над долиной за горой Мар-Элиас, неподвижно замерла над домиком на склоне холма невдалеке от города.

Глава XIV

МУДРЕЦЫ НАХОДЯТ РЕБЕНКА

Был час начала третьей стражи. Над горами, что к востоку от Вифлеема, загоралась заря, но такая слабая, что в долине еще стояла темнота. Привратник у дверей старого караван-сарая, поживаясь от ночного холода, прислушивался к первым звукам нарождающегося дня, которыми повседневная жизнь, вступая в свои права, приветствовала рассвет. Тут он заметил свет, двигавшийся по склону холма к стоящему на его вершине дому. Сначала он подумал, что это факел в чьей-то руке; затем решил, что сверкание метеора; свет, однако, становился все ярче, пока не стало понятно, что это звезда. От испуга привратник вскрикнул и принялся тащить всех бодрствующих во дворе под защиту крыши. Явление тем временем, причудливо двигаясь, все приближалось; окружающие скалы, деревья, дорога светились отраженным светом как от молнии; скоро сияние стало ослепительным. Более робкие из числа видевших это пали на колени и стали молиться, закрыв лица руками; более смелые, прикрыв глаза ладонями, склонили головы, время от времени бросая на происходящее полные ужаса взоры. Вскоре караван-сарай и все окружающие его постройки были залиты невыносимым сиянием. Лишь те немногие, кто осмелился всмотреться в происходящее, поняли, что звезда замерла над домом перед входом в пещеру, где родился Младенец.

В кульминационный момент этой сцены появились мудрецы, спешившиеся со своих верблюдов у входа в караван-сарай. Обнаружив, что дверь заперта, они стали громко просить разрешения войти. Когда слуга справился со своим страхом настолько, что обратил на них внимание, он снял запоры и открыл им дверь. В заливающим все вокруг свете верблюды выглядели какими-то призрачными существами, что, вкупе с обликом и поведением их хозяев, лишь увеличило страх привратника. Он отшатнулся и даже не смог сразу ответить на заданный ему вопрос:

– Это ли Вифлеем Иудейский?

Несколько человек из числа постояльцев приблизились ко входу. Их присутствие несколько приободрило привратника.

Нет, это караван-сарай, сам город расположен чуть дальше.

– Не здесь ли недавно появился на свет ребенок?

Окружающие в изумлении воззрились друг на друга.

– Да, да.

– Проведите же нас к Нему, – нетерпеливо потребовал грек.

– Проведите нас к Нему, – воскликнул и Балтазар, впервые за все время теряя бесстрашие, – потому что мы видели Его звезду, которая встала над Его домом, и пришли поклониться Ему.

Индуc молитвенно сложил руки перед собой, восклицая:

– Воистину жив Господь! Поспешите же, поспешите! Спаситель найден. Мы осчастливлены превыше всех людей!

Спавшие на плоской крыше люди спустились вниз и последовали за странниками, ведя их по двору и загону; при виде звезды, по-прежнему сиявшей над пещерой, хотя и не так ярко, кое-кто в испуге повернул назад; но большая часть продолжала свой путь. Когда путники приблизились к дому, звезда поднялась; когда они достигли двери, звезда уже была высоко в небе и продолжала подниматься; когда они вошли в дом, она скрылась из виду. Это убедило свидетелей происшедшего, что существовала какая-то божественная связь между звездой и странниками. Когда дверь распахнулась, они толпой вошли внутрь.

Помещение было освещено светильником, дававшим достаточно света, чтобы странники смогли различить мать и бодрствующего ребенка у нее на коленях.

– Это твой ребенок? – спросил Балтазар у Марии.

Молодая мать поднесла ребенка ближе к свету, произнеся:

– Он мой сын!

И все трое преклонили колена и поклонились Ему.

Они совершенно отчетливо видели, что ребенок ничем не отличается от всех других детей: вокруг его головы не было ни нимба, ни какой-либо короны; губы его были приоткрыты. Ему словно бы не было дела до мудрецов, до их радости, их молитв; подобно всем детям, он куда дольше смотрел на пламя светильника, чем на них.

Спустя несколько минут странники поднялись с колен, возвратились к своим верблюдам и снова пришли в пещеру, принеся в качестве даров золото, ладан и мирру²⁰, которые они и возложили перед Младенцем, выразив все преклонение перед Ним в словах, которые нельзя передать на письме, ибо искренний восторг чистого сердца был тогда тем же, что и сейчас, – вдохновенной песней души.

Перед ними был Спаситель, в надежде найти которого они проделали такой длинный путь!

Они без всяких колебаний признали Его.

Почему?

Вера их покоилась на знамениях, явленных им Тем, Которого мы знаем с тех пор под именем Отца; и они были людьми того типа, которым достаточно лишь такого знамения, поскольку они ничего не спрашивали о своем будущем. Мало было тех людей, которые увидели знамения и услышали данные им обещания – Мать и Иосиф, пастухи, трое мудрецов – все они уверовали одинаково. В этот период, в период подготовки спасения, Бог был всем и Младенец ничем. Но взгляни в будущее, о читатель! Наступит время, когда все знамения будут исходить от Сына. Блаженны те, кто тогда уверует в Него!

Давайте жеждемся этого времени.

²⁰ Ладан и мирра – различные виды ароматических смол.

Книга вторая

*Ты жил дерзаньем смелым,
Огнем души, чьи крылья ввысь манят,
Ее презреньем к нормам закоснелым,
К поставленным природою пределам.
Раз возгорясь, горит всю жизнь она,
Гоня покой, живя великим делом,
Неистребимым пламенем полна,
Для смертных роковым в любые времена.*
Байрон. Паломничество

Чайльд-Гарольда

Глава I

ИЕРУСАЛИМ ПОД ВЛАСТЬЮ РИМЛЯН

Теперь читателю необходимо перенестись вперед на двадцать один год, в начало того периода, когда римскую власть возглавлял Валерий Грат, четвертый имперский правитель Иудеи, – период, который запомнился спадом политической агитации в Иерусалиме. Это было не лучшее время, чтобы сводить старые счеты между иудеями и римлянами. Иудея претерпевала перемены, затрагивавшие многие стороны ее существования, но ничто не волновало ее так, как политический статус. Ирод Великий умер примерно через год после рождения Младенца – умер столь жалко, что христианский мир впоследствии имел все основания думать: он был сметен Божественным гневом. Подобно всем великим правителям, целую жизнь занятым совершенствованием той власти, которую они создали, он мечтал передать свой трон и свою корону по наследству – стать основателем династии. С этим намерением он оставил завещание, согласно которому разделил все подвластные ему земли между тремя своими сыновьями, Антиппой, Филиппом и Архелаем, из которых последний должен был также унаследовать и его титул. В соответствии с заведенным порядком завещание было представлено на рассмотрение императору Августу, который утвердил все его положения за одним исключением: он воздержался от присвоения Архелаю царского титула до тех пор, пока тот не докажет свою способность управлять государством и свою преданность римской власти; взамен этого он дал ему титул наместника и в этом качестве позволил править в течение девяти лет, после чего за неспособность к управлению и к обузданию тех возмутителей спокойствия, которые укреплялись и набирали силу при нем, Архелай был переведен в Галлию в качестве ссылки.

Цезарь не ограничился устранением Архелая; он нанес удар также и по жителям Иерусалима, унизив их гордость и ранив чувствительность высокомерных обитателей Храма. Он низвел Иудею до статуса провинции Римской империи и ввел ее в состав префектуры Сирии. Таким образом, взамен царя, лояльно управлявшего народом из дворца на холме Сион, оставленного Иродом, город попал во власть второстепенного чиновника, именуемого прокуратором, выходившего на римских царедворцев только через наместника Сирии, постоянно пребывавшего в Антиохии. Чтобы сделать оскорбление еще более чувствительным, прокуратору не было позволено иметь своей резиденцией Иерусалим; он сам и его чиновники расположились в Кесарии. Но унижительнее всего было то, что Самария, самая презируемая всеми в мире Самария – эта самая Самария была присоединена к Иудее в качестве части той же самой провинции! Каких мук стоило правоверным иудаистам встречаться на совещаниях с фанатиками-фарисеями, которые показывали на них пальцами и смеялись над ними в присутствии прокуратора!

В этом море слез и печали униженному народу оставалось одно утешение: верховный священнослужитель воцарился в бывшем дворце Ирода и завел там некое подобие царского двора. О том, какой долей истинной власти он обладал, можно судить по следующему примеру. Смертные приговоры утверждались прокуратором. Правосудие осуществлялось от имени римского императора и по его законам. Еще более знаменательным было то, что царский дворец был забит акцизными чиновниками императора, его дипломатическими посланцами, советниками, регистраторами, сборщиками податей, откупщиками, доносчиками и соглядатаями. Мечтающим о днях вожденной свободы оставалось утешаться тем, что главным правителем в царском дворце был все же иудей. Одно только его присутствие изо дня в день напоминало им об обещаниях пророков и о том времени, когда Иегова правил племенами через сынов Аарона; для них в этом был определенный знак того, что Бог не покинул их: это питало их надежды и помогало терпеливо дожидаться прихода сына Иуды, которому предстояло взять бразды правления Израилем.

Иудея была римской провинцией более восьмидесяти лет – громадный срок для того, чтобы узнать, до какой степени ее население не выносит римскую власть, и более чем достаточный, чтобы понять: иудеями, при всей их гордости, можно вполне спокойно управлять, если только уважать их религию. Придерживаясь такой политики, предшественники Валерия Грата всячески избегали каких бы то ни было споров с блюстителями священных обычаев и законов их религии. Грат же избрал совершенно другую политику: самым первым своим официальным актом он лишил Анну звания верховного жреца и передал его дворец Ишмаэлю, сыну Фабуса.

Исходила ли идея такого акта от Августа или же была рождена в голове самого Грата, но неразумность ее вскоре стала явной всем. Жалея читателя, мы не будем посвящать его во все тонкости политических процессов внутри самой Иудеи; скажем об этом только несколько слов, которые совершенно необходимы для критического осмысления происходящего. В те времена, оставляя в стороне вопрос об их происхождении, в Иудее существовала партия знати и партия сепаратистов, или народная партия. После смерти Ирода обе эти партии объединились в борьбе против Архелая; они изводили его в Храме и во дворце, в Иерусалиме и в Риме, то интригами, а порой и с оружием в руках. Не единожды священные стены монастыря Мориа сотрясались от криков вооруженной толпы. В конце концов они добились ссылки Архелая. Но в ходе этой борьбы союзники преследовали каждый свои собственные цели. Знать ненавидела Иоазара, верховного священнослужителя; сепаратисты же были его рьяными приверженцами. Когда ставленники Ирода пали вместе с Архелаем, Иоазар разделил их судьбу. Анна, сын Сита, был выбран знатью в качестве нового хозяина дворца; вслед за этим пути союзников разошлись. Возвышение ситиан привело к возобновлению жестокой вражды.

В ходе борьбы с несчастливым наместником знать сочла для себя выгодным найти союзников в Риме. Сообразив, что с разрушением существовавших ранее учреждений на смену им должна прийти какая-то форма правления, они предложили преобразование Иудеи в провинцию. Это дало сепаратистам новый повод для нападок; и, когда Самария стала частью провинции, знать превратилась в меньшинство, которое поддерживал только императорский двор и престиж их звания и богатства. Тем не менее в течение пятнадцати лет – вплоть до пришествия Валерия Грата – им удавалось сохранять свои позиции как во дворце, так и в Храме.

Анна, идол своей партии, использовал власть единственно в интересах своего имперского покровителя. Римский гарнизон был расквартирован в Антониевой башне; римская стража несла караул у врат дворца; римский судья отправлял правосудие, гражданское и уголовное; римская налоговая система безжалостно душила город и страну; ежедневно, ежечасно, тысячами различных способов народ попирался и страдал, постигая разницу между состоянием независимости и жизнью в порабощении. Тем не менее Анна держал его в сравнительно спокойном состоянии. У Рима не было более верного друга, и его уход империя ощутила мгновенно. Передав свои ризы Ишмаэлю, назначенцу новой власти, он пересек внутренние дворики Храма и вошел в совет партии сепаратистов, где тотчас стал главой новой политической комбинации, объединившей ситиан и бетусиан.

Прокуратор Грат, оставшись таким образом без партии, на которую он мог бы опереться, понял, что то пламя, о существовании которого в течение пятнадцати лет можно было только догадываться по пробивавшемуся дыму, вспыхнуло с новой силой. Через месяц после вступления в должность Ишмаэля римляне сочли, что ему необходимо появиться в Иерусалиме. Когда иудеи с высоты стен города увидели его охрану, марширующую по городу в направлении Антониевой башни, они поняли истинную цель этого посещения: к прежнему гарнизону добавилась целая когорта новых легионеров, так что веревку на шее жителей города можно было затянуть с легкостью. Если прокуратору кажется необходимым дать урок, что ж, тем хуже для его первого обидчика!

Глава II

БЕН-ГУР И МЕССАЛА

Снабдив читателя вышеприведенными разъяснениями, мы приглашаем его теперь бросить взгляд на сады дворца, расположенного на Сионском холме. Происходит все около полудня в середине июля, когда солнечный жар достигает своего максимума.

Сад раскинулся по обе стороны от зданий, местами достигающих двух этажей в высоту, с затененными верандами у входов и с окнами в нижнем этаже, в то время как расходящиеся галереи, окаймленные прочными балюстрадами, украшают и защищают от солнца верхний этаж. То здесь, то там здания переходят в нечто, напоминающее колоннады и позволяющее ветрам проникать в здания, а также дающее возможность видеть различные части дворца и восхищаться его значительностью и красотой. Равным образом приятно глазу устроена и вся поверхность земли внутри дворцового комплекса. Здесь протянулись аллеи и раскинулись участки земли, засаженные травой и кустарниками, растет несколько больших деревьев, поражают своим изяществом рощицы пальм редких видов, перемежающиеся с цератонией, абрикосовыми и ореховыми деревьями. Посередине, на самой верхней точке комплекса, расположен глубокий мраморный бассейн. По его периметру имеются водоспуски с затворами, которые, будучи поднятыми, открывают воде путь в оросительные каналы, идущие параллельно аллеям, – хироумное устройство, предохраняющее землю от пересыхания, весьма частого в этом регионе.

Неподалеку от фонтана располагался небольшой бассейн с чистой водой, питавший поросль тростника и олеандров, таких же как на берегах Иордана или на побережье Мертвого моря. Между порослью и бассейном, не обращая ни малейшего внимания на солнце, в неподвижном воздухе заливающее все вокруг своими лучами, сидели двое юношей, один лет девятнадцати, а другой – семнадцати, и вели серьезный разговор.

С первого взгляда их можно было принять за братьев. У обоих были черные глаза и волосы; лица покрывал густой загар; когда они сидели, разница в их росте вполне соответствовала разнице в возрасте.

Голова старшего была ничем не покрыта. Свободно спускавшаяся до колен туника составляла все его одеяние, не считая сандалий и светло-голубой накидки, на которой он сейчас сидел. Костюм этот оставлял открытыми руки и ноги, такие же загорелые, как и лицо; тем не менее определенное изящество манер, утонченность черт лица и изысканность разговора изобличали его положение. Сделанная из тончайшей шерсти сероватого цвета туника вокруг шеи, на рукавах и по подолу была оторочена красным и подпоясана шелковым поясом с кистями, что выдавало в нем римлянина. И если в разговоре он время от времени бросал высокомерно-пристальный взгляд на своего собеседника и обращался к нему как к низшему по положению, то это было вполне простительно, потому что он происходил из семьи, знатностью своей знаменитой даже в Риме, – обстоятельство, которое в те времена оправдывало любое высокомерие. В период ужасных войн между первым из цезарей и его великими врагами семейство Мессала поддерживало Брута. После Филиппа, не принося в жертву свою честь, они сумели помириться с победителем. И позднее, когда Октавиан боролся за императорский жезл, Мессала поддерживали его. Октавиан, став императором Августом, запомнил эту поддержку и пролил на семейство целый дождь милостей. Кроме всего прочего, когда Иудея была низведена до уровня провинции, он направил в Иерусалим сына своего давнего сторонника, возложив на него сбор и распределение налогов, собираемых в этом регионе; в таком качестве тот и пребывал здесь, деля дворец с верховным жрецом. Юноша, только что представший перед нами, был его сыном, который должен был служить постоянным напоминанием всем окружающим об отношениях, связывавших его прадеда и великих римлян нынешних дней.

Собеседник Мессалы был более хрупкого сложения, облачен в одежды из тонкой белой холстины традиционного в Иерусалиме покроя; голову его покрывала накидка, удерживавшаяся желтым шнурком. Она закрывала лоб до середины, а сзади ниспадала на спину, закрывая шею. Наблюдатель, опытный в наблюдении расовых различий и обративший большее внимание на черты его лица, довольно быстро пришел бы к заключению об его иудейском происхождении. Лоб римлянина был высоким и вытянутым в высоту, нос прямым с небольшой горбинкой, губы тонкими и плотно сжатыми, близко посаженные глаза холодно поблескивали из-под густых бровей. Напротив, лицо израильтянина было широким, с невысоким лбом; длинный нос заканчивался слегка вывернутыми ноздрями; верхняя губа несколько нависала над нижней, более короткой и прихотливо изогнутой наподобие лука Купидона, что вместе с круглым подбородком, большими круглыми глазами и овальными щеками, отливавшими розово-винным цветом, придавало его лицу мягкость, энергию и красоту, свойственную его расе. Привлекательность римлянина заключалась в его суровости и чистоте, иудея же – в его чувственности и мягкости.

– Разве ты не слышал, что новый прокуратор должен прибыть уже завтра?

Вопрос этот исходил от более юного из друзей и прозвучал на греческом языке, который в те времена преобладал в кругах утонченных обитателей Иудеи, проникнув из дворца в военные лагеря и колледжи, а оттуда – никто не знал когда и как – даже в сам Храм, причем не только в его хозяйственные приделы, но даже в святая святых Храма, недоступные для иудея.

– Да, именно завтра, – ответил Мессала.

– Кто тебе об этом сказал?

– Я слышал, как Ишмаэль, новый правитель во дворце – вы зовете его верховным жрецом, – говорил об этом моему отцу вчера вечером. Такие же известия, которым, заверяю тебя, можно верить куда больше, пришли и от моего знакомого египтянина, человека расы, давно забывшей, что есть правда, и даже от идумеянина, чей народ никогда и не знал, что такое правда. Но, чтобы удостовериться в этом, я перемолвился с центурионом, который заходил нынешним утром к нам из башни, – он рассказал мне, что там всюю готовятся к встрече: оружейники чистят орлов, щиты и шлемы, долгое время стоявшие пустыми апартаменты убирают и проветривают, словно собираются размещать там дополнительные войска, скорее всего – телохранителей нового прокуратора.

Трудно передать то изящество, с которым был высказан ответ – все его тонкости невозможно изложить пером. На помощь читателю должно прийти его воображение; а для этого необходимо напомнить, что благоговение как качество римского образа мысли быстро сходило на нет, или, скорее, становилось немодным. Старая религия почти уже не существовала как вера; в большинстве случаев она оставалась в качестве привычки или обрядов, пестуемых лишь ее жрецами, которые находили службу в Храме делом выгодным, да поэтами, которые, в отличие от их стихов, не могли обходиться без привычных божеств. Как философия приходила на смену религии, так и сатира заменяла благоговение; тем более что по представлению римлян в ней и заключалась соль даже самого малого диалога, самой краткой диатрибы. Юный Мессала, получивший образование в Риме и позже вернувшийся в Иерусалим, был в полной мере привержен этому обычаю; едва заметное подергивание уголка нижнего века, легкое трепыхание ноздрей, вялая манера произносить слова – все это как нельзя лучше выражало идею общего безразличия. Тому же служили и намеренные паузы в определенных местах. В произнесенной тираде такая пауза была сделана после упоминания о египтянине и идумеянине. Краска на щеках юноши-иудея стала темнее, но он, скорее всего, не слышал последних слов своего друга, поскольку ничего не сказал, глядя с отсутствующим выражением лица в глубину бассейна.

– Мы с тобой попрощались в этом же саду. «Да будет мир тебе!» – были твои последние слова. «Да хранят тебя боги!» – ответил я. Ты помнишь? Сколько же лет прошло с тех пор?

– Пять, – ответил иудей, по-прежнему глядя в воду.

– Что ж, у тебя есть причина быть благодарным... но кому же? Богам? Не стоит. Ты вырос красавцем; грек бы назвал тебя прекрасным – счастливый итог этих лет! Если Юпитер довольствовался одним-единственным Ганимедом, каким кравчим ты бы смог стать у императора! Скажи же мне, мой иудей, почему прибытие прокуратора столь занимает тебя?

Иудей поднял взгляд своих больших глаз на спрашивающего; серьезно и задумчиво взглянул прямо ему в глаза и ответил, не отводя взгляда:

– Да, пять лет. Я помню наше расставание; ты отправился в Рим; а я смотрел тебе вслед и плакал, потому что я любил тебя. Годы прошли, и ты вернулся ко мне во всем своем великолепии и пышности – я не смеюсь; но все же... все же... я хотел бы видеть того Мессалу, которым ты был тогда.

Изящно вырезанные ноздри насмешника раздулись, и, все так же растягивая слова, он произнес:

– Нет, нет, не Ганимед – скорее ты оракул, мой иудей. Тебе лишь надо немного поучиться у моего преподавателя риторики, и можно будет выступать на Форуме – я дам тебе рекомендательное письмо к нему, если у тебя хватит ума принять то предложение, которое я для тебя припас. Немного практики в искусстве мистики, и Дельфы примут тебя, как самого Аполлона. При звуках твоего мрачного голоса пифия падет пред тобою ниц, протягивая тебе корону. Нет, серьезно, мой друг, чем же я отличаюсь от того Мессалы, который уезжал в Рим? Мне как-то довелось слышать крупнейшего логика в мире. Он говорил об искусстве спора. И одно его высказывание запомнилось мне – «Пойми своего соперника в споре, прежде чем отвечать ему». Позволь же мне понять тебя.

Юноша покраснел под направленным на него циничным взглядом, но тем не менее твердо произнес:

– Ты смог использовать все открывшиеся перед тобой возможности; ты усвоил знания и манеры своих учителей. Ты говоришь с легкостью мастера; но каждое твое слово жалит. Когда мой Мессала уезжал в Рим, у него не было яда в душе; и ни за что на свете он не позволил бы уязвить чувства друга.

Римлянин улыбнулся, словно услышал сделанный ему комплимент, и еще выше вскинул свою патрицианскую голову.

– О мой мрачный иудей, мы с тобой все же не в Дельфах. Перестань быть оракулом и говори прямо. Чем же я уязвил твои чувства?

Его собеседник протяжно вздохнул и ответил, подергивая себя за пояс на талии:

– За эти пять лет я тоже кое-чему научился. Энлиль, возможно, и не ровня твоему логике, витийства которого на Форуме тебе довелось слышать; да и Симеон и Шаммай, без сомнения, не дотягивают до твоего учителя красноречия. Но они в своих поисках не следуют запретными тропами; те же, кто сидит у их ног, просто обогащаются знаниями Бога, Закона и Израиля, а в результате проникаются любовью и уважением ко всему, что имеет отношение к ним. Присутствие в Верховной Коллегии и изучение тех вещей, о которых я там узнал, привело меня к выводу, что Иудея совсем не то, чем она должна была бы быть. Я понял, какая пропасть лежит между независимым царством и незначительной провинцией, которой стала теперь Иудея. Я пал куда ниже презренного самаритянина, когда не возмущался деградацией моей страны. Ишмаэль не законный верховный жрец; да он и не сможет стать им, пока жив благородный Анна; к тому же он, помимо этого, еще и левит, один из тех посвященных, которые тысячи лет верой и правдой служили Господу Богу нашему...

Мессала прервал его слова, разразившись язвительным смехом.

– О, теперь я понял тебя. Ишмаэль, утверждаешь ты, просто узурпатор, но тем не менее верится в то, что скорее идумеянин ужалит, как гадюка, чем Ишмаэль. Клянусь вечно пьяным сыном Семелы, вот что значит быть иудеем! Меняются все и вся, даже небеса и земля, но иудей – никогда. Для него не существует движения ни назад, ни вперед; он остается таким же,

какими были его предшественники на заре времен. Вот на этом песке я рисую тебе круг – вот тут. А теперь скажи мне, разве это не самое лучшее олицетворение жизни иудея? Все идет по кругу, Авраам здесь, Исаак и Иаков вон там, Господь посередине. Но этот круг еще слишком просторен. Я нарисую его по новой...

Он помедлил, упер большой палец в песок и обвел вокруг него указательным.

– Смотри, вот эта точка от большого пальца есть Храм, линия от указательного пальца – Иудея. Неужели вне этого ничтожно малого пространства нет ничего ценного? Искусство! Ирод был строителем, именно поэтому он и был проклят в веках. Живопись, скульптура! Даже смотреть на них – это грех. Поэзия служит только вашим алтарям. Кто из вас блещет красноречием, кроме как в синагогах? На войне вы на седьмой день теряете все то, что завоевали в первые шесть. Такова ваша жизнь и ваши границы; кто запретит мне смеяться над вами? Довольствующийся почитанием такого народа, что стоит ваш Господь против нашего римского Юпитера, который даровал нам своих орлов, чтобы мы могли охватить нашими руками всю вселенную? Энлиль, Симеон, Шаммай, Абталион – кто они такие по сравнению с нашими учителями, которые учат: надо познавать все, что только может быть познано?

Иудей вскочил на ноги, лицо его пылало.

– Нет-нет, сядь на место, мой иудей, сядь на место, – воскликнул Мессала.

– Ты дразнишь меня.

– Послушай меня еще немного. Совсем скоро, – римлянин насмешливо улыбнулся, – совсем уже скоро Юпитер и вся его семья придут ко мне, как это у них заведено, и положат конец серьезному разговору. Я ценю твое доброе отношение, ты ведь вышел из старого дома твоих отцов, чтобы приветствовать меня с возвращением и возродить ту любовь, которую мы питали друг к другу в детстве, – если это нам удастся. «Ступай, – сказал мой учитель, – и, чтобы жизнь твоя стала великой, помни – ею правит Марс, Эрос же ловит его взгляд». Этим он хотел сказать, что любовь ничто, война же – все. Так заведено в Риме. Женитьба есть лишь первый шаг к разводу. Добродетель – талисман торговцев. Клеопатра, умирая, оплакивала свои искусства и была отомщена – у нее есть наследница в каждом римском доме. Мир идет тем же самым путем; поэтому во имя нашего будущего – долой Эроса, и да здравствует Марс! Я должен стать солдатом; а ты, о мой иудей, мне жаль тебя; кем же станешь ты?

Иудей придвинулся ближе к бассейну; тягучая медлительность речи Мессалы стала еще заметнее.

– Да, я жалею тебя, мой утонченный иудей. Из церковной школы ты попал сразу в синагогу; потом в Храм; затем – о, венец славы – тебя ждет место в Синедрионе. Что ж, да помогут тебе боги, но ты ничего не увидишь в жизни. Я же...

Иудей бросил взгляд на своего собеседника как раз в тот момент, когда лицо того было исполнено гордости, и услышал продолжение его речи:

– Я же... ах, не весь мир еще завоеван. Никто не бывал в глубине покоренных стран. На севере есть народы, которые еще не видели римского орла. Честь и слава завершить поход Александра на Дальний Восток еще ждет кого-то. Только подумай, сколько возможностей лежит перед римлянином!

В следующую секунду он снова заговорил в своей прежней манере, растягивая слова.

– Военная кампания в Африке; еще одна – против скифов; а потом – и легион. Большинство карьер на этом и кончаются, но только не моя. Я – клянусь Юпитером! – оставлю свой легион только ради поста префекта. Подумай, какова жизнь в Риме, если иметь деньги, – вино, женщины, сражения на аренах, поэты на пирах, придворные интриги, игра по-крупному круглый год. Такого круговращения жизни вполне можно добиться – заполучить бы только себе префектуру пожирнее! О мой иудей – хотя бы здесь, в Сирии! Иудея богата; Антиохия – столица всех богов. Я буду преемником Кирения – и ты разделишь мой успех!

Ученые софисты и риторы, которые толпами наводняли Рим и практически монополизировали обучение его золотой молодежи, вполне одобрили бы эти рассуждения Мессалы, поскольку таков был обычный ход мыслей; для молодого же иудея эти мысли были внове, к тому же они полностью шли вразрез с принятым в здешнем обществе торжественным стилем рассуждений и дискуссий, к которому он привык. Кроме того, он принадлежал к породе людей, законы, поведение и привычки которых исключали иронию и юмор; поэтому, вполне естественно, он слушал своего друга со смешанными чувствами – то негодуя, то удивляясь, поскольку не понимал, как надо воспринимать его слова. Тон изысканного маньеризма был для него в высшей степени неприятен, очень скоро начал раздражать, а под конец стал едва выносим. Любой из нас на месте иудея пришел бы от этого в ярость, и наш насмешник умудрился сделать это без всяких усилий. К тому же для иудея периода правления Ирода патриотизм всегда жил в глубине души в виде дикой страсти, обычно скрываемой под обычным благодушием; но все, что затрагивало его историю, религию и Господа, мгновенно выпускало эту страсть на волю. Поэтому нет смысла доказывать, что слушать Мессалу было для его собеседника утонченной пыткой; когда же тот на секунду замолчал, иудей произнес с вымученной улыбкой на лице:

– Мне приходилось слышать, что есть небольшое число людей, которые позволяют себе несерьезно относиться к своему будущему; ты убедил меня, о мой Мессала, что я тоже в их числе.

Римлянин внимательно поглядел на него; затем ответил: – Почему ты не допускаешь, что в иронии может содержаться истина в виде иносказания? Великая Фульвия как-то однажды удила рыбу, так она поймала куда больше, чем все бывшие вместе с ней. Поговаривали, потому, что крючок на ее удочке был покрыт золотом.

– Так ты иронизировал не просто так?

– Мой иудей, я вижу, что предложил тебе недостаточно, – быстро ответил римлянин, сверкнув глазами. – Когда я стану префектом, а Иудея обогатит меня, то сделаю тебя первосвященником.

Иудей в гневе отвернулся.

– Не оставляй меня, – попросил Мессала.

Его собеседник явно колебался.

– О боги, как палит солнце, – воскликнул патриций, видя его растерянность. – Давай пересядем в тень.

Иудей холодно произнес в ответ на это:

– Нам лучше разойтись. Мне не стоило приходить сюда. Я искал друга, а нашел...

– Римлянина, – поспешил закончить за него Мессала.

Пальцы иудея сжались, но он снова пересилил себя и поднялся со скамьи. Мессала тоже встал и, взяв со скамьи лежавшую на ней накидку, набросил себе на плечи и направился вслед за иудеем. Поравнявшись с ним, он положил руку ему на плечо и зашагал в ногу.

– Точно так же – вот как сейчас – я клал руку тебе на плечо, когда мы разговаривали в детстве. Давай дойдем так хотя бы до ворот.

Несомненно, Мессала пытался быть серьезным и любезным, но так и не смог до конца избавиться от привычной иронии, уже ставшей его второй натурой. Иудей позволил ему эту фамильярность.

– Ты еще юноша, я уже мужчина; так что позволь мне и говорить соответственно.

Самодовольство римлянина было совершенным. Ментор, дающий наставления молодому Телемаху, не мог бы вести себя более естественно.

– Ты веришь в парок? Ах, я же забыл, ты ведь саддукей, а в сестер верят ваши ессеи, они самый чувствительный народ у вас. Верю и я. Сколь утомительно ощущать присутствие этих сестриц, когда мы занимаемся, чем хотим! Вот я повелеваю судьбами народов. И в тот

самый момент, когда я уже держу мир в своих руках, я слышу у себя за спиной шелканье ножиц. Я оборачиваюсь – там стоит она, эта проклятая Атропо! Но почему ты разъярился, мой иудей, когда я сказал, что хочу стать преемником старого Кирения? Ты подумал, что я хочу обогатиться, разоряя и опустошая Иудею? Пусть так; но ведь так поступит любой римлянин. Почему бы и мне не делать этого?

Иудей замедлил шаг.

– Были и другие пришлые, которые правили Иудеей до римлян, – произнес он, взмахнув рукой. – Но где они теперь, Мессала? Она пережила их всех. То, что было раньше, повторится и теперь.

Мессала вернулся к своему насмешливому тону.

– Не только ессеи верят в парок. Добро пожаловать в нашу веру, иудей!

– Нет, Мессала, не считай меня в их числе. Моя вера покоится на скале, которую положили в ее основание наши праотцы во времена Авраама; на заветах Господа Бога Израиля.

– Слишком много страсти, мой иудей. Как был бы шокирован мой учитель, если бы я стал с таким жаром что-то доказывать ему! У меня было еще много что сказать тебе, но теперь я даже боюсь делать это.

Пройдя еще несколько метров, римлянин заговорил снова.

– Думаю, теперь ты меня выслушаешь, поскольку то, что я хочу сказать, касается тебя лично. Я помогу тебе, о подобие Ганимеда, я хочу помочь тебе по своей доброй воле. Я люблю тебя – всеми своими силами. Я собираюсь стать воином. Почему бы и тебе не поступить так же? Почему бы тебе не выступить из пределов того круга, который, как я показал, заключает в себе всю ту возвышенную жизнь, которую допускают ваши законы и обычаи?

Иудей ничего не ответил на это.

– Кого можно считать мудрецом наших дней? – продолжал Мессала. – Только не тех, кто проводит свою жизнь в бесплодных спорах о давно почивших вещах; обо всех этих Ваалах, Юпитерах и Иеговах; в философских и религиозных диспутах. Назови мне хоть одно великое имя, о иудей; не имеет значения, в какой стране ты его найдешь – в Риме, Египте, на Востоке или здесь, в Иерусалиме, – и, клянусь Плутоном, это обязательно будет имя человека, который построил свою судьбу из материала современности. Разве не таким человеком был Ирод? Или Маккавей? А наши первый и второй цезари? Уподобься им. Начни прямо сейчас.

Иудея была гневная дрожь; и, поскольку ворота были уже близко, он ускорил шаг, явно желая поскорее расстаться со своим спутником.

– О, Рим, Рим! – пробормотал он про себя.

– Будь разумен, – продолжал Мессала. – Отринь глупости Моисея и традиций; взгляни на положение вещей реально. Наберись смелости взглянуть паркам прямо в лицо, и они подтвердят тебе, что Рим и есть мир. Спроси их об Иудее, и они ответят тебе: она то, чем ее пожелает сделать Рим.

Они были уже у ворот. Иудей остановился, мягко снял руку римлянина со своего плеча и повернулся лицом к Мессале. На его ресницах блестели слезы.

– Я понял тебя, потому что ты римлянин; но тебе не понять меня – я израильтянин. Ты причинил мне сегодня боль, убеждая меня, что мы не сможем быть друзьями, как были когда-то, – не сможем никогда. Здесь наши дороги расходятся. Да пребудет с тобой Бог наших отцов!

Мессала протянул ему руку; иудей пожал ее и вышел из дворцовых ворот. Когда он исчез из виду, римлянин некоторое время оставался недвижим; затем, в свою очередь, вышел из ворот, качая головой и бормоча про себя:

– Да будет так. Эрос мертв, торжествует Марс!

Глава III

ДОМ ИУДЕЯ

Сразу от входа в Святой Город у того места, которое известно ныне как ворота Святого Стефана, начинается улица, ведущая на запад, вдоль северного фасада Антониевой башни. Направляясь было к Тиропеонской долине, которая расположена немного южнее, улица поворачивает и снова уходит на запад, где вскоре после ворот, которые по традиции называются Судными, резко поворачивает на юг и обрывается. Опытный путешественник или историк, знакомый с топографией Святого Города, сразу же узнает в этом описании его главную артерию – часть Виа Долороса, которая для каждого христианина, пусть и печальным образом, притягательнее любой другой улицы в целом мире. Исходя из предмета наших интересов, мы не будем уделять внимание всей улице, а отметим для себя только дом, стоящий как раз на углу, после которого улица уходит на юг. Дом этот, играющий важную роль в нашем повествовании, заслуживает более подробного описания.

Стены выходят на север и запад, каждая стена длиной футов четыреста. Дом, подобно большинству претенциозных зданий Востока, имеет два этажа в высоту и форму правильного квадрата в плане. Проходящая вдоль его западного фасада улица шириной около двенадцати футов, а та, что проходит с севера, – не более десяти; человек, идущий близко к стенам и обративший на них внимание, будет поражен грубой, необработанной и ничем не украшенной их поверхностью: стены сложены из каменных блоков – таких, какими их добыли в каменоломне. Современник назвал бы этот дом построенным в «крепостном» стиле, единство которого нарушали разве что окна, несколько необычно украшенные, да витиеватая резьба на входных дверях. На западном фасаде четыре окна, на северном же только два, все в одну линию на уровне второго этажа, нависая над оживленной улицей. Входы в здание представляют собой просто отверстия в стенах, видимые снаружи на уровне первого этажа; укреплены они железными засовами такой мощи, что невольно приходит на ум – а не ждут ли хозяева дома осады с применением таранов? Дополнительной защитой служат также карнизы из мрамора довольно изящной работы и изрядной толщины, одним своим видом говорящие, что состоятельные люди, обитающие в этом здании, являются саддукеями по политическим пристрастиям и религиозным верованиям.

Вскоре после того, как юный иудей расстался с римлянином у ворот дворца, он остановился у западного входа в описанный нами дом и постучал в ворота. В них открылась небольшая калитка, и юноша поспешил войти в нее, не ответив на почтительный поклон привратника.

Чтобы получить исчерпывающее представление как о внутреннем устройстве здания, так и о том, что еще случится с юношей, войдем в дом вслед за ним.

Проход, по которому тот направился внутрь здания, напоминал узкий туннель, обшитый деревянными панелями, с осклизлым сводчатым потолком. По обеим его сторонам тянулись скамьи, за многие годы покрывшиеся пятнами и вытертые до блеска. Сделав двенадцать – пятнадцать шагов, юноша оказался во внутреннем дворе прямоугольной формы, со всех сторон, кроме восточной, окруженном строениями двухэтажного дома; первый этаж был разбит на отсеки, верхний – устроен в виде террасы и обнесен балюстрадой. Вдоль террасы сновали туда и сюда слуги; откуда-то доносился скрежет жерновов; на веревках, протянутых из угла в угол, болталась сохнувшая одежда; по двору свободно бродили цыплята и голуби, в отсеках первого этажа содержались козы, коровы, ослы и лошади; массивное корыто с водой, явно поставленное здесь для общего пользования, наглядно свидетельствовало о том, что этот двор является главной хозяйственной заботой владельца дома. В восточной части двора видна была разделительная стена, сквозь которую вел другой проход, во всех деталях напоминающий первый.

Миновав второй проход, молодой человек очутился во втором, более просторном, дворе квадратной формы, чистом и свежем, посаженном кустарником и увитом виноградом, которые орошались из бассейна, сооруженного рядом с крытой галереей, тянущейся вдоль северной стены. Отсеки первого этажа здесь были высокими, просторными и затенены от солнца полосатыми навесами из материи в белую и красную полосу. Арочные перекрытия отсеков покоились на собранных в пучки колоннах. Пролет лестницы на южной стороне двора открывал доступ к террасам второго этажа, над которыми простирался еще больший навес для защиты от солнечных лучей. Пролет другой лестницы вел с террас на крышу, по краю которой, огибая весь двор, тянулся украшенный скульптурами карниз и парапет из ярко-красных шестигранных плит из обожженной на огне глины. В этом жилище все демонстрировало тщательную аккуратность, которая, не оставляя без внимания не то что пыль в углах, но даже увядший листок на кустарнике, вместе со всем остальным обликом дома призвана была производить впечатление на каждого гостя: вдыхая чистый и сладкий воздух, тот, еще до представления хозяевам, сразу ощущал утонченность и изысканность семьи, в которую был приглашен.

Сделав несколько шагов в глубь второго двора, юноша повернул направо и, выбрав путь сквозь кустарники, часть из которых стояла в цвету, прошел к лестнице и поднялся по ней на террасу – широкий деревянный настил, устланный белыми и коричневыми половиками. Пройдя под тентом к входной двери, ведущей в северную часть дома, он вошел в апартаменты и, опустив за собой полотняный полог, оказался в темноте. Не обращая на нее никакого внимания, юноша прошел по выложенному плиткой полу к дивану и бросился на него ничком, лицом вниз, положив голову на скрещенные руки.

Уже под вечер к двери подошла женщина и позвала его; он ответил, и она вошла в комнату.

– Ужин закончился, на дворе уже вечер. Мой сын не голоден? – спросила она.

– Нет, – кратко ответил он.

– Ты не болен?

– Я сплю.

– Твоя мать спрашивала о тебе.

– Где она?

– В летнем домике на крыше.

Юноша поднялся с дивана и сел.

– Очень хорошо. Принеси мне чего-нибудь поесть.

– Что тебе угодно?

– Все равно, Амра. Я не болен, просто нет настроения. Жизнь не кажется такой приятной, какой она была еще этим утром. Это просто хандра, о моя Амра, и ты, так хорошо знающая меня, обязательно принесешь что-нибудь такое, что поможет мне излечиться.

Вопросы, заданные Амрой, и тон, каким они были произнесены – негромко, сочувственно и заботливо, – свидетельствовали о нежной любви между этими двумя людьми. Женщина положила ладонь на лоб юноши; потом удовлетворенно кивнула и вышла со словами: «Я что-нибудь найду».

Несколько минут спустя она вернулась, неся на деревянном подносе чашу молока, несколько лепешек из пшеничной муки, пшеничную халву, отварную курицу, мед и соль. Кроме этого, на подносе были серебряный кубок с вином и зажженный бронзовый светильник.

В его свете комната преобразилась: стены ее оказались покрыты нежных тонов штукатуркой; мощные дубовые стропила поддерживали потемневший от времени потолок; пол был вымощен белой с голубым плиткой, прочной и долговечной; стояло несколько стульев с резными ножками в виде львиных лап, приподнятая над полом тахта, обитая голубой материей и частично закрытая полосатым шерстяным покрывалом, – словом, обычная еврейская спальня.

В свете лампы стало возможным рассмотреть и женщину. Придвинув к тахте стул, она поставила на него поднос, а потом опустилась рядом с юношей на колени, готовая к услугам. Ее лицо – лицо женщины лет пятидесяти с темной кожей и темно-кариими глазами – в этот момент отражало почти материнскую заботу о своем питомце. Голова ее была покрыта белым тюрбаном, оставлявшим открытыми лишь мочки ушей, в которых темнели проколы, сделанные толстым шилом, – знак ее положения в доме. Она была рабыней египетского происхождения, не ставшая свободной даже после освященного обычаем своего пятидесятого года жизни – она не приняла этой свободы, поскольку выращенный ею юноша стал всей ее жизнью. Она нянчила его в детстве; ухаживала за ним в годы отрочества и не могла оторваться от него даже сейчас. Для нее он по-прежнему оставался ребенком.

Занявшись едой, он только раз заговорил с ней. – Ты помнишь, о моя Амра, – произнес он, – того Мессалу, который бывал здесь у меня в былые годы?

– Я помню его.

– Несколько лет тому назад он отправился в Рим, а вот теперь вернулся.

Юношу передернуло от отвращения.

– Как я понимаю, что-то произошло, – сказала женщина, явно заинтересованная разговором. – Мне никогда не нравился Мессала. Расскажи мне все.

Но юноша погрузился в раздумья и на повторную просьбу женщины произнес только одну фразу:

– Он очень изменился, и я не хочу иметь с ним никаких дел.

Когда Амра встала, чтобы унести поднос, он тоже встал и поднялся с террасы на плоскую крышу дома.

Полагаем, наш читатель немного знаком с обычаем использования плоских крыш домов на Востоке. Как и повсюду, в основе этого обычая лежит местный климат. Летний день в Сирии загоняет человека, ищущего комфорта, в затемненные помещения; ночь, напротив, уже ранним вечером зовет его наружу, и сумерки, опускающиеся на склоны холмов, кажутся покрывалом, укутывающим певцов Цирцеи; но они довольно далеко, в то время как крыша дома гораздо ближе, так что достаточно подняться, чтобы вдохнуть прохладу ночного воздуха и оказаться в свете низких звезд. Крыша, таким образом, становится местом отдохновения – игровой площадкой, спальней, женским будуаром, местом, где собирается вся семья, музыкальным салоном, танцзалом, местом беседы, медитации и молитвы.

Те же соображения, что в холодном климате побуждают за любую цену украшать внутренность помещений, здесь, на Востоке, требуют богатой отделки крыш. Парапет, возведенный по заказу Моисея, стал шедевром гончарного искусства; в еще более поздние времена цари и властители увенчивали крыши своих дворцов летними домиками из мрамора и золота. Верхом экстравагантности, непревзойденным шедевром и одним из чудес света стали висячие сады, созданные вавилонянами для своей царицы.

Юноша, за которым мы следуем, медленно прошел по крыше своего дома и приблизился к башенке, возвышающейся на северо-западном углу здания. Будь он пришлецом в этих местах, он наверняка задержал бы свой взор на ней, отметив для себя то, что позволяла различить темнота, – темная масса, низкая, решетчатая, со сводом, опирающимся на столбики. А так – он вошел в дверь, миновав наполовину поднятую завесу. Внутри было темно, лишь в арочные проемы виднелось небо, усыпанное крупными звездами. На фоне одного из этих проемов он увидел фигуру полулежащей на подушках софы женщины, смутно различимую даже под белым покрывалом. При звуках его шагов по полу веер в ее руке прекратил движение и сверкнул светом звезды, преломленным одним из драгоценных камней, которыми он был усыпан. Женщина села на софе и позвала юношу:

– Иуда, сын мой!

– Это я, мама, – отозвался тот, приближаясь к софе.

Подойдя к ней, он опустился на колени. Женщина обеими руками обхватила его за плечи, поцеловала в лоб и прижала голову юноши к своей груди.

Глава IV

СТРАННЫЕ ВЕЩИ, О КОТОРЫХ ХОТЕЛ УЗНАТЬ БЕН-ГУР

Мать снова откинулась на подушки в изголовье софы, а сын присел рядом с ней, положив голову ей на колени. Глядя в проемы, они могли видеть крыши близлежащих домов, черно-голубую полоску там, где, как они знали, высились горы, и небо, в черноте которого бриллиантами горели звезды. В городе царило спокойствие ночи, нарушаемой лишь посвистыванием ветра.

– Амра сказала мне, что с тобой что-то произошло, – сказала мать, погладив рукой сына по щеке. – Когда мой Иуда был ребенком, я хранила его от всех волнений, но теперь он уже мужчина. Он не должен забывать, – голос ее стал очень нежным, – что однажды он станет моим кумиром.

Она произнесла эти слова на языке, почти забытом в стране, который лишь немногие – обладатели древней крови и немалых состояний – хранили в его первозданной чистоте, чтобы тем отличаться от пришлецов; на языке, которым Ребекка и Рахиль пели колыбельные песни Вениамину.

При этих словах юноша снова погрузился было в мучавшие его мысли; но мгновение спустя, однако, поймал руку матери, ласкавшую его, и произнес:

– О моя мать, сегодня мне пришлось задуматься о многих вещах, которые никогда раньше не занимали мои мысли. Но прежде всего скажи, кем мне предстоит стать?

– Разве я не сказала тебе? Ты станешь моим кумиром.

Хотя он не мог видеть ее лица, но знал, что она шутит. Он произнес более серьезно:

– Ты очень добра ко мне, о мама. Никто никогда не будет любить меня так, как ты. – Он покрыв поцелуями ее руку. – Думается мне, я понимаю, почему ты устраняла все проблемы на моем пути, – продолжал он. – Таким образом вся моя жизнь принадлежала только тебе. Но как же нежно и мягко ты опекала меня! Однако я хочу, чтобы этому пришел конец. Так дальше продолжаться не может. По воле Господа нашего я должен когда-то стать хозяином своей жизни – отделиться от тебя. Я знаю, день этот станет для тебя ужасным днем. Так будем же отважны и разумны. Я буду твоим кумиром, но ты должна указать мне путь. Ты знаешь закон – каждый сын Израиля должен иметь какое-нибудь занятие. Я не исключение, и вот теперь я спрашиваю тебя – должен ли я пасти стада? или пахать землю? плотничать? стать писцом или законником? Кем мне быть? Моя дорогая добрая мама, помоги мне найти ответ.

– Гамалиэль как раз сегодня читал проповедь, – тщательно подбирая слова, сказала она.

– Если так, то я не слышал его.

– Если так, то, значит, тогда ты гулял с Симеоном, который, как мне говорили, унаследовал гений своего отца.

– Нет, я его не видел. Я был на Рыночной площади, а не в Храме, встречался с молодым Мессалой.

Едва уловимая перемена в тоне его голоса не прошла мимо внимания женщины. Предчувствие заставило ее сердце забиться чаще; веер снова остановил свое движение.

– Мессала! – произнесла она. – И что же он мог сказать такого, что так расстроило тебя?

– Он очень изменился.

– Ты хочешь сказать, что назад он вернулся совершенным римлянином.

– Да.

– Римлянин! – снова повторила она, как бы про себя. – Во всем мире под этим понимается владыка. И как долго он был в отъезде?

– Пять лет.

Она приподняла голову и всмотрелась в ночную тьму.

– Воздух на Виа Сакра ничуть не отличается от воздуха египетских или вавилонских улиц; но в Иерусалиме – нашем Иерусалиме – пребывает Завет.

И, уйдя в свои думы, она снова откинулась на подушки ложа. Сын первым нарушил наступившее молчание:

– То, что говорил Мессала, о мама, само по себе было достаточно резко; а если вспомнить еще и то, как он говорил, – то и вообще невыносимо.

– Думаю, я понимаю тебя. Рим, его поэты, ораторы, сенаторы, придворные буквально помешаны на том, что они называют сатирой.

– Я полагал, что все великие люди горделивы, – продолжал он, едва обратив внимание на ее замечание, – но гордыня этих людей затмевает все; в последнее же время она так раздулась, что посягает даже на самих богов.

– Даже на богов! – воскликнула мать. – Многие римляне относятся к богослужению как к своему божественному праву.

– Что ж, в Мессале всегда был силен дух противоречия. Еще когда он был ребенком, я видел, как он дразнит чужестранцев, которых с почетом принимал и сам Ирод; но все же он никогда не касался Иудеи. Сегодня в первый раз в разговоре со мной он позволил себе смеяться над нашими обычаями и Богом. А теперь, дорогая мама, я хочу понять, есть ли у римлян какое-нибудь основание для такого презрения. В чем я ниже его? В чем наш порядок жизни хуже? Почему я должен чувствовать на себе рабские путы? И особенно объясни мне, почему, если у меня есть душа и свобода выбора, почему я не могу искать себе славу и почет на всех поприщах? Почему я не могу взять в руку меч и отдаться страсти войны? Почему я не могу, став поэтом, слагать песни обо всех вещах на свете? Мне можно стать кузнецом, погонщиком стад, купцом, но почему не художником, как любому из греков? Скажи же мне, о мама, – и в этом весь мой основной вопрос, – почему сын Израиля не может делать то, что может римлянин?

Читатель, безусловно, поймет, что все эти вопросы возникли у молодого человека после разговора на Рыночной площади; его мать, вслушиваясь в слова сына со всей чуткостью материнского сердца, по тем признакам, которые ускользнули бы от внимания менее пристрастного собеседника, – по направленности вопросов, по горячности расспросов и тону – пришла к тому же выводу. Она приподнялась на ложе и в тон сыну быстро и резко произнесла:

– Понимаю, понимаю! По кругу своего общения Мессала в юности был почти что иудеем; останься он здесь, он мог бы стать прозелитом, поскольку все мы много перенимаем от окружающих; но годы, проведенные в Риме, чересчур сильно повлияли на него. Я ничуть не удивляюсь таким переменам в нем; но все же, – голос ее стал тише, – он все же мог бы вести себя сдержаннее, по крайней мере ради тебя. Только такой жесткий, даже жестокий человек, как он, может забыть все то, чем он жил в юности.

Ее рука осторожно легла на лоб сына, пальцы погрузились в его выющиеся волосы и принялись ласково их перебирать. Глаза женщины, не отрываясь, смотрели на высоко стоящую в небе звезду. Ее собственная гордость откликнулась в нем. Она могла бы ответить ему; но больше всего боялась недостаточности своего ответа – если она даст ему почувствовать свою второсортность, это может ослабить в нем любовь к жизни. Она опасалась не найти достаточной энергии в себе самой.

– Что же до твоих вопросов, о мой Иуда, они не для слабой женщины. Позволь мне отложить их до завтра, и я при мудром Симеоне...

– Только не посылай меня к ректору, – резко прервал ее сын.

– Я попрошу его прийти к нам.

– Нет, я хочу не просто знать, а понять; даже если он может дать мне знание и лучше тебя, о мама, ты можешь дать мне то, на что он не способен. Я должен проанализировать все, ибо анализ и есть суть душа мужчины.

Она на долю секунды подняла взор к небесам, пытаясь представить все возможные повороты их разговора.

– Требуя справедливости в отношении самих себя, неразумно быть несправедливым к другим. Отрицать доблесть врага, который завоевал нас, значит преуменьшать нашу силу; а если враг оказался достаточно силен, чтобы держать нас загнанными в угол – а это куда больше, чем просто завоевать, – она заколебалась, но продолжала, – то чувство собственного достоинства обязывает нас найти другое объяснение нашим несчастьям, чем просто приписывать врагу качества несравненно ниже наших собственных.

Произнеся это скорее для самой себя, она начала:

– Мужайся же, о сын мой. Мессала благородного происхождения; его семья знаменита на протяжении многих поколений. В дни республиканского Рима – я даже не могу сообразить, как давно это было, – члены этой семьи снискали славу, кто как воин, кто на гражданской службе. Я могу припомнить не одного консула, который носил это имя; среди них было много сенаторов, их покровительства искали, поскольку они всегда были богаты. Но, даже если сегодня твой друг хвастался своими предками, ты можешь посрамить его, припомнив своих. Если он упоминал о древности своего рода или хвалился его деяниями, положением, богатством – хотя такие доводы не являются свидетельством большого ума, – если он упоминал все это как доказательство своего превосходства, то ты мог предложить ему сравнить его происхождение с твоим.

Подумав с минуту, мать продолжала:

– Одна из идей, которые сейчас витают в воздухе, состоит в том, что в нынешние времена требуется знатность рас и семей. Римляне кичатся своим превосходством по сравнению с сынами Израиля на том основании, что мы всегда проигрываем в поисках доказательств нашей древности. Началом их истории было основание Рима; даже самые лучшие из них не могут проследить свое происхождение далее этого события; и лишь очень немногие пытаются сделать это; да и те не находят ничего лучше, как ссылаться на доводы традиции. Мессала уж точно не может сделать этого. Обратимся же теперь к нам самим. Можем ли мы сделать это лучше?

Если бы в помещении было чуть больше света, юноша смог бы заметить тень гордости, скользнувшую по лицу матери при этих словах.

– Представим себе, что римлянин бросил нам вызов. Я бы ответила ему, не испытывая ни сомнения, ни чванства.

Голос ее дрогнул, пришедшая в голову мысль заставила ее изменить форму своих доводов.

– Твой отец, о мой Иуда, пребывает сейчас в покое вместе со своими праотцами, но я помню, как если бы это случилось нынешним вечером, как мы однажды отправились в Храм, чтобы представить тебя Господу. Мы принесли в жертву голубей, и я назвала жрецу твое имя, которое он и записал в моем присутствии, – «Иуда, сын Итамара, из рода Гура». Имя это было тут же унесено и записано в книгу в разделе записей, отведенном для самых святых семейств.

Я не могу сказать точно, с каких пор пошла традиция регистрации имени подобным образом. Мы знаем, что она существовала еще до исхода нашего племени из Египта. Я слышала, как Энлиль говорил, что начало этому положил сам Авраам, первым записав свое собственное имя, а потом имена своих сыновей, движимый обещанием Господа, который выделил его и их среди всех остальных народов, сделав их высочайшими и благороднейшими, самыми избранными среди всех народов на земле. Завет с Иаковом послужил тому же. «В лице твоего потомства да будут благословенны все народы земли», – было сказано Аврааму. «И ту страну, где вы живете, отдам я тебе и твоему потомству», – сказал сам Господь Иакову, уснувшему в Бетеле по дороге в Харан. После этого мудрецы ожидали день обретения страны Завета; тогда было

положено начало Книге Поколений. Обещание же благословения для всех людей на земле от патриархов дошло до будущих поколений. Было упомянуто одно имя. Благодетелем мог стать даже самый униженный из избранного рода, поскольку для Господа нашего Бога не существует разницы между славным и несчастным, нищим или богачом. Таким образом, с целью сделать свершение этого обещания совершенно явным для тех поколений, кому предстоит узреть его, – и воздать почести тому, кому они должны принадлежать, – и был заведен обычай вести такие записи в строжайшем порядке. Вели ли их должным образом?

Веер в ее руке ходил взад и вперед до тех пор, пока молодой человек, снедаемый нетерпением, не повторил ее вопрос:

– А эти записи абсолютно верны?

– Энлиль сказал, что так оно и есть, а из всех ныне живущих он более кого бы то ни было осведомлен в этом вопросе. Наш народ время от времени мог быть небрежен в отношении какой-либо части наших законов, но только не в этом отношении. Наш знаменитый ректор сам занимался Книгами Поколений в течение трех периодов – от Завета до открытия Храма; затем до Плена Египетского; а после него затем вплоть до наших дней. Лишь однажды ведение этих записей было нарушено, и произошло это как раз в конце второго периода; но, когда наш народ вернулся из долгих скитаний домой, первым делом, исполняя нашу обязанность по отношению к Богу, первосвященник Зеруббабель восстановил ведение этих Книг, дав нам возможность вести родословную еврейского народа на протяжении целых двух тысяч лет. И вот теперь...

Она замолчала, словно давая возможность сыну осознать всю бездну времени, упомянутую ею.

– И вот теперь, – продолжала она, – как выглядят римляне, хвастливо заявляющие, что кровь с годами становится все более драгоценной? По этому признаку сыны Израиля, пасущие стада на холмах Рефаимских, куда благороднее самых благородных отпрысков рода Марсиев.

– А я, мама, – согласно этим Книгам, кто я такой?

– Все, что я сказала до сих пор, сын мой, имеет отношение к твоему вопросу. Я отвечу тебе. Если Мессала был бы здесь, он мог бы сказать, как и говорили другие, что истинная линия твоего происхождения была прервана тогда, когда ассирияне взяли Иерусалим и разрушили Храм. Тогда тебе следовало бы вспомнить про набожность Зеруббабеля и возразить ему на это, что вся достоверность римской генеалогии закончилась тогда, когда варвары с Запада штурмом взяли Рим и шесть месяцев стояли лагерем на развалинах города. Хранило ли их правительство фамильные архивы? И если да, то что стало с ними в те ужасные дни? Нет, нет; истина сохранилась лишь в наших Книгах Поколений; и, прослеживая историю нашего рода вплоть до Плена Египетского, до основания первого Храма, до исхода из Египта, можно с абсолютной уверенностью сказать, что твой род восходит к Гуру, соратнику Иисуса. Полагаю, ты удовлетворен своим происхождением и можешь гордиться им. Хочешь знать его более подробно? Тогда возьми Тору и открой Книгу Чисел. Там в числе семьдесят второго поколения после Адама ты найдешь основателя своего рода.

На несколько минут в комнате наступило молчание.

– Благодарю тебя, о мама, – произнес наконец Иуда, сжимая ее руки в своих ладонях. – Я благодарю тебя от всего сердца. Как же хорошо, что я не слышал призыва нашего доброго ректора; он не смог бы успокоить меня так, как это сделала ты. Но все же – неужели, чтобы сделать род воистину благородным, нужно только время?

– Ах, ты забыл, ты совсем забыл, что наши претензии основываются не только на времени; избранность Богом – вот наша особая гордость.

– Ты сейчас говоришь обо всем нашем народе, а я, мама, имею в виду род – наш род. За годы, прошедшие со дней праотца Авраама, чего он достиг? Что совершил? Какие великие деяния подняли его над другими?

Мать колебалась, думая о том, что все это время она могла говорить не то, что требовалось. Знания, которых добивался ее сын, могли быть ему необходимы для куда более серьезных вещей, чем просто для удовлетворения уязвленного тщеславия. Юность – не более чем раскрашенная раковина, внутри которой живет, постоянно вырастая, дух мужчины, ожидающий момента своего выхода на свет, у одних более раннего, чем у других. Она трепетала при мысли о том, что у ее сына такой момент наступает именно сейчас; что, как новорожденное дитя пытается своими неумелыми руками схватить тени, плача от огорчения, так и его дух может, в своей временной слепоте, сражаться за овладение своим неосязаемым будущим. Тот, к кому подросток приходит, вопрошая: «Кто я есть и кем мне предстоит стать?» – должен уметь ответить на эти вопросы с величайшим тактом, ибо каждое слово ответа будет подобно прикосновению пальцев скульптора к глине, из которой тот ваяет свою модель.

– У меня такое чувство, о мой Иуда, – сказала она, потрепав рукой по щеке сына, – что все сказанные мною слова были ударами в бою с противником более воображаемым, нежели существующим. Если таким противником является Мессала, то не заставляй меня сражаться с ним в темноте. Расскажи мне, что он говорил.

Глава V

РИМ И ИЗРАИЛЬ: СРАВНЕНИЕ

Молодой израильтянин подробно изложил свой разговор с Мессалой, особо подчеркнув явное презрение последнего к евреям, их обычаям и образу жизни.

Какое-то время мать, опасаясь говорить, молча слушала его рассказ, совершенно ошеломленная услышанным. Иуда отправился к дворцу на Рыночной площади, ведомый любовью к своему другу юности, которого он рассчитывал найти совершенно таким же, каким он был при их расставании несколько лет тому назад; но человек, которого он увидел перед собой, вместо того чтобы вспоминать былые приключения и спортивные успехи, был полон планами на будущее и говорил о славе, которую предстоит снискать, о богатстве и власти. Ошеломленный услышанным, юноша покинул своего бывшего друга с уязвленной гордостью, но и с разыгравшимися в его душе природными амбициями; но она, исполненная материнской заботы, поняла это и, не зная, куда может привести ее стремление успокоить сына, стала в своем страхе за него истинной еврейкой. Что, если соблазн мирской славы отвратит его от веры отцов и дедов? Это было бы ужасно. Она видела единственный способ избежать этой опасности и взялась за решение задачи с энергией, усиленной любовью к сыну до такой степени, что речь ее приобрела мужскую силу, а временами – и поэтическую страсть.

– Не существовало еще на земле народа, – начала она, – который бы полагал себя, по крайней мере, равным всем остальным народам. Не было еще такой великой нации, сын мой, которая не считала бы себя выше всех остальных. И когда римляне смотрят сверху вниз на Израиль и смеются над ним, они всего лишь повторяют глупость египтян, ассирийцев и македонян; а так как смех их является собой вызов Богу, то и результат будет соответствующим. – Голос ее окреп. – Нет способа определить превосходство одного народа над другими, поэтому все претензии на превосходство тщетны, а все споры об этом – бесполезны. Народы рождаются, проходят свой путь и умирают либо сами по себе или от рук других народов, которые, унаследовав их могущество, занимают их место на земле, а на памятниках, воздвигнутых своими предшественниками, высекают новые имена; таков, мой сын, ход истории. Если бы мне предложили изобразить символы Бога и человека, я бы начертила прямую линию и круг. Про линию я бы сказала: «Это Бог, потому что он единственный, кто всегда движется прямо вперед», а про круг: «Это человек – таков процесс его развития». Я не хочу сказать, что нет различия в прогрессе народов. Однако это различие, как утверждают некоторые, не в размере того круга, который они очертили вокруг себя, не в величине того пространства, которое они занимают на лоне земли, но в том, что высочайшие из них находятся ближе других к Господу.

Остановиться на этом месте наших рассуждений, сын мой, значило бы оставить предмет нашего обсуждения там, где мы его начали. Пойдем же дальше. Существуют знаки, которые позволяют измерить высоту круга, который прошел каждый народ в ходе своего развития. Сравним же евреев и римлян.

Таким знаком могла бы быть повседневная жизнь людей. Но здесь я скажу одно: Израиль порой забывал Бога, Рим же никогда его не знал; вследствие этого сравнение невозможно.

Твой друг – или твой бывший друг – считает, если я правильно поняла тебя, что у нас нет поэтов, художников или воинов; на этом основании, я полагаю, он отрицает у нас существование великих личностей – а это следующий знак. Простое размышление о сути этого обвинения требует дать определение исходного положения. Великим человеком, о мой мальчик, считается тот, чья жизнь стала основанием для признания его самим Богом. Перс стал орудием наказания наших трусливых праотцев, и он пленил их; другой перс был избран, чтобы вернуть их детей в Святую землю; но куда более великим, чем любой из них, стал македонец, который отомстил за разорение Иудеи и Храма. Исключительность этих людей состояла в том, что каж-

дый из них был избран Господом для осуществления Божественного замысла; а также в том, что они были язычниками, не знавшими о его славе. Имей же в виду это определение, когда я буду продолжать свою мысль.

Существует мнение, что война есть самое благородное занятие людей и что самые великие плоды славы рождаются на полях сражений. Весь мир усвоил и разделяет эту идею, но не обманывайся ею. То, что мы должны поклоняться чему-то, является законом, который действует до тех пор, пока существует нечто, чего мы не можем понять. Молитва варвара – это вопль страха, обращенный к Силе, единственному божественному качеству, которое он может ощутить и понять; отсюда происходит его вера в героев. Кто такой Юпитер, как не римский герой? Греки снискали великую славу потому, что они первыми возвысили Мысль над Силой. В Афинах оратор и философ были куда более уважаемы, чем воин. Возничий колесницы и быстроногий бегун до сих пор остаются кумирами арены; но иммортели все же увенчивают голову самого искусного поэта. За честь считаться родиной одного поэта семь городов спорили между собой. Но были ли эллины первыми в своем отрицании древней варварской веры? Нет. Честь эта, сын мой, принадлежит нам; против варварства наших отцов поднялся сам Бог; в нашем богослужении вопль страха уступил место осанне и псалму. Таким образом, именно евреи и греки выдвинули вперед и поставили превыше всего человечность. Но, увы, правители мира считают войну постоянным условием существования людей; по этой причине римляне и вознесли превыше Мысли и Бога своего цезаря, поглотителя всей достижимой власти, преграду для всякого иного величия.

Расцвет Греции был золотым веком для гениев. В награду за ту свободу, которая там царила, какое великолепное общество мыслителей подарила им Мысль! В этом обществе торжествовало всякое искусство, и совершенство было столь абсолютным, что во всем, кроме искусства войны, римляне только подражатели. В наши дни греки являются образцом для ораторов, выступающих на Форуме; прислушайся, и в каждой римской песне ты услышишь греческие ритмы; если же римлянин откроет рот, чтобы умно порассуждать о морали, о каких-нибудь абстрактных вещах, о загадках природы, он окажется либо плагиатором, либо же прилежным учеником той или другой школы риториков, основанной греком. Я повторю еще раз – ни в чем, кроме войны, римляне не могут претендовать на самобытность. Их зрелища и представления суть изобретения греков, орошенные кровью, дабы усладить жестокость римской толпы; их религия, если так можно назвать их верования, составлена из обрывков вер других народов; их самые чтимые боги родом с Олимпа – даже их Марс, и именно по этой причине они так превозносят Юпитера. Вот и получается, сын мой, что во всем мире только наш Израиль может оспаривать превосходство греков и вместе с ними претендовать на пальмовую ветвь первенства в гениальности.

Самовлюбленность римлян не дает им видеть выдающихся качеств других людей, она непроницаема, как кираса их лат. О, эти безжалостные разбойники! Под ударами их солдатских сапог земля дрожит, как пол под ударами цепов. Мы были повержены наряду с другими – увы, сын мой, это так! Они захватили наши самые роскошные жилища, самые святые места, и никто не знает, чем это закончится; но я это знаю – они превратят Иудею в подобие миндаля, расколотого молотком, уничтожат Иерусалим, который сама сладость; и все же слава народа Израиля останется подобной свету в небесах, ни для кого не достижимых: потому что их история есть история Бога, который писал ее их руками, говорил их языком и сам пребывал во всем, что они творили, даже самом малом. Он был тем, кто жил вместе с ними, – законодателем на Синае, вожатым в пустыне, полководцем на войне, царем в правительстве; кто снова и снова задергивал завесы в шатре, который был его жилищем, невыносимо ярким, кто, говоря с людьми как человек, указывал им добро, дорогу к счастью, и заключил с ними соглашение, в котором ограничил могущество своего Всесилия заветами на вечные времена. О сын мой, может ли быть так, что те, с кем жил Иегова, с кем он водил дружбу, ничего бы не переняли

от него? что в их жизни и деяниях обычные человеческие качества не перемешались бы и не получили божественные цвета? что их гений не сохранил бы в них, даже по прошествии стольких лет, хоть частицу небес?

Некоторое время было слышно только движение веера.

– Если сводить искусство только к скульптуре и живописи, то он прав, – произнесла она затем. – В Израиле нет художников.

В ее голосе просквозило сожаление – она происходила из саддукеев, вера которых, в отличие от фарисеев, позволяла любовь к прекрасному во всех формах и безотносительно к их происхождению.

– И все же тот, кто хочет быть справедливым, – продолжала она, – не должен забывать, что искусность наших рук была связана запретом: «Не сотвори себе никакого кумира и никакого искусного подобия кого-либо», который был неправомочно распространен за пределы его смысла и времени. Не следует забывать и о том, что задолго до появления в Аттике Дедала, который своими деревянными статуями так преобразил искусство ваяния, что сделал возможным появление школ в Коринфе и Эгине и их шедевра Капитолия, – так вот, задолго до эры Дедала два израильтянина, Бецалель и Ахолиаб, создатели первой скинии, были, как говорили про них, «столь искусны во всех умениях», что создали статуи херувимов, установленные на Ковчеге Завета. Херувимы были выкованы из золота, а не изваяны, и в их облике человеческое было слито с божественным. «И да распространят они крыла свои вширь... и лики их да будут обращены друг к другу». Кто посмеет сказать, что они не были прекрасны? или что они не были первыми статуями?

– О, теперь я понимаю, почему греки превзошли нас, – сказал Иуда, в высшей степени заинтригованный ее словами. – И почему Ковчег Завета был проклят вавилонянами, которые разрушили его.

– Нет, Иуда, будь справедлив. Он не был разрушен, но только исчез, надежно спрятанный в какой-нибудь пещере в горах. В один прекрасный день – Энлиль и Шаммай в один голос утверждают это – однажды, в день славы Господней, он будет найден и явлен народу, и все люди будут танцевать вокруг него и распевать песни, как в стародавние времена. И те, кто увидит лики херувимов, хотя бы он и видел до того лицо вырезанной из слоновой кости Минервы, преклонится перед гением еврейского народа, дошедшим до него через все эти тысячи лет.

Мать, воодушевленная своими собственными словами, впала в экстаз, знакомый всем ораторам; но тут же, взяв себя в руки, смогла сдержаться и замолчала, закончив свою мысль.

– Ты так добра ко мне, о мама, – благодарно произнес ее сын. – И мне никогда не доводилось слышать ничего подобного. Ни Шаммай, ни Энлиль не смогли бы говорить убедительнее. Теперь я снова истинный сын Израиля.

– Лстец! – ответила она. – Ты просто не знаешь, что я всего лишь повторила доводы Энлиля. Однажды в моем присутствии он вел спор с одним софистом из Рима.

– Пусть так, но твои слова шли от самого сердца. Но она уже снова была серьезна.

– Так на чем мы остановились? Ах да, я утверждала, что праотцы нашего народа создали первые статуи. Но величие скульптора, Иуда, даже не в его мастерстве, оно – в грандиозности поставленной перед собой задачи. Я всегда представляла себе великих людей в виде дружеских компаний, шествующих сквозь столетия, разделившись по своим нациям – там индусы, здесь египтяне, а вот тут ассирийцы; над ними гремят трубы и полощутся по ветру знамена; и вокруг, как почтительные зрители, стоят бесчисленные поколения. И я представляла себе, как при виде этой процессии взирающий на нее грек восклицает: «Смотрите! Их возглавляют эллины!» Но ему возражает римлянин: «Замолчи! Ваше место заняли теперь мы и оставили вас, как пыль под ногами». Но весь их путь, и сзади, и далеко вперед, озарен светом, источника которого крикуны не знают; они лишь знают, что он вечно ведет их вперед – свет Откровения! Но кто же они, те, что несут этот свет? Ах, в их жилах течет древняя иудейская кровь! По этому свету

мы и узнаем их. Да будут же трижды благословенны они, наши праотцы, служители Господа, хранители заветов! Им дано быть водителями людей, живых и мертвых. Место в первых рядах принадлежит им, и, даже если бы каждый римлянин был цезарем, ты не должен завидовать этому!

Иуда был глубоко взволнован.

– Молю тебя, не замолкай, – воскликнул он. – Воистину, я словно слышу звон кимвальный. Теперь мне остается только ждать Маркам и тех женщин, которые пришли насладиться ее танцами и пением.

Она поняла, что он хочет сказать, и воспользовалась его словами в своей речи.

– Отлично, сын мой. Если ты слышишь кимвалы пророчицы, ты сможешь выполнить то, о чем я хотела просить тебя; призови же на помощь свое воображение и встань рядом со мной, когда избранные Израиля будут шествовать мимо нас во главе этой процессии. Вот они уже поравнялись с нами – впереди патриархи; следом за ними вожди племен. Я почти слышу звон колокольчиков на шеях их верблюдов и мычание их стад. Но кто же человек, одиноко шествующий впереди своих соплеменников? Он уже в возрасте, но взгляд его остер и мышцы его крепки. Он смотрел в лицо самого Господа! Воин, поэт, оратор, законодатель, пророк! Его величие подобно солнцу на восходе, исходящее от него сияние превосходит все подобное, даже свет, изливаемый самыми доблестными Цезарями. За ним следуют судьи. Потом идут цари – сын Иессея, герой на войне, слагатель песен, вечных как море; и его сын, превзошедший всех других царей богатством и мудростью, сделавший пустыню жилым местом и основавший в ней города, не забывая при этом Иерусалим, который Господь избрал местом своего пребывания на земле. Склонись ниже, о сын мой! Те, кто следует за ним, первые и последние в своем роде. Их лица обращены к небу, словно бы они слышат неземные голоса, звучащие с небес, и внимают им. От их одежд исходит запах гробниц и пещер. Прислушайся к голосу женщины, идущей среди них! «Воспой имя Господа, да будет превознесена слава Его!» Скрой лицо свое в дорожной пыли перед ними! Они были глаголами Господа, его слугами, с высоты небесзирающими на нас, и, видя наше будущее далеко вперед, они записали то, что открылось их зрению, и оставили записанное, чтобы со временем оно сбылось. Цари бледнели, приближаясь к ним, и народы трепетали при звуках их голоса. Земные стихии подчинялись им. В их руках дары и кары небесные. Взгляни на Тишбита и слугу его Елиша! Посмотри на печального сына Хилкия и на того, кому было дано узреть видение на реке Чебар. И на трех детей Иуды, которые отвергли идола Вавилонского; и на того, кто на празднике, в присутствии тысячи владык, поверг в смущение астрологов. А вон там – о сын мой, скорее поцелуй прах у его ног! – там благородный сын Амоса, от которого мир узнал о том, что должен прийти Мессия!

В течение всего этого рассказа веер в руке матери двигался не переставая; но тут вдруг внезапно остановился, и голос ее упал до шепота.

– Но ты устал, – сказала она.

– Нет, – ответил сын, – ведь я внимал новому гимну в честь Израиля.

Мать продолжала рассказ.

– Я постаралась, как могла, провести перед тобой, мой Иуда, всех наших великих людей – патриархов, творцов законов, воинов, певцов, пророков. Обратимся же к лучшим людям Рима. Напротив Моисея поставим Цезаря и Тарквиния против Давида; Суллу против любого из Маккавеев; лучших консулов против наших судей; Августа против Соломона, и дело сделано: на этом сравнение и заканчивается. Но подумай тогда о пророках – величайших из великих.

Она пренебрежительно рассмеялась.

– Извини меня. Я вспомнила о предсказателе, предрекшем Юлию Цезарю смерть на мартовские иды, и представила себе его, ищущего дурные знамения во внутренностях жертвенных животных. От этой картины обратимся к другой – к пророку Элии, сидящему на вершине холма по дороге в Самарию среди дымящихся тел павших воинов и предрекающему сыну

Ахаба гнев Божий. О мой Иуда, если говорить о божествах, – как мы можем судить о Иегове и Юпитере, если не по тем делам, которые слуги их творят их именем? А что же до того, чем тебе заняться...

Последнюю фразу она произнесла медленно, дрогнувшим голосом.

– Что же до того, чем тебе заняться, мой мальчик, – служи Господу, Господу Богу Изра-иля, не Рима. Потомок Авраама может снискать себе славу только на путях Господа, и нет славы выше этой.

– Тогда я могу стать воином? – спросил Иуда.

– Почему бы и нет? Не Моисей ли назвал Бога воином?

На крыше наступило долгое молчание.

– Я смогу дать тебе свое позволение, – произнесла наконец мать, – только если ты станешь служить Господу, а не цезарю.

Он успокоился и сам не заметил, как задремал. Мать тихонько поднялась, подложила ему под голову подушку, укрыла его своим покрывалом и, ласково поцеловав, вышла из беседки.

Глава VI

ПРОИСШЕСТВИЕ С ГРАТОМ

Хорошему человеку, как и плохому, суждено умереть; но, вспомнив уроки нашей веры, мы говорим об этом так: «Не важно, он снова откроет глаза на небесах». В земной жизни подобное событие больше всего напоминает быстрый переход от здорового сна к бодрствованию, полному радости и веселья.

Когда Иуда проснулся, солнце уже поднялось над горными вершинами; повсюду в воздухе уже порхали голуби, наполняя его мельканием белых крыльев; на юго-востоке в небо вздымалась громада Храма, сверкая золотом на лазури неба. Все эти привычные ему картины он удостоил мимолетным взглядом; но на краешке лежанки, рядом с ним, сидела девушка, которой едва ли минуло пятнадцать лет. Держа на коленях небель и грациозно касаясь его струн, она негромко пела. Повернувшись к ней, Иуда влушался в слова ее песни:

Не просыпайся, но внимли мне, любимый мой!
Скользя, скользя по морю сна,
Твой дух стремится услышать меня.
Не просыпайся, но внимли мне, любимый мой!
Дар Сна, целительный монарх,
И все самые сладкие сны тебе я принесу.
Не просыпайся, но внимли мне, любимый мой!
Из нежных миров сна
Выбери самый божественный.
Так избери же и спи, любимый мой!
Но больше никогда так не поступай,
Лишь только – если захочешь увидеть во сне меня.

Допев, она опустила инструмент и, сложив руки на коленях, посмотрела на Иуду, явно ожидая его приговора. И поскольку наступила необходимость сказать несколько слов о ней, мы воспользуемся случаем и добавим несколько штрихов к портрету семьи, в чью частную жизнь мы только что вторглись.

После смерти Ирода у многих облаканных его милостями остались громадные состояния. Если к тому же некоторые из них вели свое не вызывающее сомнений происхождение от сыновей известных «двенадцати колен Израилевых», в особенности колена Иудина, то счастливики причислялись к отцам города Иерусалима – отличие, приносившее им почет менее облаканных судьбой сограждан и уважение неиудеев, с которыми их сводили дела или жизненные обстоятельства. Среди этих людей не было более почитаемого в частной или общественной жизни человека, чем отец юноши, с которым мы только что познакомились. Всегда помня о своей национальной принадлежности (а чувство это никогда не изменяло ему), он верно служил своему царю на родине и за ее границами. Некоторые сугубо доверительные задания привели его в Рим, где он привлек к себе внимание Августа и сумел снискать его дружбу. В доме хранилось много подарков, способных насытить даже тщеславие царей, – пурпурных тог, кресел из слоновой кости, золотых патер – материальная ценность которых существенно увеличивалась от прикосновения императорской руки, их преподнесшей. Такой человек просто не мог не быть богатым; но его богатство зиждилось отнюдь не на щедрости его царственных покровителей. Ему всегда благоволители законы, во всех сферах деятельности; он же, в свою очередь, не занимался многими делами. Многие скотоводы, пасшие стада на тучных пастбищах равнин и холмов вплоть до страны Ливанской, считали его своим хозяином.

В городах как приморских, так и лежащих далеко в глубине страны он основал транспортные предприятия. Корабли его везли серебро из Испании, шахты которой считались самыми богатыми; снаряжаемые им караваны два раза в год привозили из восточных стран шелковые ткани и специи. Он был правоверным иудеем, ревностно соблюдавшим закон и обряды. Его постоянное место в синагоге и в Храме редко пустовало. Священное Писание он знал едва ли не наизусть; в обществе законоучителей его ученостью восхищались; свое почитание Энлиля он довел до степени едва ли не обожания. При этом его нельзя было назвать сепаратистом; в его доме равно гостеприимно привечали людей из всех стран; придирающиеся ко всему фарисеи даже упрекали его за то, что он не единожды принимал за своим столом самаритян. Родись он неиудеем и останься в живых, мир услышал бы о нем как о достойном сопернике Иродов Аттиков, но он в расцвете лет погиб при кораблекрушении лет за десять до нашей истории и был оплакан повсюду в Иудее. Мы уже познакомились с его вдовой и сыном; еще в семье была дочь – та самая, которую мы застали поющей песню своему брату.

Девушка носила имя Тирца. Лицом и сложением она очень походила на брата и принадлежала к такому же еврейскому типу. Так же, как и брат, она очаровывала всех выражением детской невинности на лице. Домашняя обстановка и доверие, которое они с братом питали друг к другу, вполне допускали ту небрежность в одежде, которую Тирца себе позволила сейчас. Легкая сорочка, схваченная застежкой на правом плече, свободно падала вниз по ее спине, проходя под левой рукой и скрывая тело выше талии, но оставляя руки полностью обнаженными. Поясок стягивал складки одеяния, обозначая начало юбки. Головной убор был очень простым, но весьма шел девушке – шелковая шапочка пурпурно-лилового цвета, поверх которой был накинут полосатый шарф из того же материала с богатой вышивкой, обвивавший голову легкими складками так, чтобы не увеличивать ее зрительно; все это венчалось кисточкой, спадавшей набок с верхушки шапочки. Пальцы и мочки ушей девушки были украшены золотыми кольцами, на запястьях и на лодыжках позвякивали золотые же браслеты; на шее ее красовалось золотое ожерелье, изысканно перевитое целой паутиной цепочек, на которых покачивались жемчужины. Глаза были подведены, ногти на пальцах покрыты краской. Волосы, заплетенные в две косы, спускались по спине. На щеки перед ушами падало по завитому локону. Никто не смог бы устоять перед ее красотой, утонченностью и изяществом.

– Чудесно, моя Тирца, просто чудесно, – с воодушевлением произнес ее брат.

– Песня? – спросила она.

– Да, но и певица тоже. Мотив, полагаю, греческий? Где ты его услышала?

– Помнишь того грека, что выступал в театре прошлым месяцем? Говорят, в свое время он хотел стать певцом при дворе Ирода и его сестры Саломеи. Он выступал сразу после представления борцов, когда шум еще не улегся. Но при первых же звуках его голоса все сразу замолчали, стало так тихо, что я слышала каждое его слово. Так вот это его песня.

– Но он пел по-гречески.

– А я переложила на иврит.

– Ну что ж, я горжусь моей маленькой сестричкой. У тебя есть еще что-нибудь столь же чудесное?

– И очень много. Но довольно об этом. Амра послала меня сказать тебе, что она принесет завтрак, и тебе не надо спускаться вниз. Через пару минут она придет. Она думает, что ты заболел – какой ужасный случай произошел с тобой вчера! Что же это было? Расскажи мне, и я помогу Амре вылечить тебя. Она знает много всяких снадобий египтян, которые всегда были на редкость глупы по этой части; но у меня есть арабские рецепты...

– А арабы были еще глупее египтян, – закончил он за нее, покачивая головой.

– Ты так думаешь? – ответила она, подняв руки к своему левому уху. – Ладно, мы не будем иметь с ними ничего общего. У меня есть кое-что понадежнее и лучше – амулет, кото-

рый когда-то, очень давно, дал одному из наших людей персидский маг. Вот, посмотри, слова, которые были вырезаны на нем, почти совсем стерлись.

С этими словами она протянула ему серьгу, которую он взял, бросил на нее мимолетный взгляд и тут же вернул сестре.

– Даже если бы я умирал, Тирца, я не смог бы использовать этот талисман. Это ведь пережиток идолопоклонства, запрещенный всякому правоверному сыну и дочери Авраама. Возьми и никогда больше не надевай его.

– «Запрещенный»! А вот и нет, – возразила она. – Мама нашего отца носила его даже не знаю сколько шаббатов за всю свою жизнь. И он уже многих излечил – троих, как минимум. К тому же на него есть разрешение – смотри, вот здесь отметка раввина.

– Но я не верю во все эти амулеты.

Она подняла на него изумленный взор.

– А что сказала бы Амра?

– Отец и мать Амры обслуживают sakiyeh при саде на берегу Нила.

– Но Гамалиэль!

– Он говорит, что это безбожное изобретение неверных.

Тирца, засомневавшись, уставилась на серьгу в своих руках.

– Что же мне с ней теперь делать?

– Носи ее, моя маленькая сестричка. Она принадлежит тебе – и делает тебя еще прекраснее, хотя я думаю, ты вполне хороша и без украшений.

Успокоенная, девушка вернула амулет на место как раз в тот момент, когда Амра вошла в комнату, неся на подносе тазик для умывания, воду и салфетки.

Поскольку Иуда не принадлежал к фарисеям, ритуальное омовение было простым и кратким. Затем служанка вышла, предоставив Тирце самой причесывать волосы брата. Когда его локоны были уложены по ее вкусу, девушка достала небольшое зеркальце полированного серебра, которое по обычаю своих благородных соотечественниц носила за поясом, и протянула ему, чтобы он мог полюбоваться трудами ее рук. Все это время не прекращался разговор.

Что ты думаешь, Тирца, – ведь я собираюсь уехать.

Удивленная, она на миг прекратила свою работу.

– Уезжаешь? Когда? И куда? Зачем?

Он рассмеялся.

– Столько вопросов, и все на одном дыхании! Какая же ты прелесть!

Он снова стал серьезным.

– Ты же знаешь, закон требует, чтобы я занялся каким-нибудь делом. Наш добрый отец является мне примером. Даже ты стала бы презирать меня, если бы я праздно промотал результаты его трудов. Я собираюсь в Рим.

– О, и я поеду с тобой.

– Ты должна остаться с мамой. Если мы оба уедем, она умрет с тоски.

Оживленное лицо ее тут же стало серьезным.

– Ах да. Но – должен ли ты ехать? Здесь, в Иерусалиме, ты вполне можешь научиться всему, чтобы стать купцом, – если это то, о чем ты мечтаешь.

– Нет, это отнюдь не то, о чем я думаю. Закон не требует от сына заниматься тем же, что и отец.

– Кем же тогда ты станешь?

– Солдатом, – с оттенком гордости в голосе ответил он.

На глазах девушки навернулись слезы.

– Но тебя убьют!

– Если такова будет воля Господа. Но, Тирца, не всех же солдат убивают.

Она обвила его шею руками, точно желая удержать при себе.

– Нам так хорошо здесь! Останься же дома, брат мой!

– Дом тоже не будет всегда таким, как сейчас. Да ты и сама довольно скоро покинешь его.

– Никогда!

Он улыбнулся ее серьезности.

– Глава племени Иуды или кто-то другой из вождей скоро придет, заявит права на мою Тирцу и увезет ее из дому туда, где ей предстоит стать хозяйкой другого дома. Что станет тогда со мной?

Она только всхлипнула в ответ на эти слова.

– Война – это серьезная профессия, – продолжал он. – Чтобы как следует изучить ее, надо отправиться в школу, а лучшей школы, чем лагерь римской армии, не существует.

– Но ты не будешь сражаться за Рим? – спросила она, затаив дыхание.

– И ты – даже ты ненавидишь его. Весь мир ненавидит Рим. Поэтому, Тирца, пойми правильно то, что я отвечу тебе на это, – да, я буду сражаться за него, если он, в свою очередь, научит меня сражаться, чтобы я мог однажды обратить свое оружие против него самого.

– И когда ты уезжаешь?

На лестнице послышались шаги возвращающейся Амры.

– Тс-с! – прошептал он. – Не надо ей знать, о чем я думаю.

Верная служанка вошла в комнату и поставила поднос с завтраком на стул перед братом и сестрой; затем, держа в руках белую салфетку, выпрямилась, готовая служить им. Они ополоснули пальцы в чаше с водой и как раз вытирали их, когда шум внизу привлек их внимание. Прислушавшись, они различили звуки маршевой музыки, доносившейся с северной улицы.

– Солдаты из претория! Я должен на них взглянуть! – воскликнул он, вскакивая с дивана и выбегая из комнаты.

Через минуту он уже свесился через невысокий парапет, ограждавший дальний северо-восточный угол крыши, так поглощенный зрелищем, что даже не заметил Тирцы, державшейся рукой за его плечо.

Этот наблюдательный пост – крыша их дома возвышалась над всеми другими в округе – господствовал к востоку от неправильных очертаний громады Антониевой башни, которая, как уже упоминалось, служила местопребыванием гарнизона и штаб-квартирой правителя. Над улицей, не более десяти футов в ширину, тут и там были перекинута мостики, открытые и крытые, на которых уже, как и на крышах, собрались зеваки, привлеченные звуками военной музыки. Слово это, однако, можно применить лишь весьма условно; ибо то, что услышали прибежавшие люди, представляло собой рев труб и пронзительное завывание литусов, столь восхитительное для слуха солдат.

Через несколько минут взору молодых людей предстал весь вооруженный отряд римлян. Сначала появился авангард легковооруженных воинов – пращников и лучников, – марширующих разомкнутым строем, с большими интервалами между шеренгами и колоннами; затем подразделение тяжеловооруженной пехоты, несущей щиты и *hastae longae*, длинные копья, подобные тем, которыми пользовались во время сражений под стенами Илиона; за ними группа музыкантов, потом офицер, гарцующий верхом. Почти вплотную за ним следовала конная стража; а потом снова колонны тяжеловооруженных пехотинцев, двигавшихся плотным строем во всю ширину улицы. Казалось, им не будет конца.

Загорелые руки и ноги солдат; мерное покачивание щитов; сверкание бронзы накладок, застежек, кирас и шлемов, начищенных до ослепительного блеска; колыхание плюмажей на гребнях; раскачивающиеся значки на древках и железные наконечники копий; четкий, уверенный шаг в отработанном за годы темпе; суровые и настороженные лица; машинообразная сплоченность двигающейся массы – все это произвело впечатление на Иуду. Но нечто особое всколыхнуло его чувства. Сначала орел, эмблема легиона – позолоченный значок, вознесен-

ный на высоком древке, распростерший свои крылья так широко, что они почти сомкнулись над его головой.

Затем – верховой офицер, в гордом одиночестве гарцующий в середине процессии. Он был в полном защитном облачении, но ехал с непокрытой головой. На левом бедре офицера красовался короткий меч; в руке он держал жезл, издали напоминавший свиток белой бумаги. Вместо седла под офицером было пурпурное покрывало, которое вместе с уздой, золотым нагрудником и шелковой попоной золотистого цвета, складками ниспадающей едва ли не до земли, составляли убранство его коня.

Хотя до этого человека было еще далеко, Иуда заметил, что одного его присутствия было достаточно, чтобы люди смотрели на него раздраженно и угрюмо. Они свешивались через парапеты своих крыш или дерзко выступали вперед, грозя ему кулаками; с криками бежали за ним; плевали на него, когда он проезжал под перекинутыми с крыши на крышу мостиками; некоторые женщины даже снимали с ног сандалии с явным намерением запустить ими в него. Когда процессия приблизилась, крики стали более отчетливыми: «Грабитель, тиран, римская собака! Долой Ишмаэля! Верни нам нашего Анну!»

Когда офицер поравнялся с их домом, Иуда обратил внимание, что тот отнюдь не разделял безразличия, которое так искусно было написано на лицах сопровождавших его солдат: лицо офицера было сумрачно и гневно, а взгляды, которые он время от времени бросал на своих обвинителей, исполнены такой угрозы, что наиболее малодушные отшатывались в сторону.

Только теперь юноша вспомнил об обычае, существовавшем со времен первых цезарей: главнокомандующие, для демонстрации своего положения, показывались на публике только с лавровым венком на голове. По этому признаку он определил, кем был этот офицер – **ВАЛЕРИЙ ГРАТ, НОВЫЙ ПРОКУРАТОР ИУДЕИ!**

Сказать по правде, поведение римлянина под градом ничем не спровоцированных обвинений заслужило симпатию юного иудея; так что, когда римлянин завернул за угол их дома, юноша перегнулся через парапет. Под его рукой кусок плитки отделился от парапета и заскользил вниз. Ужас охватил юношу. Он быстро выбросил руку вперед, чтобы перехватить падающий кусок. Для стороннего наблюдателя все выглядело так, как если бы он что-то бросил вниз. Его усилие пропало втуне, даже наоборот – его выброшенная вперед рука лишь оттолкнула кусок плитки еще дальше. Он закричал во весь голос. Солдаты стражи взглянули вверх, поднял свой взгляд и новый наместник, и в это мгновение кусок плитки ударил в него, свалив на землю.

Когорта тут же остановилась; солдаты эскорта спешили и поспешили прикрыть наместника своими щитами. С другой стороны, зеваки, видевшие все происшедшее, не усомнились в том, что удар был нанесен намеренно, и принялись приветствовать юношу, до сих пор стоявшего за парапетом у всех на виду, окаменев от содеянного и от предчувствия последствий.

Мятежный дух между тем с невероятной быстротой охватил всех стоявших на крышах вдоль линии движения процессии, объединил людей и заставил их действовать. В едином порыве они принялись отбивать облицовку своих парапетов, выламывать куски самана, из которого были сложены крыши большинства домов в округе, и в слепой ярости метать их в легионеров, столпившихся внизу. Разгорелось сражение. Но дисциплина и опыт, как и всегда, взяли верх. Мы не будем описывать привычку к сражениям одних и отчаяние других – они в равной мере не играют особой роли для нашего рассказа. Посмотрим лучше на несчастного виновника всего случившегося.

Он отступил на шаг от парапета, лицо его было бледным.

– О, Тирца, Тирца! Что же с нами будет?

Сестра его не видела всего случившегося внизу, но слышала крики и видела, что делают стоявшие на крышах домов люди. Она понимала, что происходит нечто ужасное; но не знала,

что именно послужило причиной всего происшедшего и грозит ли опасность ей или ее близким.

– Что случилось? Что все это значит? – охваченная тревогой, спросила она.

– Я убил римского правителя. Плитка упала прямо на него.

Казалось, невидимая рука бросила ей в лицо горсть пепла – так оно посерело. Девушка обхватила брата за шею и, не говоря ни слова, с тоской посмотрела ему в глаза. Его испуг передался ей, а вид сестры придавал ему сил.

– Я сделал это не намеренно, Тирца, – это был просто несчастный случай, – уже более спокойно произнес он.

– Что они сделают с нами? – спросила она.

Он бросил взгляд на суматоху, мгновенно возникшую внизу на улице, на крыши домов и подумал о грозном выражении лица Грата. Если бы он не был мертв, то до какого предела простерлась бы его месть? А если он мертв, то во что выльется гнев легионеров, и так уже доведенных толпой до неистовой ярости? Чтобы избежать ответа на эти вопросы, он снова посмотрел вниз через парапет как раз в тот самый момент, когда один из стражников помогал римлянину снова сесть на коня.

– Он жив, он жив, Тирца! Да будет благословен Господь Бог наших отцов!

С этим криком и посветлевшим лицом он отпрянул от парапета и ответил на ее вопрос:

– Не бойся, Тирца. Я объясню, как все это произошло, они вспомнят нашего отца и его службу и не сделают нам ничего плохого.

Он уже вел сестру к летней беседке на крыше, когда крыша дрогнула под ногами, а до слуха их донесся треск выбиваемых дверей, сопровождавшийся воплем страха, раздавшимся во внутреннем дворе. Он остановился и прислушался. Вопль повторился; затем послышался топот множества ног и яростные голоса, смешавшиеся с мольбами; после чего донеслись вопли обезумевших женщин. Солдаты выломали выходившую на север дверь и рассыпались по дому. Ужасное ощущение загнанных зверей охватило брата и сестру. Первым его порывом было убежать; но куда? Спасти их в такой ситуации могли бы только крылья. Тирца, с глазами полными слез, схватила его за руку.

– О, Иуда, что там такое?

Во дворе явно убивали слуг – и его мать! Не ее ли голос он слышал среди других? Собрав все остатки воли, он произнес:

– Оставайся здесь и жди меня, Тирца. Я спущусь вниз, узнаю, что случилось, и вернусь к тебе.

Голос его звучал не так уверенно, как ему бы хотелось. Сестра лишь плотнее прижалась к нему.

Снизу снова донесся животный крик его матери. Теперь в этом не было никаких сомнений. Он больше не колебался.

– Ладно, пойдем посмотрим.

Терраса или галерея, от которой начиналась лестница, была полна солдатами. Другие, с обнаженными мечами в руках, рыскали по комнатам. В одной из них несколько женщин, сбившись в кучку, просили о пощаде и молились. Чуть в стороне другая женщина, в разорванной одежде, с растрепанными волосами, изо всех сил вырывалась из рук солдата, державшего ее. Ее истошные крики, перекрывая общий шум, были слышны даже на крыше. К ней-то и бросился Иуда – длинными шагами, едва ли не прыжками, – крича: «Мама, мама!» Она протянула к нему руки и почти уже коснулась его, как вдруг сильная рука схватила Иуду и оттащила его в сторону. Он услышал, как кто-то громким голосом произнес:

– Вот он!

Иуда взглянул на говорившего и узнал Мессалу.

– Что, этот и покушался? – произнес высокий человек в защитном облачении легионера, чрезвычайно искусной работы. – Да это же всего лишь мальчишка.

– О боги! – ответил на это Мессала, даже сейчас не отказавшийся от своей манеры разговора. – Вот новая философия! Что бы сказал Сенека о суждении, что человек должен быть достаточно взрослым, чтобы смертельно ненавидеть кого-то? Он у вас в руках, вот это его мать, а там его сестра. Вам попала вся семейка.

Ради своих родных Иуда забыл недавнюю ссору.

– Помогите им, о мой Мессала! Ради нашего детства – помогите им. Я – Иуда – молю тебя. Мессала сделал вид, что не слышит его слов.

– Я вам больше не нужен, – произнес он, обращаясь к офицеру. – Зрелище на улице куда забавнее. Эрос низвергнут, да здравствует Марс!

С этими словами он повернулся и вышел на улицу. Иуда понял его и, с горечью в сердце, вознес молитву к Небесам.

– В час моей мести, о Боже, – шептал он, – дай мне возложить руку на этого человека.

Собрав всю свою волю, он повернулся и сделал шаг к офицеру.

– Господин, эта женщина, как вы слышали, – моя мать. Пожалейте ее, пожалейте и мою сестру. Господь справедлив, Он оплатит вам добром за добро.

Офицер, похоже, был тронут его словами.

– В башню женщин! – отдал он приказ солдатам. – Но не позволяйте себе ничего. Я спрошу у них, как с ними обращались.

Затем он повернулся к солдатам, державшим Иуду, и приказал:

– Найдите веревку, свяжите ему руки и выведите на улицу. С ним мы еще разберемся.

Мать увели. Юная Тирца, в своем домашнем одеянии, оцепенев от страха и внезапности всего случившегося, под присмотром солдата двинулась за ней. Иуда бросил на каждую из них прощальный взгляд и закрыл лицо руками, словно желая навсегда сохранить в памяти эту сцену. Может быть, он и проронил несколько слез, но никто из окружающих этого не заметил.

Затем в душе его произошло то, что по праву может быть названо чудом. Внимательный читатель нашего рассказа из предыдущего повествования знает уже достаточно, чтобы понять: молодой иудей, о котором идет речь, обладал мягкостью характера, граничащей с женственностью, – что, как правило, свойственно тем, кто любит и любим. Обстоятельства его жизни не требовали пробуждения в нем жесткости и твердости натуры. Временами он ощущал в себе всплески амбиций, но они оставались мечтами ребенка, гуляющего по берегу моря и всматривающегося в величаво проходящие мимо суда. Но теперь, если мы представим себе кумира, привыкшего к обожанию и внезапно сброшенного с алтаря, лежащего среди обломков своего маленького мира любви, то это вполне сравнимо с тем положением, в котором оказался юный Бен-Гур. Но ничто внешне не говорило пока о том, что внутри его произошла перемена. Разве что, когда он гордо вскинул голову и протянул руки солдатам, принявшимся связывать его, детская припухлость губ, напоминавших рот Купидона, исчезла, сменившись жесткой мужской складкой. В это мгновение он отринул свое детство и стал мужчиной.

Со двора раздался звук трубы. Услышав сигнал отбоя, с веранды стали спускаться солдаты, многие из которых, не осмеливаясь появиться в строю с «трофеями», просто бросали их на пол, пока он не оказался весь усеян многими ценными предметами. Когда Иуду свели вниз, солдаты уже стояли в строю.

Мать, дочь и домашнюю прислугу вывели через северные ворота, обломки которых еще болтались на петлях. Вопли челяди, многие из которых родились в этом доме, разрывали душу. Когда же из дома вывели всех лошадей и выгнали скот, Иуда начал осознавать размах мстительности прокуратора. Здание было обречено. Ни одно живое существо не должно было остаться в его стенах. Если в Иудее был кто-то еще, осмелившийся хотя бы задуматься о покушении на римского наместника, гнев, обрушившийся на благороднейшую семью Гур, послужил бы

ему предостережением; руины же обиталища должны были служить живым напоминанием о случившемся.

Офицер терпеливо ждал на улице, пока несколько его подчиненных на скорую руку чинили выбитые ворота.

Сражение на улице уже почти прекратилось. Лишь клубы пыли, поднимавшиеся из-за некоторых домов, говорили о том, что кое-где схватка продолжается. Когорта уже почти построилась, ее великолепие, как и ее ряды, совершенно не уменьшилось. Не заботясь о своей собственной судьбе, Иуда не смотрел ни на что, кроме группы пленников, тщетно разыскивая среди них взором свою мать и Тирцу.

Внезапно с земли поднялась недвижно лежавшая женщина и бросилась назад, ко входу в дом. Несколько солдат попытались было схватить ее, но она с неожиданной ловкостью увернулась от них. Подбежав к Иуде, она бросилась на землю и обхватила его колени, прижавшись к ним головой. Ее растрепанные черные волосы, перепачканные пылью, упали ей на лицо.

– О, Амра, моя добрая Амра, – сказал юноша, – да поможет тебе Господь, я, увы, бессилен.

Старуха не могла произнести ни слова.

Он нагнулся к ней и прошептал:

– Живи, Амра, ради Тирцы и моей матери. Они вернутся, и тогда...

Солдат попытался было оттащить ее, но она вырвалась у него из рук и бросилась сквозь ворота в опустевший двор.

– Да черт с ней, – махнул рукой офицер. – Мы опечатаем дом, и она сдохнет с голоду.

Солдаты продолжили возню с воротами. Закончив работу, они забили их крест-накрест досками и вышли через западный вход, тоже забив его.

Когорта промаршировала обратно в башню, где прокуратор расположился на отдых, заключив под стражу своих пленников. На десятый день после этого события он побывал на Рыночной площади.

Глава VII ГАЛЕРНЫЙ РАБ

На следующий день отряд легионеров подошел к опустевшему дворцу и, крепко-накрепко заколов ворота, запечатал их восковыми печатями, прибив на каждом углу здания табличку на латыни:

«СОБСТВЕННОСТЬ ИМПЕРАТОРА».

Высокомерные римляне считали, что одного только провозглашения приговора было вполне достаточно. Впрочем, так оно и было.

Еще сутки спустя, около полудня, декурион с командой из десяти всадников вошел в Назарет с юга, по дороге, ведущей из Иерусалима. В те времена это была пригоршня беспорядочно рассыпанных по склону холма домов, с одной только улочкой, скорее похожей на тропу, пробитую входившими и выходившими стадами. К местечку этому с юга подходила большая равнина Эзраэлона, с вершин холмов, возвышавшихся к западу от городка, можно было увидеть и голубую даль Средиземного моря, и равнины за Иорданом и Хермоном. Долина под городом и земли, лежащие за ней, были отданы под сады, виноградники, огороды и пастбища. Несколько рощиц пальмовых деревьев придавали ландшафту восточный колорит. Домики, в беспорядке разбросанные тут и там, имели весьма непритязательный вид – квадратные одноэтажные строения с плоскими крышами, увитые виноградными лозами. Недостаток влаги, превративший холмы Иудеи в ржавую и безжизненную пустыню, заканчивался у границ Галилеи.

Звук трубы, раздавшийся, когда кавалькада приблизилась к селению, произвел магический эффект на его обитателей. Ворота дворов и двери домов распахнулись, из них выскочили люди, страстно желающие первыми увидеть и встретить необычных гостей.

Назарет, следует помнить, и был под властью Иуды из Гамалы; поэтому нетрудно представить чувства, с которыми были встречены легионеры. Но когда они вступили в город и двинулись по единственной улице, стало понятно порученное им задание. Страх и ненависть сменились любопытством, под влиянием которого люди, зная, что отряд обязательно должен будет сделать привал у колодца в северо-восточной части города, вышли из своих ворот и дверей и потянулись вслед за процессией.

Внимание толпы привлек заключенный, которого вели под охраной конные стражники. Он двигался пешим, с непокрытой головой, полунагой, со связанными за спиной руками. Ремень, привязанный к его запястьям, был закреплен к упряжи одной из лошадей. Кавалькада в движении поднимала дорожную пыль, которая окутывала ее желтой завесой, а временами всадники даже скрывались в густом облаке пыли. Изнемогающий узник шагал впереди, еле двигая стертymi в кровь ногами. Обитатели поселения видели, что он совсем молод.

Около колодца декурион скомандовал привал и, вместе с большинством всадников, спешился. Измотанный узник рухнул в дорожную пыль, не издав ни звука: было совершенно ясно, что силы его на исходе. Когда обитатели приблизились, то смогли рассмотреть, что по возрасту он едва ли не мальчик.

Пока солдаты утоляли жажду, передавая друг другу бадью с водой, на дороге, ведущей из Сеппориса, появился человек. Завидев его, одна из женщин закричала:

– Смотрите! Там идет плотник! Теперь мы что-нибудь узнаем.

Человек, которого она имела в виду, обладал весьма почтенной внешностью. Длинные седые волосы падали из-под края его высокого тюрбана, белая борода спускалась на грудь. Он был облачен в длинную серую рубаху и двигался медленно не только в силу своего возраста, но еще и потому, что нес с собой массивные и тяжелые инструменты – топор, пилу и разметочный нож. К тому же было видно, что он прошел довольно большое расстояние без отдыха.

Он остановился неподалеку от собравшихся зевак.

– О, рабби, добрый рабби Иосиф! – воскликнула женщина, подбегая к нему. – Здесь узник, пойдем, спроси солдат про него, потому что мы хотим знать, кто он такой, и что он сделал, и что они хотят сделать с ним.

Лицо рабби осталось невозмутимым. Взглянув на узника, он приблизился к офицеру.

– Да ниспошлет вам Господь мир! – просто приветствовал он пришлецов.

– И тебе того же! – отвечивал декурион.

– Вы идете из Иерусалима.

– Да.

– Ваш узник еще молод.

– Да – годами.

– Могу я спросить, что он сделал?

– Он убийца.

Толпа в изумлении зашептала, но рабби Иосиф продолжил свои расспросы:

– Он сын Израиля?

– Он еврей, – сухо ответил на это римлянин.

Собравшуюся толпу охватила жалость.

– Я ничего не знаю о ваших племенах, но могу вам сказать о его семье, – продолжал офицер. – Вы, может быть, слышали об одном из отцов города Иерусалима по имени Гур – так вот, его зовут Бен-Гур. Его отец жил во времена Ирода.

– Мне доводилось его знать, – сказал Иосиф.

– Так вот, это его сын.

В толпе раздались крики, и декурион поспешил охладить ее пыл.

– Позавчера, среди бела дня, на улице Иерусалима он едва не убил благородного Грата, бросив ему в голову плитку с крыши дворца – полагаю, отцовского.

В разговоре наступила пауза, во время которой взоры всех назаретян обратились на юного Бен-Гура.

– Он его убил? – спросил рабби.

– Нет.

– Но он все же осужден.

– Да. Каторга на галерах пожизненно.

– Господь да поможет ему! – сказал Иосиф, впервые за это время потеряв свою флегматичность.

Тем временем юноша, пришедший вместе с Иосифом, но стоявший до этого за его спиной, положил на землю топор, который он держал в руках, и, подойдя к большому камню, стоявшему рядом с колодцем, взял с него бадейку с водой. Прodelано это было так тихо, что охранники даже не успели ему помешать – юноша уже стоял около узника, протягивая ему воду.

Рука, мягко легшая на его плечо, привела в себя несчастного Иуду. Подняв взор, он увидел лицо, которое невозможно было забыть – лицо юноши примерно такого же возраста, обрамленное прядями светло-каштановых волос, с лучистыми темно-голубыми глазами, столь нежными, столь призывными, столь исполненными любви и святой цели, что в них словно была сосредоточена вся власть и воля. Дух иудея, ожесточившийся за эти дни и ночи страданий от свершенной над ним несправедливости до такой степени, что мысль о мщении заполнила для него весь мир, растопился под этим взглядом совершенно незнакомого ему человека и стал мягче воска на солнце. Он припал губами к бадье с водой и стал жадно глотать холодную влагу. Ни он, ни незнакомец не обменялись ни единым словом.

Когда жажда была утолена, рука, которая все это время лежала на плече страдальца, опустилась ему на голову и оставалась на пыльных завитках его волос на время, необходимое

для благословения; затем незнакомец поставил бадью на место и, подняв топор, снова ушел за спину рабби Иосифа. Взоры всех собравшихся, в том числе и декуриона, были прикованы к нему.

Привал подошел к концу. Когда все солдаты напились и напоили лошадей, декурия снова двинулась в путь. Но декурион уже был не тем человеком, что раньше: он помог узнику подняться из дорожной пыли и посадил его на круп лошади за спиной одного из солдат. Назаретяне разошлись по своим домам – а вместе с ними рабби Иосиф и его подмастерье.

Так, в первый раз, встретились – и тут же расстались – Иуда и Сын Марии.

Книга третья

К л е о п а т р а

*...Я хочу нагореваться вволю,
Соразмерно огромности удара.
Внизу появляется Диомед.
Ты узнал?
Он умер?
Д и о м е д
Он на волосок от смерти,
Но дышит.*

У. Шекспир.

Антоний и Клеопатра²¹

²¹ Перевод Б. Пастернака.

Глава I

МОРСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ КВИНТА АРРИЯ

Город Мизены²² получил свое имя по названию мыса в нескольких милях юго-западнее Неаполя, у основания которого был он расположен. До наших дней от него дошли только руины; но в году от рождения нашего Господа двадцать четвертом – в который мы бы и хотели перенести нашего читателя – место это было одним из самых значительных на западном побережье Италии.

В упомянутое время путешественнику, поднявшемуся на городскую стену, открывалась панорама Неаполитанского залива; непревзойденной красоты побережье, курящийся дымом конус Везувия, небо и волны темно-голубого цвета, омывающие острова Иския и Капри. Его взор, блуждая в благоуханном воздухе от одного острова к другому, наконец – поскольку эта красота столь же утомляла глаз, как сладости язык, – останавливался на зрелище, которого лишен современный турист: под ним располагалась добрая половина римского флота. Принимая во внимание это обстоятельство, Мизены становились более чем подходящим местом для встречи трех владык, желающих на досуге разделить между собой мир.

В старину в городской стене, тянувшейся вдоль берега, существовали ворота – пролет, которым заканчивалась улица, переходившая за пределами стены в мол, выступающий в море на несколько стадиев.

Однажды прохладным сентябрьским утром часовой, несший дозор на стене над воротами, встревожился, увидев группу людей, которая спускалась по улице к выходу из города, громко разговаривая между собой. Присмотревшись к ним, он снова погрузился в свою привычную дремоту.

Эта группа состояла человек из тридцати. Рабы несли факелы, которые больше чадили, чем светили, оставляя в воздухе запах индийского нарда. Владыки шли впереди плечом к плечу. Один из них, лет пятидесяти, лысоватый и несший поверх остатков растительности на голове лавровый венок, был, судя по почтительности, с которой к нему относились, центральным персонажем церемонии. Все трое были облачены в богатые тоги из белой шерстяной ткани с пурпурным подбоем. Дозорному оказалось вполне достаточно одного взгляда, брошенного на них. Незнакомцы принадлежали к элите общества и провожали своего друга на корабль после бурного прощания, затянувшегося на всю ночь. Подробности происходящего мы поймем, если вслушаемся в разговоры действующих лиц.

– Нет, мой Квинт, – говорил один из них, обращаясь к человеку с лавровым венком на голове, – это ошибка Фортуны, так скоро забирающей тебя от нас. Всего лишь вчера ты вернулся морем из-за Столбов. Ты ведь даже толком не почувствовал ногами землю!

– Клянусь Кастором! Если мужчина поклялся женской клятвой, – вторил ему другой, выпивший куда больше, – не будем жаловаться. Наш Квинт наверстает то, что он пропустил прошлой ночью. Играть в кости на качающемся на волнах корабле – не то, что играть на суше. Не так ли, Квинт?

– Не стоит ругать Фортуну! – воскликнул третий. – Она не слепа и не переменчива. При Антии, когда наш Аррий вопрошал ее, она ответила ему кивком головы, и на море не оставила его, направляя руль его корабля. Она забрала его от нас, но разве она не возвращала его нам с венцом новой победы?

– Его забрали от нас греки, – возразил первый. – Если уж ругать кого-то, то их, а не богов. Научившись торговать, они забыли искусство войны.

²² Мизены – мыс и город в Кампании, стоянка римского флота.

С этими словами компания прошла ворота и вышла на мол, перед которым расстился залив, казавшийся еще прекраснее в свете раннего утра. Для старого мореплавателя плеск волн прозвучал как приветствие. Он глубоко вдохнул свежий морской воздух и поднял руки над головой.

– Я принес свои дары Фортуне в Пренесте²³, а не у Антия – и посмотрите! Она послала западный ветер. Благодарю тебя, Фортуна!

Его друзья повторили эти слова, а рабы принялись размахивать факелами.

– А вот и мой корабль – вон там! – продолжал он же, указывая на галеру, приближающуюся к молу. – Моряку не надо другой любовницы. Разве твоя Лукреция может быть грациознее, мой Гай?

Глядя на приближающийся корабль, он имел все основания для гордости. На невысокой мачте наполнился ветром парус, весла в едином ритме опускались в воду, делали гребок, поднимались в воздух, застывали на несколько секунд и снова погружались в воду.

– Да, боги благосклонны к нам, – вновь заговорил старый мореход, не отрывая взгляда от приближающегося корабля. – Они даровали нам шанс. И наша вина, если мы им не воспользуемся. Что же до греков, то ты забыл, о мой Лентулл, что пираты, которых я собираюсь покарать, именно греки. Одна победа над ними стоит сотни побед над африканцами.

– И поэтому ты и направляешься в Эгейское море?

Моряк по-прежнему смотрел только на приближающийся корабль.

– Какое изящество, какая свобода! Он летит, словно птица! Только посмотрите! – задумчиво произнес он и тут же перебил себя: – Прости меня, мой Лентулл. Да, я направляюсь в Эгейское море и поскольку скоро покину вас, то расскажу причину этого – только держите ее в тайне. Я не хочу, чтобы ты упрекал дуумвира²⁴, когда увидишься с ним. Он мой друг. Так вот... Торговля между Грецией и Александрией, как ты, может быть, слышал, вряд ли меньше, чем между Александрией и Римом. В этих краях люди уже не празднуют Цереалии²⁵, и Триптолем²⁶ посылает им урожай, который даже не стоит убирать. Поэтому торговлю зерном нельзя останавливать даже на день. Вы, может быть, слышали и про херсонесских пиратов, гнездо которых находится на Понте. Отчаянные ребята, клянусь Вакхом! Вчера в Риме стало известно, что их флот прошел на веслах Босфор, потопил галеры Византия и Калхедона, прошел Пропонтиду²⁷ и вырвался на просторы Эгейского моря. Торговцы зерном, держащие свои суда в Восточном Средиземноморье, перепуганы. Они дошли до самого императора, так что из Равенны сегодня выходят в море сто галер, а из Мизен... – Он помедлил, поддразнивая любопытство своих друзей, и с пафосом произнес: – Одна.

– Счастливчик Квинт! Поздравляем тебя!

– Да, это изрядное продвижение. Мы салютуем будущему дуумвиру, никак не меньше.

– «Дуумвир Квинт Аррий» звучит куда лучше, чем «трибун Квинт Аррий».

И друзья принялись осыпать его поздравлениями.

– Я рад за тебя, – произнес подвыпивший друг, – я очень рад за тебя; но, однако, пока не пойму, поможет ли тебе это продвижение сыграть в кости с судьбой или нет.

– Спасибо, спасибо вам всем, – ответил Аррий. – Хотелось бы мне, чтобы вы были авгурами. Так и быть! Покажу вам, что вы и в самом деле предсказатели божественной воли. Смотрите – и читайте.

Из складок своей тоги он извлек свиток и передал его друзьям со словами:

²³ Пренеста древний город в Латии, к востоку от Рима, с храмами Фортуны и Юноны.

²⁴ Дуумвир – здесь: 1) должностные лица, ведавшие сооружением и оснащением военных кораблей и командовавшие ими, либо 2) носители высшей власти в муниципиях и колониях (председательствующие в сенате и верховном суде).

²⁵ Цереалия – праздник в честь Цереры (12 апреля), справлявшийся преимущественно плебеями.

²⁶ Триптолем – родом из Элевсины, любимец Цереры, создатель земледелия.

²⁷ Пропонтида (греч. «Предморье») – море между Геллеспонтом и Босфором Фракийским (ныне Мраморное море).

– Получено, когда мы с вами пировали прошлой ночью, – от Сеяна²⁸.

Имя это уже гремело во всем римском мире и не пользовалось той дурной репутацией, которую оно впоследствии приобрело.

– Сеян! – воскликнули друзья в один голос и склонились над строками послания.

«Сеян – Цецилию Руфусу, дуумвиру.

Рим, 19-й день до сентябрьских календ.

Цезарь получил хорошие отзывы о Квинте Аррии трибуне. В частности, он наслышан о его доблести, проявленной на просторах западных морей; так что он счел необходимым высказать свою волю на то, чтобы Квинт был немедленно переведен служить на восток.

Далее, в соответствии с волей нашего цезаря, вам предстоит отобрать сто первоклассных трирем с полным снаряжением, которые без промедления должны быть отправлены для действий против пиратов, появившихся на просторах Эгейского моря; Квинту же предстоит вступить в командование этим флотом.

Детали оставляю на твое усмотрение, мой Цецилий.

Дело это весьма спешное, как ты можешь понять, прочитав прилагаемые донесения и сведения об упомянутом Квинте.

Сеян».

Аррий почти не обращал внимания на читающих. По мере того как корабль приближался к молу, он все более и более очаровывался им. Взгляд его казался взглядом влюбленного. Наконец он позволил ветру заиграть распушенными складками своей тоги; в ответ на этот сигнал на аплюстре²⁹ был поднят алый флаг; несколько матросов, вышедших на палубу, стали выбирать шкоты, держащие антенну, или рей, убирая парус. Нос корабля поплыл в сторону, весла участили свои удары; корабль направился прямо к месту, где стояли Аррий со своими друзьями. Чуткость, с которой он слушался руля, и постоянство, с которым сохранял свой курс, были ценными качествами в предстоящем походе.

– Клянусь нимфами! – произнес один из друзей, возвращая свиток Аррию. – Мы можем больше не твердить о том, что наш друг будет великим человеком; он уже стал великим. Какие сюрпризы ты еще припас для нас?

– Никаких, – ответил Аррий. – То, что вы называете событием, давно не новость в Риме, особенно на пространстве между дворцом и Форумом. Дуумвир скрытен; что мне предстоит сделать, когда я стану во главе флота, он скажет только на палубе корабля, где меня ждет запечатанный пакет. Но корабль приближается и скоро пристанет, – произнес он, поворачиваясь к морю. – Интересно, кто им командует? Мне предстоит путешествовать и воевать вместе с ними. Не так-то просто пристать к этому берегу; так что давайте посмотрим и оценим их опыт и выучку.

– Как, ты еще не был на его борту?

– Я вижу этот корабль впервые; что ж, познакомимся в море. Там мы быстро поймем друг друга; любовь, как и ненависть, рождается от неожиданной опасности.

Корабль был того класса, который назывался *naves liburnicae*, – длинный, узкий, низко сидящий в воде, созданный для быстрого хода и легкого маневрирования. Из-под его скул на ходу вырывались две волны, порой обдававшие брызгами нос, вздымавшийся грациозным изгибом над палубой на высоту в два человеческих роста. С двух сторон под ним покоились фигуры Тритонов, трубящих в раковину. Ниже носа виднелся прикрепленный к килю и выдаю-

²⁸ Сеян Люций Элий (ум. 31 г. н. э.) – римский политик, командир преторианской гвардии и заговорщик в правление императора Тиберия.

²⁹ Аплюстра – приподнятая и разукрашенная часть корабельной кормы.

щийся чуть выше ватерлинии ростр, или клюв, – приспособление из массивного ствола дерева, обитого железом, использовавшееся в бою в качестве тарана. Привальный брус проходил по всей длине корабельного корпуса с каждого из бортов, предохраняя от ударов фальшборты; ниже привального бруса в три ряда тянулись отверстия, прикрытые щитками из бычьей кожи, через которые проходили весла – шестьдесят с правого борта и шестьдесят с левого. Высоко вздымавшийся нос был украшен кадуцеем³⁰. Два толстых каната, свешивавшиеся с бортов на баке, указывали на места, где были закреплены два якоря.

Простота оснастки говорила о том, что гребные весла были главной надеждой экипажа. Мачта, вынесенная ближе к носу, крепилась растяжками спереди и сзади и вантами, закрепленными за кольца на внутренней поверхности фальшбортов. Для подъема и спуска большого квадратного паруса и рея, к которому он был прикреплен, использовалась система блоков. Поверх фальшбортов просматривалась вся палуба.

За исключением моряков, которые спустили парус и сейчас вязали его к рею, стоявшие на молу видели всего только одного человека, стоявшего на баке, со шлемом на голове и щитом в руках.

Сто двадцать весельных лопастей, белых и блестящих от чистки пемзой и постоянного пребывания в воде, поднимались и опускались, словно приводимые в движение единой рукой, увлекая галеру вперед со скоростью, которой позавидовали бы иные из современных судов.

Галера приближалась к берегу так быстро и неосторожно, что свита трибуна застыла на месте от страха. Внезапно человек, стоявший на баке, поднял руку, отдавая команду; весла тут же взлетели вверх, застыли в воздухе, а затем, не делая гребка, снова опустились в воду. Вода закипела вокруг лопастей; галера вздрогнула всем корпусом и застыла на месте. Новый жест – и снова весла взлетели в воздух, застыли на мгновение и погрузились в воду, на сей раз сделав с правого борта гребок в противоположную движению сторону, а с левого борта загребая воду, как обычно. Три раза весла поднимались и опускались, гребя в противоположные стороны. В результате галера развернулась на месте; затем порыв утреннего бриза навалил ее бортом на мол.

Во время поворота взорам наблюдателей на берегу предстала корма галеры во всем ее великолепии – украшенная такими же Тритонами, что и нос, с написанным большими светлыми буквами именем судна, с боковым рулевым веслом, с приподнятым настилом, на котором стоял рулевой – исполненный достоинства, в полном вооружении, с рукой на рукояти весла; и, наконец, аплюстра – высокая, позолоченная, резная, нависающая над головой рулевого подобно листу дерева.

В середине разворота на галере коротко взвыла труба, и из-под палубы через отверстия люков на палубу стали выскакивать члены команды, в великолепном снаряжении, в бронзовых шлемах, со сверкающими щитами и дротиками в руках. Боевая команда выстроилась на шканцах, матросы вскарабкались по вантам и рассыпались вдоль рея. Офицеры и музыканты заняли свои места. До берега не донеслось никакого лишнего шума. Когда лопасти весел коснулись мола, с рулевого мостика на берег подали трап. Тогда трибун повернулся к провожавшим его и с серьезностью произнес:

– А теперь, друзья мои, простите – служба. – Сняв с головы венок, он протянул его игроку в кости. – Возьми этот венок, о несравненный любимец судьбы! – произнес он. – Если я вернусь, я попытаюсь отыграть мои сестерции, если мне не суждено победить, то я не вернусь. Повесть тогда на память обо мне этот венок в своем атриуме.

Повернувшись к остальным, он раскрыл им свои объятия, и они по очереди обняли его.

– Да помогут тебе вечные боги, о Квинт! – хором произнесли они.

– До свидания! – ответил он.

³⁰ Кадуцей – обвитый двумя змеями жезл Меркурия.

Рабы размахивали факелами; он помахал им в ответ рукой и повернулся к кораблю, ожидающему его. Как только нога его ступила на трап, снова взвыли трубы, а над аплюстрой взвился vexillum purpureum – вымпел командующего флотом.

Глава II НА ВЕСЛАХ

Стоя на рулевом мостике с развернутым приказом дуумвира в руках, трибун разговаривал с начальником гребцов:

- Какие силы в вашем распоряжении?
- Гребцов – двести пятьдесят два, десять надсмотрщиков.
- На подмену...
- Восемьдесят четыре.
- Какой у вас порядок?
- Сменяются каждые два часа.

Трибун некоторое время размышлял над услышанным.

– Довольно большая нагрузка, и я это изменю, но не сейчас. Гребля не будет прекращаться ни днем, ни ночью.

Затем, обращаясь к штурману, сказал:

– Ветер попутный. Пусть парус поможет гребцам. Когда эти двое отправились выполнять его приказание, он повернулся к старшему навигатору:

- Сколько лет ты служишь?
- Двадцать три года.
- И в каких морях плавал?
- Между нашим Римом и Востоком.

– Именно такой человек мне и нужен. – Трибун еще раз взглянул на приказ, который он держал в своих руках. – Когда обогнем мыс Кампонеллан, возьмешь курс на Мессину. Пройдя ее, будешь следовать вдоль калабрийского берега, пока слева не окажется Мелита, а потом... Ты знаешь звезды, по которым можно ориентироваться в Ионическом море?

– Хорошо знаю.

– Тогда после Мелиты возьмешь к востоку на Киферу. Если боги будут милостивы к нам, я брошу якорь только у Антемонского залива. Дело очень срочное. Я надеюсь на тебя.

Аррий был весьма рассудительным человеком – и, кроме того, принадлежал к тому типу людей, которые, возлагая дары на алтари храмов в Пренестре и Антиуме, тем не менее считают, что благосклонность богов более зависит от здравого смысла и мер, предпринятых их почитателем, нежели от его даров и обетов. Всю ночь он провел за столом, в возлияниях и играх; но сейчас соленый воздух моря сделал его снова моряком, и он не собирался успокаиваться, пока не узнает свой корабль по-настоящему. Только знание не оставляло никаких шансов для случайностей. Начав знакомство с начальником гребцов, штурмана и старшего навигатора, он вместе с другими офицерами – командиром боевой команды, начальником склада, мастером машин и старшим по камбузу – прошелся по нескольким отсекам корабля. Ничто не укрылось от его взора. Закончив инспекцию тесного мирка, скрытого между бортов корабля, он уже знал практически все о материальном снаряжении для предстоящего путешествия и о возможных случайностях. Сочтя приготовления к походу исчерпывающими, он оставил себе на будущее одну, но зато самую сложную вещь – знакомство с людьми, поступившими под его командование. Эта задача требовала гораздо большего времени, он решил взяться за дело так, как привык.

В полдень того же дня галера разрезала волны на траверзе Пестума. По-прежнему держался западный ветер, наполняя парус и помогая гребцам. Были установлены вахты. На полубаке возвели алтарь, окропили его солью и ячменем, и трибун перед ним вознес торжественную молитву Юпитеру, Нептуну и Океанидам, а потом, произнеся обет, совершил в их честь

возлияние вином и воскурил благовония. И вот теперь, чтобы лучше узнать своих подчиненных, он собрал их в кают-компании корабля.

Кают-компания была центральным помещением галеры – размером шестьдесят пять на тридцать футов, освещаемая солнцем через три широких люка. Ряд пиллерсов проходил из конца в конец ее, поддерживая подволоку, ближе к центру помещения виднелось основание мачты, у которого были составлены секиры, копья и дротики. Справа и слева к каждому люку поднимались двойные трапы с крепежными устройствами наверху, позволявшими закреплять поднятые нижние половины трапов к подволоку. Сейчас, когда эти половинки трапов были подняты и закреплены наверху, помещение приобрело вид освещенного сверху зала.

Кают-компания была сердцем галеры, общим домом всех находящихся на ее борту людей – столовой, спальней, гимнастическим залом, местом проведения свободного времени – благодаря правилам, регламентировавшим пребывание в ней до мельчайших деталей и неотвратимым, как смерть.

В глубине помещения находилась возвышенность, на которую вели несколько ступенек. Там располагался начальник гребцов. Перед ним стояло нечто вроде сделанного из дерева полого барабана, на котором деревянным молотком он отбивал ритм гребли. Справа от него находилась клепсидра – водяные часы, по которым он отслеживал время вахт и смены гребцов. Еще выше был помост, обнесенный позолоченными перилами, местопребывание трибуна, надзирающего за всем происходящим на корабле. Там стояли ложе, стол и кафедра, кресло с мягким сиденьем, опорами для рук и высокой спинкой – вещь, которую имперское руководство позволяло держать для пущей важности.

В этом кресле сейчас и располагался Аррий, покачиваясь в такт движению корабля, облаченный в алый воинский плащ, наброшенный на белоснежную тунику, с мечом у пояса, внимательным взглядом рассматривая своих, столь же внимательно разглядывающих его, подчиненных. Этот требовательный взгляд командующего дольше всего задержался на гребцах. Читатель, без всякого сомнения, поступил бы точно так же; но взгляд его был бы куда более сочувственным; мысли же трибуна, минуя то, что представляло непосредственно его взгляду, устремлялись вперед, требуя результата.

Само по себе зрелище было достаточно неприятное. Вдоль бортов корабля, накрепко прикрепленное к его остову, располагалось то, что с первого взгляда напоминало три ряда сидений. При более пристальном рассмотрении это сооружение представляло конструкцией из возвышающихся одна над другой сидений-банок. В каждой из таких конструкций вторая банка располагалась несколько сзади и выше первой, а третьи были сдвинуты сзади и выше вторых. Чтобы вместить шестьдесят гребцов каждого борта в отведенное для них место, на этом пространстве располагались девятнадцать таких сооружений, отстоящие друг от друга на расстояние примерно в один ярд, а двадцатый блок был установлен так, что верхняя находилась как раз над нижним сиденьем. Такое устройство предоставляло каждому гребцу довольно много места для работы, если он двигался в такт со своими товарищами по несчастью. В общем, все это напоминало строй солдат, идущих в ногу. Блоки сидений можно было умножать, их число ограничивалось только длиной галеры.

Те из гребцов, что занимали первую и вторую банки, гребли сидя. Гребцам третьей банки, работающим с более длинными веслами, приходилось ворочать их стоя, что усугубляло их положение. Вальки³¹ весел были залиты внутри свинцом, сами весла подвешены на сыромятных ремнях, проходивших через точку баланса, что делало возможным грести без излишних усилий, но в то же время требовало изрядного умения, поскольку случайная волна могла в любой момент ударить в весло зазевавшегося гребца и вальком сбить его с ног или

³¹ Вале́к – утолщенная часть весла, играющая роль противовеса. Все весло (считая от гребца) состоит из рукояти, валька, веретена, лопасти.

выбить из сиденья. Каждый из портов для весел представлял собой отверстие, через которое гребцу, сидевшему около него, поступал чистый морской воздух. Свет попадал через решетчатый помост, бывший частью прохода между палубой и фальшбортом. Так что положение этих людей было не самым худшим. Однако трудно сказать, что они наслаждались жизнью. Общаться между собой им не разрешалось. День за днем они проводили на своих скамьях, не произнося ни слова, во время работы даже не видели лиц своих товарищей по несчастью; коротких перерывов в гребле едва хватало на сон и еду. Они не улыбались; никто никогда не слышал, чтобы кто-нибудь из них пел. Да и для чего им нужен был дар речи, если стоны или вздоха вполне достаточно, чтобы все поняли, какие чувства переживает этот человек? Существование этих несчастных было подобно подземной реке, текущей медленно, выискивая путь наружу.

О Сын Марии! Оружие теперь стало одушевленным! Но это теперь; во дни же, о которых мы повествуем, плен означал только тяжкую и нудную работу на укладке стен, на улицах и в шахтах; галеры же, как военные и торговые, были просто ненасытны. Когда Друилий завоевал своей стране победу в первой морской битве, римляне просто молились на весла, и на долю гребцов выпала слава не меньше, чем на долю моряков. Сиденья гребцов, которые мы с вами сейчас рассматриваем лишь как оборудование корабля, тогда знаменовали собой перемены, пришедшие с завоеваниями, и олицетворяли собой как политику, так и доблесть Рима. На этих сиденьях побывали сыны почти всех наций, выбранные за их силу и выносливость: бритты, ливийцы, киммерийцы. Среди гребцов всегда можно было увидеть скифов, галлов, египтян. По приговору сюда попадали готы и лангобарды, иудеи, эфиопы и варвары с берегов Меотиды. Потомок эллинов делил сиденье с рыжеволосым гиперборейцем, оливковокожий левантинец – с голубоглазым кимвром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.